

И.Минаков Н.Лескова А.Первушин
П.Амнуэль Е.Войскунский Я.Веров

НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА

БОЗОН ХИГГСА

НФ-возрождение: **новый рассвет**

Антон Первушин
Бозон Хиггса (сборник)

«Снежный Ком»

Первушин А. И.

Бозон Хиггса (сборник) / А. И. Первушин — «Снежный Ком»,

Кто сказал, что НФ умерла? Нет, она затаилась – на время. Взаимодействие личности и искусственного интеллекта, воскрешение из мертвых и чудовищные биологические мутации, апокалиптика и постапокалиптика, жесткий киберпанк и параллельные Вселенные, головокружительные приключения и неспешные рассуждения о судьбах личности и социума – всему есть место на страницах «Бозона Хиггса». Равно как и полному возрастному спектру авторов: от патриарха отечественной НФ Евгения Войскунского до юной дебютантки Натальи Лесковой. НФ – жива! Но это уже совсем другая НФ.

© Первушин А. И.

© Снежный Ком

Содержание

Николай Калиниченко. ПЕРЕМЕННАЯ ЧЕЛОВЕКА (предисловие)	5
Ярослав Веров, Игорь Минаков. CYGNUS DEI	9
Песнь первая	9
Песнь вторая	31
Песнь третья	48
Наталья Лескова. МАРСИАНИН	59
Глава первая	59
Глава вторая	66
Глава третья	74
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Бозон Хиггса (сборник)

Николай Калининченко. ПЕРЕМЕННАЯ ЧЕЛОВЕКА (предисловие)

*«...Без малейшего усилия, – только чуть вздохнул теплый воздух
вокруг, – Смит поднялся над землей. Быстро, беззвучно взмыл он ввысь
и вскоре затерялся среди звезд, устремляясь в космические дали...»
Рэй Брэдбери «Превращение»*

Мы берем грубый камень и наполняем его смыслом при помощи нехитрых приспособлений. Мы собираем из разрозненных слов мудрые стихи и прекрасные песни. Из злаков – делаем хлеб, из дерева – возводим дома. Человек изменяет все, до чего способен дотянуться. А как насчет нас самих? Достаточно вспомнить эллинские мифы о кентаврах и сатирах, сиренах и nereидах – существах, совместивших человеческие и животные признаки. Подобные истории в том или ином варианте присутствуют у любого народа. Отождествление себя с животными, стремление приобрести качества, присущие другим видам, свидетельствует о неукротимом желании homo к преобразению собственной природы.

Наряду с культурными опытами люди постоянно стремились отыскать в самотрансформации и чисто практическую пользу. Большинство древних цивилизаций может похвастать обособленными группами граждан, обладающими исключительными психологическими установками и физическими параметрами. Эти полезные отличия достигались благодаря хирургическим операциям, регулярным тренировкам и даже селекции. Властители государства Спарта вели сознательный отбор граждан, воспринимая целый народ как механизм по выведению идеальных воинов. Японские синоби обладали фантастическими возможностями в области шпионажа. И что бы делали правители древности без широко распространенного института евнухов? Существуют и более безобидные «забавы», связанные с эстетической потребностью совершенствования собственного тела: от древнего искусства татуировки до культурных обычаев народов Африки по вживлению под кожу орнаментов из камней. Можно также вспомнить некротические опыты древних египтян с их изощренными ритуалами по изменению человеческого тела, способствующими правильной инициации умершего в загробном мире.

Сегодня наука может подтвердить то, что наши предки воспринимали интуитивно. Тяга к физиологическим эволюциям лежит в основе самой человеческой природы. Неслучайно эмбрион в утробе матери проходит разнообразные стадии: от простейшего одноклеточного через хвостато-жаберную фазу к зародышу.

Достичь существенных успехов в осознанном физическом преобразении нам мешало и по-прежнему мешает несовершенство технологий и ряд религиозно-этических догматов, принятых большей частью социума.

Тем не менее, стремительное развитие мировой научной мысли, воплощенное в многочисленных изобретениях и проектах, создает возможность в ближайшем будущем подойти к незримой черте, за которой мифы становятся реальностью. В этой связи вполне симптоматичными выглядят попытки писателей-фантастов осмыслить происходящие и предвосхитить в литературной форме если не технические характеристики, то хотя бы тенденции и образы, настроение надвигающихся перемен.

* * *

Заглавная повесть сборника от Игоря Минакова и Ярослава Верова с легким романтическим названием «*Cygnus Dei*» переносит читателей в отдаленное и отнюдь не светлое будущее. Знакомый многим российским туристам Крымский полуостров превращается в подобие заброшенного и смертельно опасного полигона, заполненного немирными продуктами генных экспериментов. «...Алушты не было. Внизу расстилались буйные джунгли, из которых редкими клыками торчали развалины каких-то сооружений». Героям повести приходится не только противостоять агрессивной внешней среде, но и следовать указаниям загадочного зова в поисках новых товарищей по несчастью. Эта история – своего рода ловушка для любителей приключенческой фантастики, не готовых к изощренным научным обоснованиям. Привычный экшен неожиданно приобретает форму экзистенции с ярко выраженным научно-фантастическим уклоном. Повесть Верова-Минакова – синтез образа, включающего в себя ряд традиционных футуристических схем (глобальная катастрофа, био-модификации, развитие технологий) и оригинальной идеи, также вырастающей из существующих фантастических допущений и научных гипотез. Для сборника в целом «*Cygnus Dei*» выполняет ту же роль, что и Пушкинское «У Лукоморья...» для «Руслана и Людмилы». Помогает читателю поймать нужную «волну».

Повесть известного популяризатора отечественной космонавтики Антона Первушина «Вертячки, помадки, чушики», печальная история-предупреждение о странном пришельце из космоса, обращает внимание читателя на хрупкость привычных для наших современников морально-этических установок и социальных норм перед диктатурой будущего. Первым к этой проблеме обратился еще Герберт Уэллс в знаменитой «Машине времени». Причудливая и страшная картина разделения человеческой расы на беспомощных потребителей элоев и отвратительных обитателей подземелий – морлоков задает широкий диапазон для спекуляций на тему образа человека в будущем. Естественный страх людей перед нарушением привычного порядка вещей создает известное неравенство между оптимистическими текстами, расписывающими преимущества будущих преобразований, и мрачными пророчествами о грядущих бедах – следствии человеческой самонадеянности.

Та же самая уэллсовская «магистраль» прослеживается в совершенно иной по настроению, чем произведение Первушина, повести Натальи Лесковой «Марсианин». Основным фантастическим допущением этого текста является технологическая инновация по усовершенствованию человеческого мозга посредством внедрения искусственной логической машины. Научная составляющая здесь несколько умалется, и на передний план выходят необычные приключения группы подростков в странной посткатастрофической реальности. По духу это произведение напоминает рисованные фильмы в стиле аниме, часто скрывающие серьезный философский «подстрочник» за нарочитой пестротой художественных решений и адреналиновой динамикой сюжета: «...Реальность откровенно подтормаживала. Не лента бытия, а слайд-шоу. Как иначе объяснить, что столько событий могло в считанные секунды уместиться?»

Расширение возможностей сознания за счет кибернетических имплантов – тема не новая, но весьма востребованная, особенно на фоне последних научных разработок. Как правдиво сказал разумный клоп Говорун из незабвенной «Сказки о тройке» Аркадия и Бориса Стругацких: «...Вы уподобляетесь калеке, который хвастает своими костылями». В самом деле, использование человеком разнообразных вспомогательных технических средств создает опасность деградации собственных врожденных возможностей. Чем безупречнее костыль, тем слабее его носитель – конечно, не аксиома, но вполне вероятный сценарий, о котором нельзя забывать на пути к совершенству.

В повести «Исповедь» Павел Амнуэль рассуждает над излюбленным философами вопросом о сознании и бытии. Что, если все наши свершения, переживания и борьба – всего лишь химеры ложной памяти, вызванные предсмертным спазмом сознания? Где проходит граница объективного восприятия реальности и есть ли она вообще? Отвлеченные вопросы, располагающие к пространным и зачастую бессмысленным рассуждениям, приобретают неожиданную актуальность для главного героя «Исповеди», переходящего из одной реальности в другую. Эта печальная «мемуарная» повесть, без остатка погруженная в быт, на первый взгляд вовсе не относящаяся к научной фантастике, удивительным образом сочетается с техноориентированными вещами сборника. Переход из жизни в жизнь равносильен перезагрузке программы в искусственном мозгу. И самое главное, что никто, кроме закулисного божественного оператора, не может сказать, какое из разменянных Я было исходным. Наблюдая болезненную некротическую экзистенцию героя Амнуэля, читатель невольно проводит аналогии с собственной жизнью, вспоминая критические моменты, которые есть в судьбе каждого человека.

Тема взаимодействия человеческого сознания с механизмами, формирующими реальность, прослеживается в повести «Девиант» одного из старейших пишущих фантастов Евгения Войсунского. Переживший свою эпоху писатель не торопится сразу раскрывать карты. Скупыми горстями высевает семена небывалого в сухую почву повседневности. Благодаря стилистическим особенностям текста, построению сцен, динамике диалогов, у читателя может сложиться ложное ощущение, что «Девиант» – из числа фантастических текстов ближнего прицела. Вот-вот персонажи повести изобретут реактивный трактор или откроют новый вид простокваши. Однако время на дворе не то. Закрываются институты, уезжают за границу молодые специалисты. Главный герой, эдакий повзрослевший носовский фантазер, идет по жизни в поисках чуда. Вольный бродяга и гражданин мира – он ищет откровения в глазах любимой, в пейзажах далеких стран, в экзотических напитках и необычных местах. Однако сверхъестественное является мечтателю в странных совпадениях, шлет видения небывалого прошлого, нашептывает секреты бытия словами литературных героев. Это произведение смело можно было бы отнести к мистике или даже к магическому реализму, если бы не уже упомянутая повесть «*Cygnus Dei*», в которой: *«...всё просто. Времени нет. Настоящее не превращается в прошлое, а в виде свёртки уходит на субквантовый уровень. Любая информация сохраняется...»* В этом свете литературные пророчества в повести Войсунского выглядят более научнообразно.

Особняком от прочих историй стоит «Бозон Хиггса». Заключительная вещь сборника. Это и текст-предупреждение, и чрезвычайно интересное научное исследование, вырастающее из фантастического допущения о возможной недоработке в эксплуатации адронного коллайдера. Ярослав Веров со свойственной ему изобретательностью, подкрепленной серьезным научным базисом, показывает, каким пугающим переменам может подвергнуть наш мир вмешательство в гармонию элементарных частиц. Вместе с автором мы проникаемся невероятной, по-настоящему фантастической хрупкостью привычной реальности, окруженной сонмом голодных чудовищ. *«Ибо дьявол ходит вокруг, аки лев рыкающий...»*. «Бозон Хиггса», точно камень, замыкающий свод, подводит нас к теме неслучайной случайности, так или иначе проявляющей себя во всех собранных текстах. В конечном итоге, любой фантаст, избравший для себя направление к будущему, занимается поисками скрытых закономерностей в стремительной трансформе быстротечной жизни.

* * *

Сборник предназначен для вдумчивого неторопливого чтения. Явление по нынешним временам редкое. Человек, решивший взять «Бозон» нахрапом, скорее всего, потерпит неудачу. Коммерческая привлекательность данной подборки представляется весьма неод-

нозначной. Пугающее непосвященных название, внушительный объем и сложность текстов, отсутствие разгружающих, легких произведений – факторы, работающие против популярности. Может быть, именно такие книги и нужны сейчас больше всего. По-хорошему эстетские, некоммерческие проекты дают любознательному читателю серьезно расширить свои горизонты. Понять, что, кроме приземленных, развлекательных функций, научно-фантастическая литература решает широкий спектр задач, лежащих в совершенно иной плоскости, чем те вопросы, какими обычно занимается популярная проза. Встретить подобную вещь на прилавках магазинов – словно увидеть непокрытое лицо среди пестрого маскарада. Сначала испытываешь раздражение. «Да как он посмел!?» А потом невольно любуешься гармонией черт, дарованных человеку создателем.

В сборнике отметились писатели разных поколений. Причем все авторы по сей день продолжают работать в любимом жанре. Историческая дистанция, разделяющая творцов, в сочетании с условиями современности, от которых приходится отталкиваться и молодым писателям, и почтенным литераторам, создает полифонию образов. Читатель оказывается на конференции, в которой вместо реплик собеседники обмениваются текстами. И тексты говорят друг с другом, отталкиваясь и совмещаясь, образуя необычные сочетания, порождают долгое смысловое эхо. Лишь временами сквозь извивы сюжетных линий можно разглядеть кукловодов. Изменчивых людей изменчивого мира.

Николай Калинин

Ярослав Веров, Игорь Минаков. CYGNUS DEI

*И, силой пленённый могучей,
Гребец не глядит на волну,
Он рифов не видит под кручей,
Он смотрит туда, в вышину.*

Генрих Гейне

*Но за мир твой, с выси звездной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.*

Сергей Есенин

Песнь первая

Он очнулся. В затылок плеснуло расплавленным свинцом, да какое там свинцом – ураном, иридием, торием... Он лежал, смотрел в призрачно-голубое небо и не понимал смысла всплывших в памяти образов. Вернее, не помнил. Не помнил и не понимал. Потом возникло имя – Олег, и он понял, что это его имя, это он, Олег, и, наверное, он вчера таки крепко набрался... несколько мгновений ему понадобилось, чтобы понять, что означает – «набрался»... А по какому поводу?

Он неловко повернулся, сел. Поднялся на ноги. Боль перетекла из затылка в виски и лоб. Провёл языком по дёснам – передёрнуло от непривычного сладкого?... нет, сладко-горького привкуса во рту. Мироздание дрожало, разбитое на миллион осколков, и никак не желало собираться в единую картину. Заросшая буйным разнотравьем поляна. Яйла, нет, низковато для яйлы, вон же впереди море, и оно не слишком внизу, значит, где-то поблизости трасса... Трасса. Трасса это асфальт, разделительные полосы, дорожные знаки. Дорога. Трасса это дорога. Дорога это путь. Он рассердился, оборвал закрутившуюся сумятицу мыслеобразов. Смотреть. Вспоминать.

Море – угрюмое, серое, а горизонт залит багрянцем, и облака над горизонтом разноцветные, сизо-фиолетовые, розовые, белые. Деревья. Вниз. Высокие, иглы длинные. Крымская сосна. Значит, Крым. Конечно, а что же ещё? Но где? Он повернулся. Наполовину заросший лесом горный массив. Демерджи. Да, правильно. Демерджи. Возникло воспоминание – там, на Демерджи его однажды укусил каракурт. Сам виноват – попёрся в поход один, помедитировать над проблемой нестационарного распределения неклассических галактик. Да, галактик. Галактика это небо, звёзды, космос, Вселенная. Да, он астроном. Сейчас он понимал это совершенно ясно. Он астроном, его зовут Олег и... и...

Он поднёс к лицу руки – их окутывало слабое марево, нет, не марево, какая-то слизь. Или померещилось? Нет, руки как руки. И почему он в костюме? В штиблетах? Неужели Гришковец защитил диссер и был банкет? Да, то есть нет. То есть – защитил, и банкет был... но не вчера, раньше. Что же такое было вчера? Надо спуститься к морю, подумал он. К морю. Окунуться. Эка занесло – до Алушты километров пять. Словосочетание «пять километров» вызвало странное ощущение... холода? Страх? Нет, не так – чего-то смутно и неприятно знакомого? Не поймёшь.

Он двинул вниз по склону – сперва медленно, ноги были как две сухие жерди и поначалу упорно отказывались гнуться в коленях, но потом идти стало легче, и плещущая боль в голове отступила, и вкуса сладкой полыни уже не было на губах.

Деревья. Сосна, кедр, кипарис. Узнавание радовало, но тут же порождало и смутное беспокойство – память продолжала издеваться над ним. Вот за этим отрогом сейчас откроется Алушта. Ещё одно название, очень смешное, – Ал-у-у-шта, – ещё одно осознание – конечно, он живёт в Алуште. А работает на обсерватории, в Голубом заливе – неблизко, но жить на обсерватории не хочет. Слишком тесно, слишком много не в меру общительных коллег. Он любит одиночество. Одиночество способствует консервации мысли... Нет, не так. Концентрации – вот правильное слово. А вот это платаны. Да. Платан – растение, Платон – философ, а плато это яйла... Новым усилием воли он подавил приступ сумбура. Вот – роща. Мощные, красивые деревья, странно, что он не помнит этого места. Вон – море, уже сверкают на востоке отражения солнечных лучей. А вон чайка. Высоко парит... Нет. Не чайка. Странная птица, и крупная...

Птица заложила вираж и стремительно приближалась, словно, прочитав мысли, хотела дать возможность хорошенько разглядеть себя. Ближе, ближе...

– Господи! – хрипло произнёс он.

У «птицы» было человеческое, даже – он был уверен в этом – женское лицо, и волосы, золотые волосы, развеваемые встречным ветром. Бред, горячка. Делириум тремс. Я сошёл с ума.

Я сошёл с ума, повторял он, пятась в глубь рощи. Словно древесная сень могла избавить от наваждения. Споткнулся о какой-то корень и опрокинулся на спину. Поспешно встал на четвереньки – ощутил, как что-то плотно сдавило щиколотку. Расщелина? Нет. Нога словно прилипла к бурому и толстому, как ржавый трос канатной дороги, корню. Не прилипла – прикована мощным древесным браслетом. Он осторожно поднялся. А спустя миг «трос» натянулся и повлёк его за собой. Неторопливо, но настойчиво. Он запрыгал было на одной ноге, не удержался, снова упал, вцепился обеими руками в подвернувшийся ствол, но не выдержал и пары секунд: всё равно что сопротивляться механизму. Неведомая сила повлекла его быстрее, и казалось, нетерпеливее, он перекрутился на спину, схватился за «трос», сляясь приподняться, – и увидел конечную цель «путешествия».

Толстое дерево только листьями было похоже на платан. Ствол больше напоминал винную бутылку или бочонок. Посреди ствола зияло дупло. Если можно назвать дуплом жадно разверстую розовую пасть с тягучими белёсыми слюнями. Плотоядное растение? В Крыму? Я сошёл с ума...

Он закричал, вернее – завопил, громко и бессмысленно, и с неба отозвался звенящий печальный голос, и он понял, что это кричит птица с человеческим лицом, и не просто кричит – оплакивает... или зовёт на помощь?

Ш-ш-ш! Огненная полоса перечеркнула землю между ним и древесным чудовищем, смертельное натяжение исчезло, а «трос», вернее, его обрубок вдруг сделался горячим и вялым, и он трясущимися руками выдернул ногу из «браслета», а потом в поле зрения возник человек, именно возник, потому что он был в зелёной камуфляжной одежде, и разглядеть его получилось только, когда незнакомец вплотную приблизился к дереву и вскинул руку с чем-то длинным и блестящим.

Ш-ш-ш! Ещё одна молния, на этот раз прямо в розовую слюнявую пасть. «Дерево» содрогнулось, зашелестело. Нет, шелестело не «дерево», вернее, не само оно: многочисленные корнешупальца, разбросанные по сторонам, спешили, шурша в палой хвое, к стволу, чтобы втянуться в него, не оставив и следа.

– Да, – произнёс незнакомец. – Так. Вставай, не время расслаиваться.

Голос человека, привыкшего командовать. Да и одет по-военному: галифе, гимнастёрка туго перетянута чёрным ремнём. Стоит уверенно, широко расставив ноги. Правда, на ногах не пойми что: то ли борцовки, то ли альпинистские ботинки.

Олег – да, теперь он хорошо помнил, кто он – нехотя повиновался. Он не любил военных, не любил вспоминать свою «срочную». Армия – хорошая школа, но лучше бы он прошёл её заочно.

Незнакомец глядел серо-льдыстым взглядом, пристальным и цепким. Словно в лице у Олега есть что-то такое, что следует изучать вот так – внимательно, спокойно и... и... Неприятный взгляд из-под белёсых выгоревших бровей. И волосы белёсые. И рыжая борода.

– Еврей? – неожиданно поинтересовался незнакомец.

– А... По отцу. А какого?..

– Для полной занозы в задницу мне недоставало ещё и еврея, – заметил офицер, засовывая за пояс серебристую «трубу», плюющую молниями.

В голове возник вихрь: бластер, скорчер, плазмоган, разрядник... конечно, офицер, вон у него в петлицах и знаки какие-то...

– За мной, – распорядился офицер.

Неразговорчив?

– А это? – Олег указал на «дерево».

– Живоглот ещё не скоро очухается, – пояснил военный и, не говоря больше ничего, заскользил вниз по склону.

Двигался он с грацией крупной кошки.

Подобие тропы петляло между валунов, становилось жарко. Олег по ходу расстегнул дурацкий пиджак, обнаружил, что один рукав почти оторван, хотел было скинуть вовсе, но незнакомец двигался столь стремительно, что, казалось, начни выдёргивать руки из рукавов, замешкайся, и он навсегда исчезнет, растворится среди валунов и... кипарисов. Да, кипарисов.

Вид на алуштинскую долину распахнулся внезапно, когда после непонятно какого по счёту изгиба «тропы» они оказались на ровном участке. Незнакомец обернулся, скомандовал:

– Привал, – и опустил на гладкий валун.

Алушты не было. Внизу расстилались буйные джунгли, из которых редкими клыками торчали развалины каких-то сооружений. А в районе набережной, где полагалось находиться курортной поликлинике, высились две колоссальные башни, увенчанные гранёными рубиновыми шарами. Шары сверкали свеженалитой кровью.

– Энергостанция, – проследив взгляд Олега, счёл нужным пояснить незнакомец. – Работает, всё под током. Большая редкость. Садись, – он небрежно указал на соседний валун. – Рассказывай, как ты умер.

– Что? – не понял он.

– Рассказывай, как ты умер, – повторил офицер.

– Я умер?

– Если бы существовала шкала для определения глупости, ты бы вышел за её пределы, – сказал офицер.

Быстро как-то сказал, для такой сложной фразы, словно выплюнул. Или ругательство произнёс. И добавил:

– Я, Дитмар фон Вернер, гауптштурмфюрер СС, отдельный горнострелковый батальон, убит седьмого мая тысяча девятьсот сорок четвёртого года во время наступления русских на Севастополь.

Дошло: в правой петлице гимнастёрки две рунические «С». В левой – три звезды, две полоски. Точнее, всплыло из памяти. Всё, связанное с фашистской Германией, фанатично собирал друг детства Володя, он же и просвещал насчёт кто какой кортик носит, и какие нашивки да шевроны... Гауптштурмфюрер. СС. Очень даже замечательно.

– Мы тебя уже третьи сутки здесь ждём, – добавил немец. – Говори.

– Меня? – переспросил Олег. – Кто ждёт? Где?

– Тебя, еврей, тебя, – откликнулся эсэсовец. – На энергостанции. Там сейчас двое. Монах и баба. Им повезло, как и тебе... Ну так как ты умер?

– Не помню, – буркнул Олег.

Кстати, что я вообще помню, подумал он. Пьянки коллегиальные на обсерватории помню. И работу помню. Расчёты и наблюдения, наблюдения и расчёты, и перетряхивание западных научных сайтов, и тоска – кому она здесь нужна, астрономия, надо было ехать, в Штаты, когда приглашали... Помню. Своеобычные субботние посиделки с Татьяной в какой-нибудь из многочисленных кафешек, и столь же своеобычные финалы этих посиделок. Горы. Походы тире медитации... Вот когда каракурт укусил, помню, такое разве забудешь...

– А говорили, что евреи умные. – Фон Вернер сплюнул между ботинок. – Хочешь сказать, что всё это, – он мотнул белобрысой головой, – тебе знакомо?

– Не всё, – проговорил Олег. – Но кое-что узнаю...

Гауптштурмфюрер пожал плечами.

– Кое-что и я узнаю, – сказал он. – Запомнишь, пожалуй, когда поползаешь по здешним скалам на брюхе. Ох, и прижали нас русские. Головы не поднять... Я вот поднял, а русский снайпер её сбрил... Помню, блеснуло на противоположном склоне, а эха выстрела уже не услышал. Очнулся весь в какой-то липкой дряни. Ни черта не соображаю, слышу только птица поёт... Ладно, не хочешь говорить, дело твоё. Идти пора, пока хатули не нагрязнули.

– Кто?

– Коты здоровенные. Раза в два крупнее африканского льва.

Он невольно вздрогнул, но едва заметное движение не укрылось от пристального взгляда немца.

– Не дрейфь, еврей, – усмехнулся тот, поднимаясь. – Пушка со мною. Отобьёмся, если что.

Он зашагал к едва заметному прогалу в стене растительности. Не оглядываясь.

– Моя фамилия Сахновский, – сказал Олег ему в спину. – Сахновский Олег Яковлевич. По профессии – астроном. Работаю... Работал на Симеизской обсерватории.

Фон Вернер покосился на него поверх камуфляжного плеча.

– А на кладбище как оказался?

– Что?

– На кладбище, говорю, – повторил гауптштурмфюрер. – Не знаю, в чём дело, но живоглоты обычно предпочитают места упокоения...

Фрагменты образов, слова, никак с ними вроде не связанные, кусочки раздробленной мозаики, рассыпанные по уголкам памяти, – сложились. В чёткую до беспощадности картинку... Резкие боли в спине... Режущая боль в животе... Тошнота... Рвота... Опухоль растёт как на дрожжах... Нечем прижечь ранку – ни спичек, ни зажигалки... Впервые острое сожаление, что бросил курить... До ближайшего жилья километров пять... Ну а алуштинское кладбище так и называется – «Пятый километр». Вот откуда неприятное это воспоминание...

– Вспомнил, – заключил эсэсовец. – По глазам вижу. Ну?

– Двадцать пятого мая две тысячи девятого года меня укусил каракурт, – сказал Олег. – И, видимо, до медпункта добраться я не успел...

– Каракурт – это скверно, – отозвался фон Вернер. – Рядового Вирхова тоже кусал каракурт. Бедняге пришлось помаяться. У меня был приказ отправлять с передовой только тяжело раненых. Но Вирхов выжил. Ему была оказана своевременная помощь...

Олег слушал, но не трёп восставшего из небытия эсэсовца, а себя. В каком-нибудь фантастическом романе, до которых он был так охоч в юности, да и сейчас... ха-ха, сейчас... скажем так – совсем недавно непрочь был перелистнуть иногда от скуки, непременно написали бы... Да, что же там написали бы? *«Ошеломляющее открытие приглушило восприятие, словно стена...»* – да, стена, непременно – *из толстого противоударного стекла, – отгородив его от*

мира. Сознание искало спасительную лазейку. Сон. Кошмар. Завтра он встанет и расскажет всё Татьяне, за чашкой утреннего кофе. Будет над чем посмеяться...»

Чепуха. Он умер – это ясное, чёткое и холодное знание. Он помнит каждую деталь – как непослушными пальцами набирает на мобильнике телефон «службы спасения», кричит в трубку, голос срывается от боли... последние судороги и конвульсии. А потом – сразу, без перехода – расплавленный свинец в затылке и призрачно-голубое небо над головой. Умер и воскрес. В мире, где на берегу Чёрного моря обитают птицы с человеческими лицами, деревья охотятся на людей, рыщут в поисках добычи гигантские кошки, а эсэсовский офицер, вооружённый чудо-оружием будущего, ведёт русского астронома с половинкой еврейской крови к странному зданию, именуемому энергостанцией. И что дальше?..

Долгий переливчатый свист прервал поток размышлений. Олег впился взглядом в ледяные глаза немца. Свист повторился. Вернее – раздался с другой стороны. В ответ.

– Хатули, – процедил немец. – Чёрт, почуяли... Теперь надо бегом, еврей...

– Если ты ещё раз назовёшь меня евреем, я не сдвинусь с места!

– Неужели? – насмешливо улыбнулся эсэсовец.

– Да, немец! Зови меня Олегом.

Гауптштурмфюрер снова усмехнулся – на сей раз одобрительно, и протянул ладонь для рукопожатия:

– Дитмар. А сейчас, Олег, как говорят у вас... русских, ноги в руки!

И они взяли ноги в руки. Дитмар скользил как тень. Перепрыгивал с валуна на валун, уворачивался от нависающих над тропой веток. Олег старался соответствовать. С каждым шагом, с каждым прыжком двигаться становилось всё легче. Мышцы ног наливались силой. Совсем как в дни туристической юности. Хотя, пожалуй, и тогда он не был столь ловок. Странно. Кстати, и тяжесть в голове улетучилась, и мысли улеглись. Как будто воспоминание о собственной кончине запустило в нём какой-то механизм. Механизм восстановления. Или – перезагрузки. Это обдумать, но – потом. А сейчас – прыжок, ещё прыжок. Нырок под нависающий сук. Стоп!

Олег ткнулся в спину остановившегося вдруг Дитмара. Плазмоган гауптштурмфюрер держал стволом вверх.

– В чём дело?

– Тсс... Замри!

Замер, стараясь унять дыхание. Прислушался. Кроме шороха ветра в листве, никаких звуков. Или...

– Ложись!

Дитмар сбил его с ног. Навалился всем телом, прижал к усыпанной хвоей земле. Шварк тяжёлых лап. Разбойничий свист. И сразу – ш-ш-ш...

– Чёрт, промазал...

Немец поднялся, скомандовал:

– Вставай. Продолжаем движение.

И канул в грязно-зелёную, как его обмундирование, лесную полутьму. Олег подскочил, точно на пружинах. Отставать нельзя. Никак нельзя. Раз воскреснув, тут же умереть – слишком нелепо. Значит, надо жить.

Заросли оборвались, рассечённые неширокой просекой. Вдоль неё тянулась труба, похожая на газовую большого диаметра. Только выглядела она странно. Он сразу не понял – чем именно. Труба была покрыта серой, блестящей слизью, и она... двигалась. Волнообразно пульсируя, словно прокатывая внутри себя тугие комки, ползла вдоль просеки.

– Повезло нам с тобой! – воскликнул эсэсовец. – Пищевод сегодня трудится со всем усердием.

– Пищевод? – переспросил Олег. – Чей?

– Неважно, – отозвался Дитмар. – Главное, доставит нас на место без хлопот.

Олег задумался. Представилось, неведомая тварь проглатывает их... хотя ничего похожего на розовую слюнявую пасть, как у лжеплатана, вроде не наблюдается. Правда, это, конечно, ничего не значит в странном мире...

Гауптштурмфюрер сунул за пояс чудо-оружие. Сказал:

– А ну-ка, подсади!

Он не стал дожидаться, пока ввапший в задумчивость русский сообразит что да как, подтолкнул его поближе к живой трубе, опёрся руками о плечи. Олег машинально подставил ладони. Впившись в них жёсткой подошвой ботинка, Дитмар перемахнул на трубу. Свесился, протянул руку.

– Давай!

Пульсирующая труба сразу унесла гауптштурмфюрера метров на пять вперёд.

– Свиная башка! – выкрикнул он.

Олег помотал головой.

– Не дури, пошутил я, – сказал уплывающий эсэсовец. – Это не пищевод, это что-то вроде транспорта. Доедем в полной безопасности. Хатули эту трубу не любят...

Знакомый переливчатый свист вновь вывел Олега из оцепенения. Он кинулся к трубе, нагнал, вцепился в руку эсэсовца. Заскрёб подошвами парадно-выходных штиблет по осклизлой поверхности. Дитмар могучим рывком выдернул его наверх.

– Давно бы так, – выдохнул немец. – Смотри туда!

Олег перекатился на спину, сел. Всмотрелся. Стена джунглей медленно ползла назад. Из леса выскочила кошка, не кошка, внушительных размеров тварь отдалённо её напоминающая – разглядеть толком было невозможно, окрас шкуры повторял рисунок зарослей идеально. Только голова, лобастая, с круглыми, как спутниковые тарелки, ушами виднелась отчётливо. Хатуль вобрал широкими ноздрями воздух, вытянул мясистые губы в трубочку и засвистел.

– Что! Съел! – крикнул Дитмар и засвистел в ответ. Знакомую какую-то мелодию.

Хатуль совсем уж по-кошачьи фыркнул и растворился в зарослях.

– Видел?

– Видел, – откликнулся Олег.

– Верхушка пищевой пирамиды, – пояснил немец. – Размеры, скорость передвижения, выносливость, мимикрия, социальное поведение...

– Надо же, – пробормотал Олег.

Вздываясь и опадая, труба влекла их по прихотливым изгибам просеки, насколько Олег понимал – вниз и в глубь алуштинской долины. Вокруг были только густые заросли, глазу не за что зацепиться. Хотя, если присмотреться... Да, кроме привычных крымских хвойных, – куча каких-то незнакомых растений тропического вида. Действительно, джунгли. Сельва, мать её так... Олег стал смотреть на скалистые вершины Демерджи, как и в прошлом, царящие над низинами. В прошлом. Насколько оно далеко это прошлое? Спросить разве у фашиста. Очень странный фашист. Говорит по-русски без всякого акцента. Разбирается в биологии. Ладно, с этим после. Сейчас главное понять, где он оказался? Точнее – когда?

– Послушай, Дитмар, – сказал Олег. – Ты давно здесь?

– Здесь я примерно с неделю, – отозвался гауптштурмфюрер. – А воскрес около трёх месяцев назад. Точнее сказать не могу.

– И какой, по-твоему, век сейчас?

Немец фыркнул совсем как хатуль.

– Уверен, что не двадцатый, – проговорил он. – Если ты сам из двадцать первого... В твоё время, Олег, такие штуковины были? – Он показал на плазмоган.

– Вряд ли, – откликнулся астроном. – Если только в фантастических фильмах... Ничего этого не было, ни энергостанции твоей, ни этой тошнотворной трубы, ни живоглотов с хатулями. Про людей-птиц я уже и не говорю...

– Сигнусов, – сказал Дитмар. – Так их монах называет. Сигнус по-латыни лебедь. Знаю, что лебедь... Созвездие Лебеда... Хотя при чём тут созвездие?

– Значит, мы в далёком будущем...

– Не знаю, – пожал плечами немец. – Может, и в будущем. А может, и в аду. Монах, во всяком случае, так считает.

– А ты?

– А я думаю... – проговорил гауптштурмфюрер. – Вот что я думаю... Меня убили на Сапун-горе и зарыли в братской могиле. И вот я воскрес. Почему именно я? И почему я один? Ведь в той могиле наверняка было немало более достойных сыновей фюрера. Значит, есть в этом какой-то высший смысл! Иначе...

Он умолк и стал яростно натирать рукавом и без того блестящий ствол своего плазмогана. Олег против воли хмыкнул. Надо же, и у железного сверхчеловека есть душа, и её бередают вечные вопросы.

– Ты говоришь – воскрес, – сказал Олег. – А как это происходит, видел?

– Один раз, – буркнул Дитмар. – Когда монаха нашёл. Из-под земли выдавливается белёсый кокон, как у гусеницы-шелкопряда, только огромный и твёрдый. Спустя несколько минут он лопается, а внутри – человек. Взрослый, но беспомощный как младенец. И если ему не помочь – погибнет в первые же часы. Мне повезло, я нашёл оружие, и в нём сохранился заряд. Потом я нашёл монаха. Потом эту бабу – гречанку. Её пришлось отбивать у сирен.

– У сирен?

– Люди-амфибии, – пояснил гауптштурмфюрер. – Обитают в прибрежных водах. Иногда нападают на сигнусов. Те, впрочем, в долгу не остаются. Гречанка, похоже, воскресла на затопленном кладбище. Не захлебнулась лишь потому, что сирены вытащили её на берег. А там уж и мы с монахом подросли.

Солнце стояло высоко, когда джунгли поредели, и труба-транспортёр повлекла их между развалин. Олег смотрел во все глаза. От родной Алушты не осталось ни следа. Часть города съели заросли, остальное покрывали остовы зданий, высотой и архитектурой отличающихся от всего, что было воздвигнуто здесь до две тысячи девятого года. Напрасно Олег высматривал корпуса Военного санатория или туристической гостиницы «Восход», лишь по общему виду местности можно было догадаться, что они когда-то здесь были.

– А ведь так себе был городок, – сказал Дитмар. – Наша часть тут квартировалась до переброски в Севастополь. Захолустье, отнюдь не Ривьера. А потом, видно, вы, русские, намаслялись строить... Небоскрёбы, как в Нью-Йорке. А какая техника... Нам бы такую в сорок четвёртом, мы бы вам показали... Вон, глянь туда! – Немец ткнул пальцем вдоль улицы, в которой угадывалась бывшая Горького. – Не знаю, как и назвать. Самолёт не самолёт...

Олег даже привстал. Там, где при первой его, астронома Сахновского, жизни, находился профилакторий «Полёт», словно в насмешку над этим названием, на невысоком постаменте громоздился дискообразный корпус диковинного летательного аппарата. Памятник! Любопытно знать, в честь чего? Аппарат покоился на трёх точках опоры – просевших под его тяжестью, вросших в бетон и опутанных травой шасси. В кормовой части зияла щель полуопущенной аппарели. Вынесенные на высоких киях горизонтальные винты блестели на солнце как новенькие. Ни малейшего пятнышка ржавчины. Даже остекление блистера было целёхоньким.

Очень странно. Сколько лет могло пройти с момента его гибели на тридцать восьмом году жизни до постройки этого памятника? А сколько лет прошло с момента... ухода? Да, пожалуй, ухода отсюда цивилизации? Задача не складывалась.

– Знаешь, Олег, – снова заговорил гауптштурмфюрер. – Не удивлюсь, если вы, русские, в очередной раз прогадали свой шанс. Вояки вы отчаянные, грех не признать, но к мирной жизни малоприспособны. Так что, может, и не вы всё это построили. А? Может, нам тогда удалось закрепиться в Крыму. И отсюда мы погнали ваши орды обратно? Что скажешь?

– Не удалось, – возразил Олег. – Ровно через год после освобождения Крыма наши войска были в Берлине. А мой дед расписался на стене Рейхстага. Да и сам посуди, Дитмар, возможно ли еврею стать астрономом в рейхе?

– Да уж... – Фон Вернер помрачнел.

Комок внутри Пищевода судорожно рванулся назад, едва не сбросив седоков на землю, и опал. Транспортёр перестал функционировать.

– Слезай, приехали, – сообщил немец. – Всё равно, метров через сто труба нырнёт под землю.

Он мягко соскочил в траву. Олег охотно последовал за ним. Труба, которая всю дорогу была тёплой и упругой на ощупь, быстро остывала и будто костенела. Grimаса отвращения, мелькнувшая на лице Олега, не укрылась от пронизательного взора «истинного арийца».

– Это ещё ничего, – сказал тот. – Примерно через полчаса она вообще инеем покроется. Наверное, поэтому хатули её сторонятся. Теплолюбивые, твари...

– А ты знаешь, что хатуль по-еврейски и означает «кот»? – спросил Олег.

– Впервые слышу, – отозвался Дитмар. – Не моё это слово.

– А чьё же? – поинтересовался Олег.

И в самом деле, чьё? «Для полной занозы в задницу, мне недоставало ещё и еврея» – искренне было сказано, от души. Значит, этот эсэсовец и вправду впервые встретил еврея! Впервые в этом времени. Тогда откуда слово?!

– Варвара одного, – ответил немец, снова правильно оценив гамму чувств, отразившуюся на лице астронома. – Хазарина. Называл себя Тарвелом. Он помог мне выжить на первых порах. Как оказалось, для того только, чтобы сделать своим рабом... Короче говоря, мы повздорили.

Он резко повернулся и зашагал вдоль останков улицы, туда, где пылали рубины энергостанции. Спотыкаясь, Олег последовал за ним. Убил, думал он, ясен пень. Замочил хазарина Тарвела. А ведь тот спас жизнь «достойному сыну фюрера». И меня убьёт, если приспичит. А вот не дожидаться, пока фашисту приспичит расправиться с евреем, подобрать какой-нибудь обломок потяжелей, садануть по белобрысому затылку. Нет, увы. Он-то не поднимет руки на своего спасителя. Интеллигентское воспитание. Ведь если бы не гауптштурмфюрер фон Вернер, разлагаться сейчас астроному Сахновскому в пищеварительных соках хищного лжеплатана. Не исключено, что заживо. Что вряд ли приятнее ядовитого паучьего укуса.

Он захихикал. Повторно пришедшая в голову мысль – воскреснуть, чтобы снова умереть, отчего-то показалась смешной и забавной. Он понял, что не в силах сдержать рвущегося судорожного смеха, остановился и расхохотался в голос.

Немец внимательно взглянул на него. Постоял молча, дождался, пока от приступов хохота у Олега не пойдут слёзы, а потом коротко и смачно врезал раскрытыми ладонями ему по ушам.

Помогло. Истерика прекратилась. Отдышался, вытер слёзы. Неожиданно для себя произнёс:

– Спасибо, Дитмар.

– Ничего, бывает, – немец был невозмутим. – Обычная нервная реакция, на войне я и не такое видал.

И подмигнул.

– Ещё немного, и мы дома, – добавил он. – Таис с Йоганом накормят нас по высшему разряду. Хочешь, небось, жрать?

– Не помешало бы, – согласился Олег. – Я вот чего не пойму, Дитмар. Откуда ты так хорошо русский знаешь?

– Ниоткуда, – бросил немец. – Просто я понимаю, что говоришь ты, а ты – что говорю я. Вот и всё.

Весь остаток пути до энергостанции они проделали молча. Вернее, молчал один Олег, а Дитмар принялся насвистывать ту самую мелодию, показавшуюся астроному знакомой.

«Лили Марлен» – внезапно вспомнил Олег. Надо же, всё как в кино. Если эсэсовец насвистывает, то либо эту незамысловатую песенку, либо «Хорст Вессель»: Die Straße frei den braunen Batallionen...

Широкие ступени от заросшей травой мостовой вели к куполообразному зданию, над которым громоздились увенчанные рубинами башни. Впрочем, вряд ли эти кристаллы были рубинами, возможно, не были они и кристаллами. Скорее всего, кроваво-алый цвет придавало им какое-то излучение. Какое? И что собой представляет плазмоган? И на каком принципе работает труба-транспортёр? Техникой Олег увлекался с пионерского детства. Да и невозможно быть астрономом-наблюдателем, и не уметь собственными руками настроить, а то и починить капризную, требующую постоянного внимания аппаратуру.

Обогнав Олега, Дитмар избежал по ступеням к высоким сдвижным дверям, которые выглядели надёжно запертыми.

– Отличное устройство, – сказал он, показывая на вогнутую пластину, имитирующую отпечаток руки. – Никто, кроме человека открыть не сможет.

Он приложил ладонь, и створки медленно, будто нехотя, разошлись.

– Видел?

– Ничего особенного, – проговорил Олег. – Обыкновенный дактилозамок.

Немец усмехнулся.

– А ты, вижу, разбираешься... Значит, я в тебе не ошибся.

Не ошибся он, подумал Олег. Как там насчёт: «говорили, что евреи умные»? Кстати, глупость я сморозил, дактилозамок настроен на отпечатки пальцев одного человека. Или группы людей. А этот, значит, на человека вообще. Не лично же для эсэсовца фон Вернера строили это колоссальное сооружение? Значит, есть кто-то, способный открывать замки, но при этом – не человек?

– О, нас встречают! – воскликнул фон Вернер, заглядывая в проём. – Добрый день, святой отец! Я с пополнением.

– Какой я тебе отец, варвар, – сказал кто-то глуховатым голосом. – Тем более – святой.

Из дверного портала вышел очень высокий – выше рослого немца – худой мужчина. Да, на святого не похож, подумал Олег, да и на монаха – тоже. Насмешливые карие глаза, смуглое лицо, острый нос с горбинкой, полные губы, в чёрной шевелюре и бороде поблёскивает седина. Одет в длинный тёмный плащ, застёгнутый бронзовой фибулой на левом плече, под плащом видна светлая туника с коротким рукавом. На ногах плетёные сандалии. Обнажённые мускулистые руки перевиты жилами.

Дитмар вновь подмигнул: мол, каков, а! Фамильярничают немец. Своего парня строит, усердно так...

Монах, приложив руку к груди, поклонился.

– Иудей? – спросил он.

Далось им моё происхождение.

– Отчасти, – ответил астроном. – Моё имя Олег.

– Рус! – подивился монах. – За какие грехи, Олег, низвергнут в пекло?

– Если бы знать...

– Да, верно, – проговорил монах. – Пути Господа неисповедимы... Называй меня Иоанном. И не кощунствуй, как этот германец.

– Постараюсь, – буркнул Олег.

– Всё, хватит церемоний, господа! – вмешался «германец». – Пора под кров. Жрать хочется. Наговоритесь ещё.

Они вошли внутрь. Обширный полукруглый вестибюль встретил их прохладой, рассеянным искусственным светом и поразительной для заброшенного здания чистотой. Справа и слева вестибюль упирался в полукруглые выступы, в которых Олег заподозрил основания башен с рубинами. Неподалёку от входа высился монумент. Идеальных анатомических пропорций человек силится разорвать металлическое кольцо, в которое заключён, но вместо двух дополнительных пар конечностей, как на знаменитом рисунке Леонардо да Винчи, у него были крылья и рыбы хвосты. Кольцо висело в полуметре над полом, выстланным блестящими плитами, без всякой видимой опоры.

– Нравится? – спросил Дитмар. – Это ещё не всё... Смотри!

Он подошёл к кольцу-монументу, и легким тычком заставил его вращаться. Кольцо превратилось в серебристую полусферу, внутри которой «леонардовский атлет», казалось, взмахивает крыльями и подгребает хвостами.

– Что бы это могло означать? – спросил Олег, сознавая, что вопрос риторический.

– Победу человека над стихиями, – изрёк немец.

– Бесовскую гордыню, – эхом откликнулся монах.

– Нет, – проговорил Олег. – Думаю, не всё так просто...

– Ладно, – сказал Дитмар. – Философствовать будем на сытый желудок.

Он решительным шагом направился к левой башне, отворил в ней незаметную овальную дверцу. За дверцей виднелось небольшое освещённое пространство. Лифт, догадался Олег. Гауптштурмфюрер пропустил астронома с монахом внутрь, а затем втиснулся сам. Дверца затворилась. Ускорение придавило их к полу, и это стало единственным свидетельством того, что лифт движется.

Совершенная техника, думал Олег, глядя на невозмутимое лицо монаха Иоанна, который, видимо, стоически относился к дьявольским чудесам. Автоматы, управляющие энергостанцией, похоже, до сих пор в идеальном состоянии. Недаром же внутри ни пылинки. И кольцо это левитирующее, наверняка – в магнитном поле. Следовательно – сверхпроводящее колечко как минимум. И лифт,двигающийся без сучка без задоринки. А ведь в двадцать первом веке хватило бы и нескольких лет, чтобы оставленное людьми сооружение превратилось в руины, привлекательные разве для паркурщиков. И даже действующий источник бесперебойного питания не помог бы. Обязательно бы что-нибудь замкнуло, начался бы пожар. Теория неубывания энтропии в действии... Нет, тут что-то не так. И дело не только в техническом совершенстве...

Смутная догадка скользнула по поверхности сознания, но тут лифт остановился, дверца втянулась в стенку, и в кабинку хлынул солнечный свет. И запах. Запах жареного мяса. Желудок Олега взвыл, вытеснив из головы все мысли.

– Радуйся!

Свет полуденного солнца, льющийся сквозь высокие окна, ослепил астронома, поэтому он разглядел обладательницу глубокого грудного голоса не сразу, и как-то фрагментами: медное лицо, серые глаза, иссиня-чёрные волосы. И в следующее мгновение – маленькую фигурку в длинном, скрывающем ноги одеянии, стянутом на невообразимо тонкой талии поясом. Проморгавшись, Олег сообразил, что девушка смугла не от природы, как монах, а – от загара. Из-за чего казалось, что серые глаза под чёрными ресницами смотрят, словно сквозь прорези в маске.

– Я Таис, – своё имя девушка произнесла с ударением на первом слоге.

– Олег, – представился он с неловким полупоклоном.

– С возвращением из царства теней!

– А-э... – Олег беспомощно оглянулся на Дитмара.

– Отставить разговоры! – рявкнул тот. – Будут нас сегодня кормить или нет?!

– Всё давно готово, – сказала Таис.

Она кинулась куда-то вглубь просторного помещения с изогнутыми стенами. Гауптштурмфюрер и монах – за ней. Олег подошёл к одному из окон. Судя по головокружительному виду, он и в самом деле находился в башне. Побережье с руинами футуристической Алушты отсюда выглядело как узкая полоска земли, придавленная исполинским щитом моря. Над морем кружили птицы, но теперь Олег не мог позволить себе обмануться. Это наверняка сигнусы. И среди них она – снежнопёрая женщина-птица с печальным голосом и золотыми волосами. Царевна-Лебедь...

«Олег!» – позвали его в три голоса. И он пошёл на зов.

Наверное, здесь было что-то вроде кольцевой смотровой площадки, опоясывающей лифтовую шахту. И везде высокие панорамные окна. Но человеку свойственно стремление к комфорту, поэтому хотя бы часть этих окон следует задрапировать. Даже и кусками матовой плёнки, невесомой и шелковистой на ощупь. В образовавшийся закуток надо натащить разнокалиберной мебели. К счастью, пластик долго выдерживает неумолимое течение времени. А вот вам... На столешнице одного такого мебельного анахронизма – выцветшая, но различимая реклама пива, популярного на заре третьего тысячелетия. Привет из прошлого. И одновременно – доказательство существования этого самого прошлого. Кстати, первый артефакт подобного рода. И на этом артефакте, за близнецами которого, он, бывало, сживал с запотевшей кружкой, – причудливая посуда, сделанная непонятно из какого материала, и будто предназначенная не для человека.

– Отведай, Олег, нашей пищи, – сказала Таис. – Вот мясо, вот яблоки, вот виноград. В этом кратере родниковая вода. Вина нет, к сожалению...

– Давай-давай, навались, – по-своему поощрил астронома гауптштурмфюрер. – Сдаётся мне, этот олень ещё утром ползал по лесу...

Олег опустил на диковинную табуретку, сделанную в виде цветка, взял с длинного, словно разрезанный вдоль керамический цилиндр, блюда истекающую жиром лопатку. Впился зубами. Олень? Вряд ли, он пробовал оленину, а здесь вкус странный – среднее между мясом и рыбой. Похожий вкус у лягушачьих лапок, но размеры... Наверняка немец пошутил – в своей манере – насчёт оленя. Крупная рептилия? Значит, у нас тут и крупные рептилии водятся. А может, и гигантские?

Насытились. Откинулись, кому было на что. Отдуваясь. Сыто. Люди, разделённые столетиями. Давно покинувшие юдоль. Возвращённые к жизни неведомой волей. Такие разные. И единые в одном. Знать бы только – в чём именно? Можно ли это выяснить, бог весть, но попытаться стоит.

Теперь даже странно подумать, что когда-то жил в другом мире. В маленькой нестабильной стране на рубеже веков... Что, собственно, наполняло его прежнюю жизнь? Друзья? Дружба держалась в основном на совместных попойках. Возлюбленная? Татьяна не могла и не хотела оставить своего никчемного мужа. Любимая работа? Нестационарное распределение неклассических галактик – вязкая, безнадёжная в смысле научной карьеры тема. Маленький телескоп в старой обсерватории. А до «Хаббла» или «Гиппарха» никогда не добраться – руки коротки. И вот – дивный новый мир. Сплошные тайны и загадки. И эти люди, с которыми только что разделил трапезу – загадки не меньшие.

Он здесь и сейчас. Осталось выяснить – зачем? Ох, и неглуп фашист Дитмар, ох, и неглуп. «Почему именно меня?» – хороший вопрос. Правильный. От него и надо плясать. Но сперва дождаться ночи – посмотреть на звёзды. Что там у нас с прецессией?..

– А что здесь ещё есть? – спросил Олег. – Ну, кроме вестибюля и этой... – неопределённое движение рукой, – смотровой площадки?

– Немного, – отозвался Дитмар. – Кухня и что-то вроде аппаратной. Хочешь взглянуть?

– Конечно.

– Пойдём!

Немец поднялся, легко, словно и не было сытного обеда. Военная косточка, или... – Олег вспомнил, как ловко прыгал в джунглях по камушкам – или благоприобретённое при воскрешении? Нет, с горным-то стрелком всё ясно, а вот с астрономом, не слишком изнурявшим себя физическими упражнениями...

– Так ты идёшь?

– Иду.

Олег встал. Однако. Никакой тяжести в желудке, сонливости, как раньше. Наоборот, прилив энергии, хоть горы сворачивай.

– Веди.

Гауптштурмфюрер кивнул монаху и девушке, не проронившим за время трапезы ни слова, сунул за пояс плазмоган. Олег встревожился: это ещё зачем? Он оглянулся на монаха и девушку. В глазах Иоанна и Таис не было беспокойства, а лишь ожидание, словно им не терпелось остаться одним. Вот оно что – эти двое сами по себе, отдельно от немца и русского – людей далёкой для них эпохи. Впрочем, не удивительно. Таис, похоже, античная эллинка. Иоанн – из времён раннего христианства. От двадцатого века, в котором родились и гауптштурмфюрер, и астроном, их отделяют многие столетия.

Покинув закуток, шли на удивление долго. Лишь сейчас Олег оценил по-настоящему величину башни. Значит, внутри не только лифтовая шахта? Если это и впрямь энергостанция, там должно быть и кое-что посерьёзнее. Какие-нибудь механизмы. А собственно, каким образом эта станция вырабатывает энергию? Преобразовывает солнечное излучение в электричество? Не похоже. Даже если «рубины» – подобие гелиобатарей, площадь их слишком мала, чтобы давать ощутимое количество ватт. Термоядерный реактор? Что ж, вполне возможно, но что-то не похоже. Впрочем, что я знаю об энергетике далёкого будущего...

– Сюда! – сказал Дитмар, толкнув очередную дверь, на этот раз распашную двустворчатую.

Видимо, это помещение с высоким сводчатым потолком немец и называл кухней. На взгляд Олега оно больше напоминало лабораторию алхимика: вдоль стен полки с разнообразными сосудами, многие из которых были соединены длинными витыми прозрачными трубками, два стола в форме полумесяца стояли по обе стороны от некоего подобия печи под шарообразным колпаком вытяжки. На одном из столов Олег увидел следы разделки мяса. Вероятнее всего, давешнего «оленья». Неаппетитные следы... Блин, неужто и впрямь рептилия...

– Как она работает? – поспешно спросил Олег, указав на печь.

– Чудно, как и всё тут, – отозвался Дитмар. – Куски мяса кладёшь сюда, – он показал на круглое углубление в центре «плиты». – Потом, нажимаешь вот на это, – он ткнул пальцем в продолговатую панельку, испещрённую пиктограммами.

Олег подошёл ближе, присел на корточки. Это были стилизованные изображения разных видов пищевых продуктов: мясо, фрукты-овощи, похоже, крупы и что-то ещё, не вызывавшее у человека из двадцать первого века никаких ассоциаций.

– И что дальше? – спросил он.

– А дальше вот что...

Немец подошёл к незамеченному Олегом шкафу. Видимо, это был морозильник. Во всяком случае, когда гауптштурмфюрер отворил его – ощутимо дохнуло холодом. Дитмар вынул кусок глубоко замороженного мяса и швырнул его в углубление в плите. Нажал на панельку. Кусок, окутавшись паром, медленно поднялся в воздух и начал вращаться, как в микроволновке. Вскоре послышалось шкворчание, словно невидимые духи поливали жаркое маслом. Через несколько мгновений в углублении лежал хорошо прожаренный, сочный на вид бифштекс.

– Готово, – сказал фон Вернер с неожиданной грустью в голосе. – Моей бы матушке такую плиту... Она так любила готовить.

– Микроволновая печь, – сказал Олег. – В моё время они были почти в каждом доме, но не такие совершенные, конечно...

– Идём, – сказал Дитмар. – Кухня удел женщин. Правда, нашу прелестную бабёнку к ней нельзя подпускать и на пушечный выстрел.

– Кто же нынче готовил «оленину»?

– Монах, – откликнулся немец, деликатно выпихивая русского на смотровую площадку. – У него вообще большой палец зелёный, сразу видно, парень не промах. Не то что наша дива...

Они подошли к лифту. Втиснулись. Судя по ощущениям, на этот раз поехали вниз. В кабине, как успел заметить Олег, не было никаких кнопок. Видимо, лифт перемещался только между двумя этажами – нижним и верхним. Без вариантов.

– А ты, я смотрю, не слишком жалуешь Таис, – сказал Олег.

– Заметно? – проговорил Дитмар. – Пусть её поп исповедует, меня на такое не купишь.

– А что так? – поинтересовался астроном, подстраиваясь под развязный тон эсэсовца. – По-моему, всё при ней...

– Она не помнит своей смерти.

Сказал – как отрезал. Как будто это что-то объясняет. Не на того нарвался, фашист. Евреи, они дотошные.

– А может, она боится вспоминать? – предположил Олег. – Ведь женщина же...

– Баба, – скривился Дитмар.

Олег лишь усмехнулся. Лифт замер в нижней точке, и они вновь очутились в вестибюле. Немец показал направо. Ещё одна дверь. С таким же «дактилозамком», как и входная. Дитмар сказал: аппаратная. Он почувствовал, что волнуется, оглянулся на немца. У того во взгляде мелькнула насмешливая искорка, и Дитмар жестом предложил Олегу отворить самому. Понятно. Какой-то там сюрприз, и бывший гауптштурмфюрер о нём, разумеется, осведомлён. И чего-то от умного еврея-астронома ждёт. Ладно, чай, и мы не лаптем щи хлебаем.

– Постой, Дитмар!

– Ну?

– Спросить хочу...

– Спрашивай. Только не начинай от Адама.

– Ты, когда воскрес, тоже ничего толком не понимал?

– Да, – кивнул фон Вернер. – Я уже докладывал: очнулся, ни чёрта не соображаю, весь в какой-то липкой дряни. Тарвел и воспользовался этим. Сначала накормил меня, обогрел, а потом заставил на себя работать. Я поначалу, как придурок, подчинялся, а потом вдруг вспомнил, что я не кто-нибудь, а чистокровный шваб барон Дитмар фон Вернер, гауптштурмфюрер отдельного горнострелкового батальона седьмой добровольческой дивизии СС «Принц Ойген». А как вспомнил, послал этого азиата к дьяволу. Он схватился было за свой топор, но мне хватило и камня, чтобы проломить этому варвару тупую его...

– А с монахом было то же самое? – прервал Олег словоизлияния немца. – Я имею в виду, что Иоанн тоже начал соображать не раньше, чем вспомнил свою смерть. Верно?

– Тупил так же, как и ты, – хмыкнул Дитмар. – Молился без умолку. Пришлось взбодрить.

– И меня ты тоже бодрил, значит.

– Не без этого. Чтобы вспомнить, встряска нужна. Только не испугать, а разозлить. Теперь Йоган меня иначе как безбожником не кличет.

Олег вообразил, какие богохульства пришлось изрыгнуть немцу, дабы взбодрить средневекового монаха (да, полно, монаха ли? скорее – священнослужителя) – и улыбнулся.

– Смотри, Дитмар, что получается. Воспоминание о собственной смерти включает в наших организмах целую программу...

– Программу?

– Ах да, о программировании и вычислительных машинах ты же ничего не знаешь. – Ага, сейчас мы твою баронско-швабскую спесь подсобьём. – Думаю, что в наши организмы вшита некая последовательность команд, стартовый ключ к которой – воспоминание о гибели. После этого возникает ясность мышления, начинается мобилизация физических сил и...

– И ещё чёт знает что, – угрюмо добавил немец.

– Это ты о чём?

– Скоро узнаешь, – заверил Дитмар фон Вернер. – Так мы заходим?

– погоди. Ещё одно наблюдение. О языках. Ты сказал – я понимаю всё, что сказал ты, ты понимаешь всё, что сказал я. Но это не совсем так... Иначе хазарское слово «хатуль» мы бы слышали как «кот», латинское «сигнус» как «лебедь».

– Верно, – согласился немец. – И к чему ты ведёшь?

– Штука в том, что хатули – не коты, сигнусы – не лебеди, а сирены – не амфибии. Это нечто, чего в нашем мире никогда не было. И слово «программа» ты несомненно понял не в том смысле, который вложил в него я. Кто-то или что-то подбирает для нас подходящие названия для незнакомых существ. С другой стороны, этот кто-то не слишком, похоже, разбирается в языковых тонкостях и переводит кое-какие идиомы дословно, впрочем, это ещё предстоит как следует проверить. Кто-то или что-то следит за нами, Дитмар, а может быть, и управляет. И это мне не слишком нравится.

Мгновенная гримаса исказила спокойное лицо потомственного шваба, и Олег понял, что нащупал-таки болевую точку в несокрушимой броне истинного арийца.

– Насчёт управляет, это мы ещё посмотрим, – процедил сквозь зубы Дитмар фон Вернер. – Но ты молодец. Вместе мы сварим крепкую кашу, так ведь говорите вы, русские?.. Войдём же, наконец.

Олег вложил руку в «замок», двери разошлись.

Находящееся посреди обширного круглого зала нечто более всего напоминало переплетение серых и сизых кишок – и оно пульсировало, сокращалось, вибрировало, короче говоря – жило какой-то сложной и непонятной жизнью... Жизнью ли? Он вгляделся: вся эта неаппетитная, скользкая на вид конструкция была навита на полупрозрачную колонну неизвестного материала и уходила ввысь, туда, где наверняка располагался красивый рубиновый купол. И запах... Олег отчего-то ожидал запахов машинного масла, перегретой электроники, чего-то механического, знакомого. Ничего подобного. В помещении витал тонкий аромат... фиалок? Сирени? Чего-то определённо цветочного, и неуместный этот аромат сильно диссонировал с увиденным. Подумалось, что Кишечник – слово само выпрыгнуло, как чёртик из табакерки – не иначе, связан с доставившим их сюда Пищеводом. Очень уж похожи, и слизь эта... Значит, Пищевод – элемент жизнеобеспечения станции? Что же это может быть? Биотехнологии? Тогда ему в этом вовек не разобраться.

Он осторожно шагнул к конструкции и, не дойдя нескольких метров, упёрся в невидимую стену. Защита? Воздух задрожал, запестрел красками и сложился в большой прямоугольник, усеянный геометрическими фигурами и пиктограммами. Олег покосился на немца – тот стоял в привычной своей позе, широко расставив ноги и скрестив руки на груди. Надзиратель, ёшкин кот. Прямо как в концлагере на плацу. Ладно, что мы имеем? Имеем, очевидно, голографический пульт управления. И лучше бы в него не лезть. Питекантроп перед атомным реактором. С другой стороны – умные, небось, люди, конструировали, а может быть, и не люди вовсе, неужто, защиту от дурака не предусмотрели? Ну-ка, что тут у нас? Система концентрических кругов. Непонятно. Четыре равнобедренных треугольника с общей вершиной. Тоже непонятно. Ромбододекаэдр, а внутри плавает что-то вроде рыбьего глаза. Непонятно, но здорово. Бутылка Клейна. Понятно, но к чему? Две спирали – левосторонняя и правосторонняя.

Он уже не замечал, что в задумчивости водит рукой, касаясь непонятных символов, которые оставались, впрочем, совершенно безучастны к этим его прикосновениям. Кроме спиралей. Спирали ожили: мигнули, пришли во вращение...

Снова дрожание воздуха и мелькание цветов, на этот раз справа от Олега, и на ранее незамеченном небольшом постаменте возникла человеческая – женская – фигура. Дитмар схватился было за плазмоган – ага, тоже, значит, сюрприз, – но Олег вскинул руку в успокаивающем жесте:

– Спокойно, Дитмар, это всего лишь изображение. Э-э... призрак.

Сейчас уже он чувствовал себя лидером.

Голографическая женщина была высока – на две головы выше эсэсовца, облачена в облегающий золотистый костюм. У неё были странные остроконечные уши, нелепо торчавшие из копны рыжих волос. А когда проекция повернулась к Олегу – сохраняя неподвижность, вращался сам постамент, обнаружились зелёные глаза с вертикальными, как у кошки, зрачками. Эльфиянка прямо какая-то. Раздалась короткая мелодичная фраза. И ещё одна. Вот тебе и универсальная трансляция языков.

– Не понимаю, – сердито бросил он. – Говорите по-русски!

Секундная пауза, а затем:

– Вас приветствует искусственный интеллект четвёртой климатической установки Таврического пояса именем Эндониэль. Для допуска к системам климат-контроля предъявите ваш ген-индекс.

Вот тебе, Олег, и энергостанция. Одной загадкой меньше. Управление климатом. Вот только – для кого? Между тем интеллект именем Эндониэль развернулся к Дитмару и повторил ту же фразу. Раздался звон, и у вогнутой стены зала, над одной из многочисленных ниш – до этого Олег их не видел, вспыхнул жёлтый огонёк, и возникло изображение конусовидной трубки. А может, никаких ниш тут мгновение назад и не было?

Оживали и прочие ниши, над каждой светился какой-либо символ. Дитмар молча ткнул пальцем – один из символов изображал плазмоган – и направился туда. Олег двинул к требовательно звенящему жёлтому огню. Ниша оказалась шестигранной полый призмой, оттуда выдвинулась трубка-конус – в точности, как на голограмме, и замерла у Олегова рта.

– Предъявите ген-индекс, – повторил приятный голос искусственного интеллекта.

Интересно, плюнуть туда надо или дунуть? А, что в лоб, что по лбу, тут, похоже, всё на питекантропа и рассчитано. Набрал полную грудь фиалково-сиреневой смеси, воздухом эту дрянь называть не хотелось, и дунул в трубку. Жёлтый огонёк мигнул, погас, загорелся красный.

– К сожалению, ваши данные отсутствуют в базе допуска, – сообщила Эндониэль.

– Благодарю покорно, – пробормотал Олег, всё это начало его забавлять. – Не слишком-то и надо было.

У Дитмара успехи были более значительны. Плазмоган торчал в нише, закреплённый между двумя клеммами, словно насос на раме велосипеда. Сейчас он был не серебристый, а прозрачный, и внутри пульсировала тонкая малиновая нить.

– Хорошо, – сообщил немец. – Давно не заряжал. Такая же станция была в Балаклаве, но говорящих двухметровых баб там не водилось. Ты понял, что это такое?

Олег кивнул.

– Хорошо, – повторил Дитмар. – Обсудим это позже.

Малиновая нить погасла, плазмоган снова сделался серебристым.

– Возвращаемся, – скомандовал немец.

Призрачная женщина на постаменте проводила их неподвижным взглядом кошачьих глаз.

Обратно на смотровую площадку шли молча. Каждого занимали свои мысли. О чём думал гауптштурмфюрер, неизвестно, но астроном вдруг понял, что хочет поговорить со священнослужителем. Правда, не столько исповедаться, сколько исповедать.

– Расскажи о себе, если желаешь, – попросил Олег, когда оказался рядом с Иоанном.

Они стояли на смотровой площадке, на стороне, обращённой к морю, и солнце заливало окна башни ослепительным блеском. Иоанн, скинув плащ, остался в тунике, подпоясанной кожаным ремнём с бронзовой бляхой, которую украшал простой геометрический орнамент. С «чёрными копачами» Олег немного знался – в смутные девяностые выживать приходилось всяко. Бляха была готская. На поясе, в кожаных ножнах обнаружился и короткий меч, судя по форме рукояти – тоже готский. Хорошо же экипировали древних христиан в последний путь...

– Ответь, рус, – словно не услышав просьбы, сказал монах, – в каком году от Рождества Господа нашего Иисуса принял ты кончину?

– В две тысячи девятом.

Иоанн огорчённо покачал головой, потерял бороду.

– Значит, и за две тысячи лет по Рождеству Он не явился вновь... Слушай же. Я нёс свет истинной веры и просвещения здесь, в Готфии, и достиг на этом поприще немалых успехов. Сам Патриарх Константинопольский учредил готскую епархию, а возле торжища Парфенитов был основан мною монастырь. Однако Готфия давно страдала под властью свирепого иудея – хазарского кагана. И вспыхнуло восстание, и я был с моей паствой. – Иоанн помолчал. – Но увы мне. Восстание было разгромлено, я бежал, позорно бежал в Амастриду, где и обрелся четыре года до кончины. А следовало принять мученический венец! Но не дал Господь сил, и за то низвергнут я в пекло сие, и ещё милость Божия, что не в самый страшный из кругов адовых...

Олег ощутил лёгкое головокружение. Иоанн и готы. Готы и Иоанн. Что-то очень знакомое. Очень.

– Где же ты воскрес?

– Не говори так! Не воскрешение сие, но суть наваждение бесовское!.. Отдал Богу душу я в Амастриде. – Иоанн неторопливым жестом указал на морской горизонт, в сторону Турции. – Однако всегда желал быть погребённым в Парфенитах, в родном монастыре. И вижу, что желание моё было выполнено. Ибо... возник я на склоне Айя-Дага, но ни монастыря, ни чего-либо человеческого там не было! Да, наваждение, Олег, – помолчав, добавил он, – ибо умер я стар и немощен, а восстал – крепок и здоров.

Иоанн Готский, вспомнил он, наконец. Кенотаф Иоанна Готского. Партенит. Санаторий «Крым». Место точного захоронения неизвестно. Причислен к лику святых. Сказать? Нет, не надо. Совсем старик с ума сойдёт. Если, конечно, я не сойду раньше. Поэтому займётся прикладной лингвистикой.

Опять же в смутные девяностые, во времена всеобщего разгрома он то ли от отчаяния, то ли от любопытства, а то ли просто от нечего делать посещал общество местных эзотериков. Был там среди прочего разношерстного люда и любопытный мужичок – сурдопереводчик, который брался обучить всякого желающего пониманию речи по артикуляции. Олег пожелал, и у него вроде даже неплохо получалось. Можно и попробовать.

– Скажи мне ещё, Иоанн, какой титул носил царь готов? – Олег сконцентрировал внимание на губах монаха.

– Не царь он был, а управитель кагана.

– И какой титул?

– Говорю – управитель.

– Это по-гречески?

– По-гречески. – Монах пожал плечами, выказывая недоумение.

– Прощу, повтори медленно.

– У-пра-ви-тель, – медленно и внятно произнёс Иоанн, и Олег понял: «*топархос*».
Топарх.

– А по-хазарски?

«Управитель» – слышали уши, но слово вышло совсем коротким, и он без труда разобрал: «*пех*».

– А по-готски? – не унимался Олег.

– Управитель.

«*Феудан*»? «*Тиудан*»? Неважно.

Монах вздохнул, развернул плечи, посозерцал морскую даль. Поправил меч на поясе.

– Ведомо мне, за что низринуты сюда язычница и германец. Снова вопрошаю тебя, рус, – ты за что низринут в пекло?

Задуматься он не успел. В груди возник тугой и жгучий комок, в виски стукнуло молоточками, неведомая и властная сила охватила всё его существо, и сила эта, нет, не говорила, слов не было, но внушала: встань и иди. Во рту пересохло, жара надвинулась стеной, в глазах потемнело. Он зажмурился, затряс головой, силясь отогнать наваждение – не вышло. Где-то на обочине сознания он слышал глухое бормотание Иоанна – монах крестился и произносил что-то неразборчивое.

– Что... что это? – широко разевая рот, как выброшенная на берег форель, пролепетал он.

– Наваждение бесовское! – хриплым, чужим голосом отвечал монах.

На площадку вихрем ворвался Дитмар фон Вернер.

– Новый Зов! Собираемся.

– Куда? – выдавил из себя Олег.

– Ляг и прислушайся, – скомандовал немец.

Ноги и так не держали, и он улёгся прямо на полупрозрачный пол и закрыл глаза. НЕЧТО подхватило его и повлекло за собой. Выше, выше, и на запад. Надо быть там. Там. Ай-Петри? Нет, ближе. И ниже. Ялта. Нет. Ещё ближе. Гурзуф. Да. Выше. Да. Стоп. Беседка Ветров.

– Беседка Ветров, – сказал он, открывая глаза.

Стало легче. Зов держал в тисках, всё ещё кричал «встань и иди», но уже не столь пронзительно, не столь нестерпимо...

– Можешь показать? – Фон Вернер развернул карту – самодельную, аляповато процарапанную на куске какого-то пластика карту Южного берега, испещрённую непонятными значками и подписями на немецком.

– Здесь, – он уверенно ткнул пальцем, мимолётно отметив, что понимание немецкого не распространяется на письменность. – Но что?..

– Новое воскрешение, – лаконично сообщил немец и внезапно рывкнул: – Полчаса на сборы!

С высоты башни казалось, что до откосов Куш-Каи рукой подать. И светило всюду солнце. Не хотелось думать, что через какие-нибудь два-три часа сгустятся сумерки, а подъём на Бабуган идёт через густой лес. Раньше лесом вела дорога, но есть ли теперь она? Вряд ли.

– До утра нельзя подождать?

Дитмар окатил презрительным недоумением.

– Если опоздаем, от воскресшего останутся рожки да ножки. Первого своего воскресшего я не спас – тоже решил подождать.

Больше немец ничего не сказал, а Олег не стал спрашивать.

Ладно, зыркай себе, достойный сын фюрера, подумал Олег, тебе-то, солдафону с плазмоманом наперевес, скакать по горам сподручнее. Ладно, положим, не в плазмомане дело, и не в военном опыте немца, а в том, что нельзя оставить будущего товарища на растерзание хищникам. Да и Зов не позволит. Зов... Странное ощущение, будто кто-то внутри тебя беспокойно ворочается, порывается встать и уйти. И противиться этому порыву, наверное, невозможно.

Недаром фон Вернер так суетится. Да и Иоанн нервничает. Вертит курчавой башкой. Пояс с мечом то и дело поправляет. Одна лишь Таис безмятежна. Характер у неё такой, что ли? Даже перспектива тащиться по камням в лёгких плетёных сандаликах не пугает. Или... «Она не помнит своей смерти». Потому и странная... А может, и Зова не слышит? Скорее всего...

– Вот, держи. – Дитмар протянул ему небольшой топорик на прямой круглой рукояти. – Хазарский боевой топор. Наследство Тарвела. Особого умения в обращении не требует.

Олег принял оружие. Взвесил на руке. Узкое вытянутое лезвие. Четырёхгранный обушок. Не слишком серьёзная штука, но всё же лучше так, чем с голыми руками.

– Выступаем! – скомандовал немец, поправляя лямки импровизированного вещмешка.

Лифт был тесен. Пришлось спускаться двумя партиями. В вестибюле Олег не удержался и крутанул «леонардовского атлета». На удачу.

Тени руин лежали на выщербленных ступенях. Дневной зной уступил прохладному ветру с моря. В такое время пойти бы на пляж, окунуться разок-другой, а потом засесть в кафе на набережной с кружкой пива, вслушиваясь в умиротворяющий шорох прибоя. Но некому здесь подавать пиво.

– До темноты мы должны подняться на плато, – сказал фон Вернер. И зашагал вверх по бывшей Горького. Монах пропустил вперёд девушку и астронома, замыкая маленький отряд. Шагалось на удивление легко. Зов притих, перестал бестолково метаться внутри. Тревога улеглась. Всё решено, и ни о чём не надо беспокоиться. По крайней мере, в ближайшие часы. Свобода predeterminedности. Как в армии.

Остатки зданий, причудливо изогнутые металлоконструкции, груды щебня, заросшие чертополохом, поредели и исчезли в подступивших джунглях. Дороги как таковой не было. Так – тропа. Скорее всего, звериная. И звери эти внушали уважение. Пока – уважение. Идти по тропе было бы не трудно, если бы не проклятые штиблеты. Они путались в траве, срывались с мокрых от росы булыжников, как назло подворачивающихся под ноги. А уже через час, когда дорога пошла в гору и тропическая растительность сменилась заурядным лиственником, астроном начал отставать с каждым шагом. Вдруг в правом штиблете что-то едва слышно тенькнуло, ноге стало свободнее. Олег по инерции прошёл ещё несколько метров, пока не зацепился за выступающий корень и не потерял штиблет.

Мать твою!.. Астроном заозирался. В лесу было темнее, чем на открытом месте, и чёрный штиблет как-то сразу слился с ландшафтом. Да где же ты, проклятый! Ау...

– Скорее, Олег! – донеслось уже откуда-то издалека.

– Да иду я, иду...

Вот ты где! Олег наклонился к штиблету. Чёрт... Шнурок, паскуда. Теперь вместо одного длинного – два коротких. Чёрт, чёрт и чёрт... Он начал спешно выдёргивать обрывки. Боялся отстать. Да и Зов бился в висках молоточками. Толкал изнутри. Звал.

Недалеко, почти над ухом, тихо присвистнули.

– Сейчас, Дитмар, – пробормотал Олег, поднимая голову. – Шнурок лоп...

Свистел не фон Вернер. Ветер трепал зубчатую листву граба, демаскируя неподвижного хищника.

– Спокойно, киса, – пробормотал астроном, неотрывно глядя в жёлтые глаза хатуля. – Я невкусный...

Дикий кот тряхнул круглой башкой и попятился в заросли.

– Вот так будет лучше, – сказал Олег, отступая в противоположную сторону и ускоряя по мере сил подъём.

Ещё час или два – он не помнил, время растянулось или, напротив, замедлилось – Олег карабкался по склону, не разбирая пути. Звериная тропа давно пропала, а кричать, звать Дитмара – опасался привлечь хатуля. Лишь однажды, обнаружив в мелкой ложбине чахлый родничок, задержался, чтобы сделать несколько торопливых и жадных глотков.

Наконец, заметил, что выше по склону деревьев почти нет. Там начинался подъём на Бабуган. Оставалась надежда, что обитатели джунглей яйлу не слишком жалуют. Сжимая потной ладонью топорик, поминутно оглядываясь, Олег начал карабкаться по склону. «У-у-ухр...» – кто-то выдохнул рядом. И под тяжёлыми шагами захрустели камни. Астронома прорвал озноб.

Лучи заходящего солнца скользили почти по касательной, играя на чешуйчатой броне сползающей со склона твари. Зеленовато-бурое туловище, растопыренные лапы, волоочащийся хвост. Ни дать ни взять обыкновенная скальная ящерка, коих ловлено-переловлено в детстве. Но в далёкие семидесятые двадцатого века никто здесь слыхом не слыхивал о трёхметровых ящерицах ... с головой, увенчанной ветвистыми выростами...

Олень?!

Астроном перемахнул через ближайший валун, присел на корточки, не сводя глаз с неторопливой рептилии. Оленю, похоже, не было никакого дела до притаившегося человека. Он направлялся по своим делам. Стоило бы последовать его примеру. Олег приподнялся, примериваясь, как бы половчее слинять, но тишину летнего вечера, нарушаемую лишь хрустом породы под массивным телом гигантского пресмыкающегося, разбил переливчатый свист хатуля. И второй за этот слишком долгий день шварк тяжёлых лап. И смутные очертания промелькнувшего в воздухе идеально мимикрирующего под окружающий пейзаж животного. Астроном рухнул на землю, втискиваясь в неё, родимую. Сокрой, защити...

Но и хатулю не было до него никакого дела. Вернее – хатулям. К тому, что с небрежной грацией перепрыгнул через человека, присоединился второй. Кошачьи нацелились на оленя. Выглядело это очень странно, даже мистически. Почти неразличимые полусущества-полутени прильнули к рогатоголовому ящеру, отчего тот истерично заухал, задёргал уродливой башкой, молотя хвостом по камням и кустарнику. Добычей он оказался несговорчивой. Одно неловкое движение хатуля, и олень прихватил его острыми зубами. Жалобный визг огласил поле битвы. Хатуль вырвался, покатился по камням, пятная их кровью... Поневолe вспомнилось, как покусывали пальцы зубками-иголками пойманные ящерицы. М-да, ящерицы с тех пор выросли, зубки – тоже... Но второй хищник оказался ловчее. Впившись когтями в шкуру рептилии, хатуль применил старый как мир приём удушения. К нему присоединился раненый сотоварищ. Олень попытался вырваться. Волооча повисших на нём хатулей, он пополз вниз по склону. Надолго ли хватит рогатоголового?..

Досматривать второй акт трагедии Олег не стал. Как знать, может, этим львам-мимикрантам трёхметрового пресмыкающегося оленя хватит лишь на один зуб. И они начнут обшаривать окрестности в поисках добавки. Пригибаясь, астроном кинулся вверх. К счастью, чем выше он взбирался, тем светлее становилось. А вот и яйла. Белые, словно кости павших животных, камни. Одурающий запах летних трав. Чабрец, бессмертник, мелкие соцветия незнакомых голубеньких цветов. Небесное индиго. Туманная стена моря. Здесь шагать бы не спеша, впитывать, любоваться видами. Но то, что в двадцать первом веке было обыденной радостью, сейчас стало невиданной роскошью. Ведь тогда смерть не дышала в спину...

Режущая боль в боку вынудила замедлить подъём. Протащившись ещё несколько десятков метров, Олег опустился на изъеденный эрозией скальный останец, похожий на инвалидное кресло. Отдышаться, унять дрожь в коленях. Покурить... А чёрт, какое там, покурить. Бросил ещё в прошлой жизни. Что, в конце концов, и стубило... Всмотрелся в оставленные позади заросли, прислушался. Вроде всё спокойно... И тут же усмехнулся собственной наивности. Если хатули взялись его преследовать, чёрта с два удастся их разглядеть. Ладно, будь что будет.

Внизу клубились редкие облака, крались к Парагельмену, казавшемуся отсюда пологим холмом. Олег стал искать укрытие. Зов снова зашевелился внутри, разгоняя усталость, но идти на ночь глядя к Беседке Ветров невыносимо. Астроном хорошо помнил, что здесь должны быть

небольшие карстовые провалы. Узкие. Вляпаешься в такой по темноте – пиши пропало. Придётся потерпеть. А потом Зов приведёт, и он непременно встретится с остальными.

Однако, пока светло, надо устроиться на ночлег. Затиснуться поглубже, хотя бы вон в ту впадинку, где привлекательные с виду кустики, и заснуть. Как они там у нас называются? Можжевельник казацкий? Самое подходящее дело. Но сперва надо бы взглянуть на созвездия. Небо чистое, ни облачка. Идеально для наблюдений. Он повалился в заросли и охнул: впадинка маскировала карстовый провал, но провал странный: неглубокий и раздавшийся вширь, так что получился замечательный грот, пещерка. ОТЕЛЬ для троглодита. У входа – совершенно роскошная россыпь диких пионов. Как кровью брызнули. Пионы, значит, по идее, – июнь. Хотя кто их разберёт с этими климатизаторами... Олег набрал камней и начал швырять их в тёмный зев. Хазарский топорик держал наготове... Тишь да гладь. Пещерка пустовала, номер оказался свободен. Ладно, допустим. Орудия топором, он соорудил подобие ложа из мягких ветвей казацкого можжевельника, стянул осточертевшие штиблеты. Ноги затекли, тонкие «погребальные» носки прорвались на пятках. Не хватало только. Он вспомнил армию, учебку, кирзачи – растёртые ноги, воспаление, жар, нога не влазит в сапог...

А ведь здесь даже простейшей медпомощи взять негде. Вон, травки разве что. Подорожник-трава. Хотя Иоанн, верно, искусный травник, да и Дитмара в его школе СС наверняка кое-чему учили. Но переть в этом – он повертел в руке злосчастную туфлю – на Беседку... это же в кровь... А потом заражение – и снова в ящик? А ведь не хочется. Второй раз – не хочется. Не то чтобы страшно, хотя и это тоже, зачем себя обманывать, страшно, а – разобраться. Разобраться! Что за сволочь это всё придумала. Прав эсэсовец, прав. Есть в этом какой-то смысл. Должен быть, иначе...

Поэтому теперь – звёзды.

Но звёзды наступили не сразу. Тени, карабкающиеся по взгорьям, слились, затопили яйлу, захватили вершины и растворились в темнеющем небе. Затеplился фонарик Венеры. Мучительно долго господствовала она над морем. И вдруг потянуло ветром. И ветер этот раздул угольки звёзд. Олег отыскал Полярную. Отметил её расположение относительно других светил, запомнил положение Большой Медведицы. Теперь надо подождать хотя бы часика три. Он улёгся на спину. Время текло вяло и неспешно. А это что такое? А это, братец, искусственный спутник. А вон ещё. И ещё – с другим наклоном орбиты, и пониже. Шустрый. Что это может означать? Либо цивилизация погибла совсем недавно и спутники не успели сойти с орбиты, либо... либо люди переселились в космос. Хотя с чего бы это вдруг? Не хатулей же бояться, с такой-то техникой.

Задача всё ещё не складывалась. Не хватало данных. А может, прав монах, и все они в аду? Уж больно много чертовщины – воскрешения, Зов этот дикий...

Он всё же заснул. Проснулся от липкого озноба. Принялся застёгивать непослушными пальцами пуговицы на пиджаке – не тут-то было, из пуговиц сохранилась лишь одна, верхняя. Вскочил, попрыгал, разогреваясь и растирая затёкшую шею. И наконец, решил посмотреть на звёзды.

Присвистнул. Сглотнул ставшую горькой слюну. Как школяр на экзамене, повторил про себя: из-за лунно-солнечной прецессии земная ось движется по кругу с радиусом двадцать три градуса со скоростью около полуградуса за сто лет. Поэтому в разное время ближайшими к северному полюсу неба становятся разные звёзды... Пять тысяч лет назад такой звездой была альфа Дракона, в начале нашей эры ярких звёзд вблизи Полюса Мира не было вообще. Через двенадцать тысяч лет ближайшей к нему станет Вега... Что же мы видим в настоящий момент? В настоящий момент мы видим, что ближе всего к Полюсу... гамма Цефея! Так? Так.

Что ж, подумал астроном, спасибо и на этом. Гамма Цефея всё же лучше, чем альфа Лиры. Две тысячи лет предпочтительнее двенадцати. Хотя какая, в сущности, разница? Олегу стало совсем зябко, и не понять, ветер ли тому причиной, или эти две тысячи лет, тектониче-

ским разломом отделившие его, астронома Сахновского, от прошлой жизни. Захотелось спрятаться. Забиться в пещерку. Забиться в позе эмбриона. Вернуться во чрево матери-земли. До утра. А может, лучше навсегда? Прах к праху. Кто сказал, что воскрешение в чуждом тебе времени благо? Кто сказал, что обнаружение цели и смысла этого воскрешения обернётся благом? Олег почувствовал, что ему не просто зябко – его трясёт. Ветер усиливался. Казалось, он дует не с моря, а прямо из ледяной бездны неба. Неба четырёхтысячного года...

Он проснулся – второй раз за эту короткую, но такую длинную летнюю ночь – от того, что в пещерку смотрела луна. Яркая, как прожектор. Надо бы повернуться к ней спиной, но не было сил. От эмбрионовой позы всё тело затекло, к тому же он чертовски замерз. Нет, так и задубеть можно... Осторожно распрямим ноги. Почти получилось. Тесноват гротик... Ладно, теперь руки. Руки пошли лучше. Попробуем воздвигнуться хотя бы на четвереньки. Ага... Конечности как деревянные, но боли пока нет. Боль придёт с кровотоком. Проклятая луна... Преодолевая боль в оживающих ногах, Олег выбрался из пещерки. Кровоток усилился, и зрение прояснилось. Дьявол, в глазах двоится. И странно как-то двоится. Одна луна получается ослепительно яркой. Маленький золотой диск её висит над грудой Парагельмена. А вторая – выходит тусклой, ноздреватой, раза в два большей, чем первая. И забралась она гораздо дальше к западу. Стали хорошо различимы белые камни яйлы, будто черепа на поле битвы. И от черепов этих, по высеребренной траве бежали двойные тени. И одна тень обгоняла другую. Сощурившись, астроном присмотрелся к меньшей луне. Силы небесные! Она двигалась. Неприлично быстро смещалась к юго-западу. И не нужно было долго думать, чтобы сообразить, что смещение это связано с вращением Земли. Что луна-крошка движется по полярной, а не по экваториальной орбите... Орбитальное зеркало? Или, скорее всего – линза Френеля, вот что это такое. Помнится, был такой проект... Проект Грегори Бенфорда, если не ошибаюсь... Призванный спасти планету от перегрева... Исполинскую линзу предполагалось соорудить на полярной орбите, дабы, вращаясь вокруг земного шара, она задерживала часть солнечного излучения. Значит, соорудили. Молодцы потомки. А может, спутники и эта вторая луна как-то связаны между собой? В единую систему. Сеть. Паутину. Как созвездия, оплетающие небосвод. Телескоп нужен. Хотя бы любительский. Но об этом следует подумать завтра, как следует выпавшись... Сеть Цефея наброшена на Полюс Мира, но Лебедь ускользнул от неё...

Во сне он видел крылья. Крылья и ничего больше. Длинные, белые, с золотистой опушкой на кончиках маховых перьев. Крылья парили в кобальтовой бездне, перья трепетали во встречном потоке и пели. Чистым, высоким женским голосом. И что самое удивительное, у этой песни были слова. Олег изо всех сил напрягся, чтобы уловить в них хоть какой-то смысл. И проснулся. Серый свет раннего утра едва пробивался сквозь туман, сизыми лентами наползающий снизу. Как написали бы в плохой книжке, вяло подумал Олег, *будто вся алуитинская долина превратилась в огромный котёл с ведьминским варевом*. Но варево это источало холод. И сырость. Надо вставать. Надо выбираться отсюда. Надо искать своих... Хм, своих... Астроном понял, что всё ещё спит. И серое утро, и котёл – лишь продолжение сна.

«Сигнусадеи, сигнусадеи...» – раздалось над головой. Олег вздрогнул, открыл глаза, уставился на свод пещерки. Разумеется, там никого не было. «Сиг-ну-са-деи», – протянул голос. Очень знакомый голос. Чистый. Высокий. Женский. Голос из сна. И слышанный раньше. Оплакивающий или... зовущий на помощь? «Буря внезапна вдруг возмутила небо и море», – отчётливо по-русски произнесла невидимая женщина. Олег тихонько, подтягиваясь на руках, начал выбираться из пещерки. И увидел крылья. Те самые. Белые с золотистой опушкой. Они загромождали выход, словно занавески, ритмически подёргиваясь в такт словам, произносимым речитативом:

Сигнусадеи, сигнусадеи...

Буря внезапна вдруг возмутила небо и море,

*Вырвавшись, ветры свистали уж в вервях и парусах грозно;
Чёрные волны к бортам корабельным, как млат, приражались,
Так что судно ударов от тех многощумно стеноло:
Сигнусадеи, сигнусадеи...
То на хребет оно волн взбегало, то в бездну ныряло,
Море когда, из-под дна разливаясь, зияло глубями.
Видели близко себя они камни остросуровы,
Ярость о кои валов сокрушалась в рёве ужасном
Сигнусадеи, сигнусадеи...
Слабы мужи, как жёны, рыдали уныло:
Только и слышались жалостны вопли рыдавших,
Только и вздохи по жизни роскошной и неге,
Только богам, обречены, давали обеты,
Жертвы оным принесть, по здоров приплывши к берегу
Сигнусадеи, сигнусадеи...
Не было в них проворства ни в ком, приказать бы что дельно,
Сам же никто не знал также, за что бы приняться.
И никому не казалось, что должны бы, жизни спасая,
Равно спасти от беды и всех тех, что были там с ними.
Сигнусадеи, сигнусадеи...
Стал на корме при весле сам Великий Учитель, —
Кормчий их, быв помрачен от вина, бедства не видел, —
Он ободрил мореходцев, крича полмёртвым с боязни:
«Прапоры сриньте долой, вниз и парусы, дружно крылите».
Стали они тогда крылить;
И пробрались меж камней без вреда и напасти, счастливы,
Славя величие сигнусадеи, что крылья
Дал им в замену рук человеческих бессильных...
Сигнусадеи, сигнусадеи...¹*

Песня смолкла. Занавеси крыльев разошлись в стороны, впустив туман. Астроном боялся дышать. Сигнус, думал он. Тот самый, вернее, та самая – женщина-птица. Царевна-Лебедь. Спасительница... Что означает её песня? Что сигнусы разумны? Для птиц они чрезвычайно велики, но для людей?.. Впрочем, размер не имеет значения. Ведь и дети разумны, и карлики... Мысли спутывались, свивались как змеи, в скользкий неприглядный клубок. Невозможно понять, где заканчивается одна и начинается другая. Маячил перед внутренним взором левитирующий монумент на энергостанции. Вращается. Мерно взмахивает крыльями, подгребаёт хвостами «леонардовский атлет».

Сигнусадеи...

Сигнус.

Деи.

Лебедь.

Бог.

Лебедь Божий.

¹ Авторы выражают глубокую признательность великому русскому поэту В. К. Тредиаковскому, фрагмент поэмы которого «Телемахида» лёг в основу песни сигнуса.

Песнь вторая

На Беседке Ветров лежал снег. Не везде, правда, а лишь в узких карстовых расселинах. Но, увидев его, Олег понял, до какой степени продрог. Зуб на зуб не попадает. Это всё проклятый туман, сквозь который он почти на ощупь пробирался сюда, ведомый единым Зовом. Казалось, что туман теперь навечно. Откуда он – здесь, на высоте, в разгар лета? Вновь подумалось – вдруг святой прав? Никакой это не дивный новый мир, но один из кругов ада, до странности напоминающий родной Крым. И Зов приводит лишь на следующий – круг вечного тумана и холода. И одиночества. Да, одиночества. Стоп. Хватит. Он тряхнул головой, отгоняя мистические наваждения. Ну, туман. Всё понятно с туманом. Климат изменился, внизу – тропики, влажность повышенная, вот и туман.

На Беседке Ветров Олег не нашёл никого: ни воскрешенного, ни спасателей. Впрочем, не удивительно, Зов вот уже час, наверное, как заткнулся. Опоздал, как пить дать. Чтоб тебя... Самой беседки, разумеется, тоже не было, да и быть не могло – наверняка ухнула вниз – с тысячу эдак лет назад, вместе с изрядным куском обрыва, на котором стояла. Он осторожно подошёл к краю пропасти, заглянул вниз – клубящееся молоко, ничего не разглядеть...

– Олег?!

Он оглянулся.

– Вот ты где, герой чёртов! – Дитмар, круги под глазами, в рыжей бороде иней, но глаза весёлые. – Добрался! А мы уже похоронили тебя, не будь я бароном!

– Тоже молодцы, конечно, – пробормотал Олег, пожимая протянутую руку. – Пять минут подождать не могли? А мне потом от хатулей бегать.

– Я разве не предупредил? – удивился фон Вернер. – Зов отпугивает хищников. Забыл, верно. Ничего с тобой не случилось бы, разве что со скалы б сверзился, ну да на тебя это не похоже... Бережёного Зов бережёт!

Не предупредил он. Врёт ведь, подумалось Олегу, нарочно не сказал. Вояка. Испытывает всё. Ладно, это мы запомним.

Барон фон Вернер был не один. Вслед за ним, из туманного половодья вышли остальные. Все... трое? С пополнением, значит... Странное создание. На ногах лапти. Короткий, чуть выше колен сарафан. Поверх сарафана кольчужная рубашка. Длинные, до колен, волосы цвета свалившейся соломы заплетены в толстую косу. На тугих щеках румянец, будто свёклой натёртый. А вот меч за спиной в расшитых цветным бисером ножнах – это да. Мощная штука, внушает. Откуда такое чудо-юдо?... В смысле, из какой эпохи?

– Познакомься с Ефросиньей, – буркнул Дитмар и добавил: – Не везёт нам, опять баба...

Олег назвал. Румяная девица в кольчуге окинула его безразличным взглядом, чуть больше уделив внимания топорыку в руке, и отвернулась. Много чести, значит? Ну и ладно, не очень-то и хотелось...

Подошёл Иоанн, пожал Олегу локоть по древнеримскому обычаю.

– Сохранил, видать, Господь, – сказал он. – Слышали в ночи пересвист адских созданий. Думал – по твою душу. Хотел сегодня панихиду служить.

– Не дождёться, – откликнулся Олег. Монах вскинул брови, и астроном поспешил добавить: – На всё воля Божья.

– Радуйся! – Таис улыбнулась приветливо, но на расстоянии.

И эта меня не жалуется, подумал Олег. А ведь свежа, ни тени усталости. Мужики, вон, видно, что в корень задолбались, а эта как Дюймовочка. И не похоже, что сильно мёрзнет. Даже в Иоаннов плащ не кутается, а так, накинула только, будто одолжение сделала.

– Привал! – скомандовал гауптштурмфюрер. – Перекусим и пойдём назад.

Оказывается, они успели набрать дров – большую охапку корявых сухих веток, – и сложить их в естественном укрытии, образованном выветренной скалой. Немец вытащил из-за пояса плазмоган, и вскоре затрещал костёр. Все потянулись к огню, даже Таис. Фон Вернер развязал мешок, раздал куски оленины. Когда было съедено мясо, Дитмар пустил по кругу пузатую бутылку с водой. И на вид, и на ощупь она была стеклянной, но чтобы её закрыть, немец завязал высокое горлышко узлом. Эластичное стекло, очень мило...

Огонь пожирал сухое дерево стремительно, охапка таяла, а это означало, что вскоре придётся подниматься на гудящие от усталости ноги и плестись по камням вниз, в долину. Благо, что ноги до сих пор не сбиты до кровавых мозолей. Каким-то чудом. Чудом ли? И вообще, не слишком ли много чудес? Допустим, для античной красоты Таис чудеса – часть миропорядка. Для чучела в кольчуге, вероятно, тоже. Для Иоанна... Иоанн, пожалуй, случай особый. Он верит, что очутился в аду. И чудеса вокруг суть сатанинское наваждение. Но ни бравый вояка-гауптштурмфюрер, ни тем более он, кандидат физматнаук Сахновский, к чудесам непривычны. Особенно к чудесам, не поддающимся рациональному истолкованию.

– Дитмар, – обратился Олег к немцу, – ты видел вторую Луну?

– Разумеется, – ответил тот. – И не раз.

– И что ты об этом думаешь?

– Что я думаю? – переспросил фон Вернер со снисходительной улыбкой. – Я не думаю, Олег, я знаю.

– Так-так, – проговорил астроном. – И что ты знаешь?

– Я знаю, что жизнь на Земле пережила три эпохи. Три периода, когда во время низких лун рождались великаны. Когда же эти луны, одна за другой обрушивались на Землю, на ней появлялись расы бессильных карликов. Во время высоких лун возникли средние расы – обычные люди начала третичной эпохи, наши предки. Так что после многих циклов земной шар представлял собой очень странное зрелище. Его населяли расы, находящиеся в состоянии упадка, и расы, набирающие силу, промежуточные выродившиеся существа и провозвестники грядущих мутаций, вчерашние рабы, карлики безлунных ночей и владыки будущего...

Гладко излагает, подумал Олег, как по писаному. Где-то я это уже слышал, или читал, или мне только кажется?..

– То, что происходит в Небе, – продолжал швабский барон, смежив веки, будто в трансе, – определяет и происходящее на Земле. Так же, как тайна и порядок Вселенной отражаются в мельчайшем зёрнышке песка, так и движение тысячелетий отражается в том кратком промежутке, который мы зовём человеческой жизнью. И мы вынуждены в личной и в общей душе повторять падения и взлёты прошлого, готовить апокалипсисы и восхождения будущего...

Вспомнил! Была такая модная книжонка в начале девяностых, написанная двумя французами. Кажется, называлась она «Рассвет колдунов»... или как-то иначе, не суть...

– Мы знаем, – вдохновенно возглашал нацист, – что вся история Вселенной состоит из борьбы между льдом и пламенем, и что эта могучая борьба отражается здесь, внизу. И в плане человеческом, в умах и сердцах, когда пламя начинает угасать, надвигается лёд. Мы это знаем каждый для себя и для всего человечества в целом – мы стоим перед вечным выбором...

– Теория Горбигера, если не ошибаюсь, – сказал Олег. – Мировой лёд, и всё такое...

Фон Вернер полыхнул уничтожающим взглядом. Хорошо хоть за плазмоган не схватился.

– Не теория, а истина, – проговорил он. – Представителю еврейской лженауки этого не понять.

– Ну-у... допустим. А при чём тут вторая Луна?

– Это не вторая Луна, – усмехнулся гауптштурмфюрер. – Это осколок четвёртой Луны, что вот-вот упадёт на Землю. Каждая луна постепенно разрушается, и её обломки образуют кольцо вокруг земного шара. Если ты видел так называемую «вторую Луну», значит, должен был видеть и другие обломки, более мелкие...

Это он об искусственных спутниках, что ли? Ну да, конечно, ведь он же их никогда не видел... Что ж, при его уровне осведомлённости получается очень логично. Все планеты, включая Луну, состоят из льда. Луна распадается, и её сверкающие ледяные осколки притягиваются Землёй. Спорить с этим бессмысленно. Бравый вояка-гауптштурмфюрер действительно склонен к рациональному истолкованию здешних чудес, вот только исходит он из ложных предпосылок. Ладно, не будем противоречить. Пока не будем.

Олег посмотрел на остальных. Девицы смотрели в огонь, языки пламени отражались в их равнодушных глазах. Монах беззвучно шевелил губами, видимо, молился.

– Как представитель еврейской лженауки, – сказал Олег, – я хочу лишь добавить, что на дворе у нас пятое тысячелетие. От Рождества Христова.

Все воззрились на него. Даже девицы перестали пялиться в костёр. Таис глянула непонимающе, а Ефросинья при упоминании имени Христа усмехнулась криво как-то. Святой прервал молитву.

– Откуда знаешь? – выдохнул барон фон Вернер.

– От верблюда, – огрызнулся астроном Сахновский. – У лженауки астрономии есть свои методы. Точной даты я вам, разумеется, назвать не могу, но в том, что после моей смерти в две тысячи девятом году прошло не менее двадцати веков, – убеждён.

– С тех пор как я оказался здесь, – тихо сказал Иоанн, – во мне борются два чувства. – С одной стороны, мне хочется узнать про всё, что случилось с миром после моей смерти, что стало с Церковью и верой, а с другой – осознаю всю тщетность, суетность и бессмысленность, и даже греховность знания сего в ЭТОМ месте...

Дитмар вскочил и стал затапывать костёр.

– Хватит болтовни! – прикрикнул он. – Пора возвращаться.

Ну что ж, подумал Олег, ещё одно очко в мою пользу.

Между тем, пока немец разглагольствовал, Беседка Ветров, наконец, начала оправдывать своё название. Подул сильный северо-западный ветер, и ветер этот в считанные минуты разогнал колдовской туман, и, наконец, появилось солнце, а с ним и тепло. Олег прикинул – где-то четыре часа пополудни. Не так уж плохо.

И тут снова заговорил Зов. И не заговорил даже – взорвался в груди раскалённым ядром. Поневоле пришлось подняться, чтобы не свалиться без сил.

– Направление? – спросил Дитмар.

Олег прислушался к себе. Не здесь, не на Беседке. Гораздо ниже. И западнее. Ялта? Нет, дальше. Мисхор? Алупка? А точнее... Непонятно. Где-то у подножия Ай-Петри или ещё ниже.

– Карту!

Немец держал свою самоделку наготове. Астроном показал:

– Где-то здесь. Точнее пока не скажу.

– Да, – согласился гауптштурмфюрер, – тоже чую, что здесь. Эх, скверно получается, ну да ладно. Зачастили, прямо один за другим...

– Сатана глумлив и не даст нам покою, – негромко заметил Иоанн. – Не зря, пока бесовское наваждение клокочет в нас, исчадия вельзевуловы расступаются пред нами...

– Всё, выступаем! – скомандовал немец.

– Куда? – осведомился Олег.

Фон Вернер указал рукой на запад.

– Лучше спуститься через Гурзуфское Седло, – Олег, напротив, указал на восток, – и вон туда, в район бывшей Краснокаменки.

– Олег верно говорит, – неожиданно поддержал Иоанн. – Мне этот путь ведом, поистине самый лёгкий.

– Нет, – отрезал Дитмар. – Это в обход. Некогда. Зов очень сильный.

Некогда ему, подумал Олег. Ладно, через Никитскую яйлу, так через Никитскую. От Романовской трассы, конечно, остались рожки да ножки, и неизвестно, что на спуске с перевала, ну да ладно.

– Я поведу, – заявил он. – Маршрут знакомый.

Он встал, кинул взгляд на Роман-Кош, казавшийся отсюда пологим травяным холмом, и вернулся к обрыву, где раньше стояла Беседка. Надо бы осмотреться, раз уж развиднелось. Внизу угрюмо чернело заросшее сосняком ущелье Авунды. Саму гору глубоко рассекло продольными трещинами. На месте Гурзуфа не было ничего, кроме буйства ядовито-зелёной растительности. Там, где раньше находился Партенит, зиял глубокий кратер, тоже заросший сплошной «зелёнкой». Похоже, тут что-то неслабо жажнуло. И давно. Лишь Аю-Даг стоял незбылем. И море. Море всё так же играло солнечными бликами, как и столетия назад.

Отчаянный крик, полный тоски и страха, донёсся из поднебесья. Три точки – белая и две чёрные, быстро приближались со стороны Бабугана. Приглядевшись, Олег понял, что одна из них – сигнус, и что сигнуса преследуют чёрные птицы. Похожие на громадных воронов, оперение отликает синевой, клювы – крупные, с зазубринами и сильно загнуты книзу. А сигнус... Холодея, он узнал Царевну-Лебедь. Откуда она здесь, почему?

Птицы-загонщики – мельче сигнуса, но умны. Одна атаковала снизу, не давая жертве уйти вниз, в спасительные скалы, а вторая короткими чёрными пике пыталась ударить Царевну сверху, в основание шеи. Лебедь уворачивалась широкими плавными поворотами, и удары проходили мимо. Но вот «ворон» изловчился, сумел достать спину сигнуса когтями. Лебедь заложила вираж прямо над беседкой, снова закричала – и крик этот невозможно было вынести. Олег невольно зажал уши, тем более что и Зов в груди словно с цепи сорвался – требовал, повелевал: на запад! Прочь отсюда!

– Дитмар! – Олег не узнал своего голоса. – Дитмар, стреляй! Что медлишь, стреляй!

– Я не собираюсь тратить ценные заряды для спасения глупой птицы, – невозмутимо обронил эсэсовец.

Оказывается, он, как и все остальные, тоже наблюдал за охотой.

– Идиот! – Олег схватил немца за грудки. – Никакая это не птица! Сигнусы разумны! Стреляй, фашистская морда!

Дитмар неуловимым движением освободился от захвата.

– Дурак! Сопляк! – взорвался и он. – Да ты знаешь, куда нам сейчас? В ад! Пошёл вон, слюнтый!!!

– Перун великий, Велеса победитель, – напевный голос принадлежал нововоскрешённой. – Ты Ярило, податель жизни, и Воин, податель смерти. К силе твоей взываю, и на помощь Топора твоего уповаю, и на четыре стороны света поклон кладу...

Тут чучело в кольчуге и вправду отвесило четыре низких поклона на все стороны света и замерло, выставив перед собой полусогнутые руки с нешироко разведёнными ладонями.

В небе всё было плохо. Сигнус металась из последних сил, обнаглевшие «вороны» бросались на неё всё чаще. А между ладоней Ефросиньи что-то сверкнуло, ещё раз сверкнуло, и возник тугой клубок света. Олег почувствовал, что волосы на голове встают дыбом. Не от страха. Статическое электричество, понял он. Вроде даже искры в волосах потрескивают. Невольно прикинул градиент и напряжённость электрического поля. Это ж сколько вольт на метр? Да какое там вольт – киловольт, если не мега... Она же нас убьёт! Замереть, не шевелиться...

Девица медленно завела руки за голову и плавным движением, словно баскетбольный мяч в корзину, отправила сотворённый сгусток плазмы в небеса. Астроном готов был поклясться, что видит эквипотенциальную поверхность, по которой шаровая молния скользнула ввысь и ударила в чёрную птицу.

Громыхнуло. Завоняло горелым пером. Рваные в клочья останки «ворона» ухнули в пропасть. Второй хищник не стал дожидаться продолжения банкета – сложив крылья, канул в черноту ущелья и затерялся где-то среди сосен.

Все взоры обратились к Ефросинье. Девушка тяжело дышала, румянец куда-то испарился – лицо сделалось бледнее мела.

– Недостойно Посвящённой Перуну, – сообщила наконец она, – зреть, как навьи твари среди бела дня терзают райскую птицу Сирин.

Иоанн вздохнул и перекрестился. Девушка удостоила его презрительным взглядом и фыркнула. Румянец понемногу возвращался на её тугие щёки.

– Сигнусадеи, сигнусадеи, – напевно донеслось откуда-то снизу.

Сигнус сидела за кромкой обрыва, на обломке скалы, видимо, служившей некогда опорой для беседки, и теперь Олег мог рассмотреть её. Голова, как у человека, прекрасное женское лицо, да что там лицо – лик, широко распахнутые прозрачно-голубые глаза, пышные золотые волосы, никогда не знавшие гребня. Точёные плечи, высокая девичья грудь поднимается в частом дыхании. И всё это как-то гармонично перетекает-переливается в белоснежное оперение. Огромные крылья сложены, отливают золотом кончики маховых перьев и роскошного хвоста. Продуманное совершенство. А на плече – глубокие порезы, и кровь сочится, течёт, пятная белоснежный подгрудок...

И снова знакомый речитатив:

*Горе, о горе, пропали все истиннолюди,
Генноморфиды бессильны, бессильны их крепкие чары,
То, что незыблемым мнилось, тотчас же рассыпалось прахом.
Мор, разоренье и глад наступили повсюду,
Смерть на земле и на море, и нету спасенья от смерти.
Так предсказал нам Пророк, тот, кто не был услышан,
Но предсказанье сбылось, пробил час, горе сигнусадеи,
Призванный охранять, обернулся гонителем лютым,
Земли трясутся, и нету спасенья на небе.
Небо свернуло уж с свиток, и ангел срывает печати,
Вышел из моря дракон о семи головах, и раздались пучины,
Рушатся тяжело на берег тяжёлые валы,
Суша разверзлась, повсюду дымы от пожаров,
Пламя и лёд, лёд и пламя в стремительной битве,
Горе, о горе, спасения нету, о сигнусадеи!
Мощный Пророк, тот, кто не был услышан, сказал и иное:
Годы забвенья минуют, и настанет година спасенья,
Явятся истиннолюди, восстанут из праха и пепла,
Ждите, живите, храните запретное Знание!
Истиннолюди вернутся, возрадуются, сигнусадеи!*

Пение смолкло. Сигнус резким птичьим движением склонила голову, заглянув в глаза Олегу. И в душу. Взгляд её был безмятежен и лишён какого-либо намёка на мысль. Широко развела крылья – под ними обнаружили человеческие руки, от локтя переходящие в крыло. Сдвоенный сустав? Впечатление от изящной женской кисти несколько портили длинные, никогда не стриженные ногти... А вот рана... рана зарубцевалась, кровь не течёт. Ускоренная регенерация?

– Царевна, – позвал он. – Иди сюда, не бойся...

Сигнус глянула непонимающе, неуклюже развернулась и прыгнула со скалы, распластав прекрасные свои крылья.

– Понял? – Олег обернулся к Дитмару. – Сигнусы разумны.

– Попугаи тоже разговаривают, – отмахнулся тот. – Зато теперь я уверен в своей правоте. Битва льда и пламени – вот ключ. На Землю рухнула очередная Луна. Человечество погибло, началась Новая Эпоха. Все эти сигнусы и сирены – жалкие мутанты, расы бессильных карликов. Мы же приуготовлены для встречи великанов...

– Не так! – неожиданно резко возразил Иоанн. – Волшебная птица толкует совсем об ином. Разве не Откровение Иоанна Богослова слышали мы из её уст? А значит, Конец Света наступил, и Суд скоро состоится. Следовательно, не в аду мы, но в чистилище. Испытание сие...

Святой умолк на полуслове – Зов напомнил о себе. И они пошли.

На Никитскую яйлу перешли быстро. Олег каким-то шестым чувством нащупал, где некогда проходила Романовская трасса. Идти по разнотравью, утыканному редкими сосенками, было легко. Олег ни разу не сбился с пути, выйдя точно к Никитскому перевалу, где их ожидал сюрприз: спуска не было, а, наоборот, имелся двадцатиметровый обрыв, протянувшийся на неопределённое расстояние. Астроном глянул на Дитмара, мол, я же говорил. Немец извлёк из вещмешка моток тонкого вервья, напоминавшего стекловолокно, разрезанные кольца из сильно пружинящего опять же то ли пластика, то ли стекла – карабины, догадался Олег, – и гнутые заострённые штыри. Серебристые.

– В связке ходил? – сухо осведомился Дитмар.

Олег кивнул.

– Будешь страховать, – распорядился фон Вернер и, вооружившись увесистым булыжником, принялся забивать в скалу первый крюк...

Сперва спустили девиц, монаха, потом в связке – сами. Солнце давно ушло за яйлу, и только лучи ещё били из-за гор.

Ялты тоже не было. Но... Посреди зарослей высилось здание – очевидно, гигантских размеров, формой оно было как косой парус, а цветом – словно глыба полупрозрачного льда. Ни окон, ни балконов, никаких надстроек не наблюдалось. На вопрос Олега, что за диво, Дитмар лишь пожал плечами. Похоже, немец и сам был в недоумении.

Зов тянул дальше, уже в сумерках они скатились в предгорья. Олег был в ударе – он держал оптимальное направление по складкам рельефа, находил удобные сокращения. Иногда путь преграждали неглубокие обрывы – два-три метра. К удивлению астронома, и Таис, и Иоанн проявляли недюжинную ловкость, ну а Ефросинья не раздумывая сигала вниз, группируясь при падении, словно некогда успела закончить Высшее Рязанское училище ВДВ. И Дитмар поглядывал на неё с всё большим одобрением.

Буковый лес закончился, пошёл сосняк, тьма сгустилась до непроницаемости. Зов ослабил хватку, немец объявил привал. Снова развели костёр, снова оленина и фляга.

– Скажи, воительница, – поинтересовался эсэсовец у девицы, – ты всё ещё не помнишь, как ты умерла?

– Ага, вот тебе! – Девица скрутила из пальцев незамысловатую фигуру и сунула её под нос фон Вернеру. – Не умерла я. И вообще, где это мы?

– Земля тавроскифов и готов, – откликнулся Иоанн.

– Ого! – подивилась Ефросинья. – А ты не пьялся! – прикрикнула она на Дитмара и натянула сарафан на колени. – Ишь, зенки вылупил! Смотри, нрав у меня крутой. Могу и не понять.

Расходилась девка, подумалось Олегу. Чудное всё же создание. Как не от мира сего.

– Но не Таврида сие, – продолжал Иоанн.

– А ты, однобожец, вообще молчи! Много тебе твой крест помог, можно подумать, ага... Таврида, значит. Не умерла я, обалдуй! Сразилась с исконным врагом своим, Тёмным Волхвом Чернокиром. Думала, что одолела, ан нет. Не иначе, колдовством его окаянным сюда заброшена...

Взошла луна, и в серебристом свете её видимы стали кроны сосен, узор палой хвои, белёсые пятна валунов. Где-то вдаль раздался пересвист хатулей. Зов снова заворочался, подтолкнул.

– Выступаем, – Дитмар уже был на ногах. – К утру надо дойти. Успеет? – это Олегу.

– Должны, – заверил астроном.

Отыскал на фоне неба Ай-Петри. Знаменитые зубцы уже не терзали высь, снесённые древними катаклизмами. И всё-таки вершину горы в лунном сиянии узнать было можно. Хороший ориентир, держим впереди и правее. Проще пареной репы.

– Должны дойти! – повторил он.

– Тихо! – прошипел Дитмар.

Из сосняка донесся скрип, словно качнулось от порыва ветра дерево и тут же замерло. Но никакого ветра не было. От Олега не укрылся невольный жест немца, чуть было не схватившегося за плазмоган. Ну да, ну да, Зов – Зовом, а рефлексy – рефлексами. Все мы люди. Истиннолюди, да. Сосредоточенно засопела Ефросинья. Краем глаза астроном углядел лунный блик на лезвии здорового её меча. Иоанн неожиданно вынырнул из зарослей – когда это он успел отлучиться? – с толстой, грубо отёсанной жердью, почти дубиной, в руках и протянул её Таис:

– Возьми, сестра. Ибо воистину.

Гречанка приняла оружие, прикинула вес и, перехватив за середину, неожиданно резко крутанула взад-вперёд – да так, что воздух засвистел. Однако, подумал Олег, редкая для женщины выносливость и ловкость. Конечно, в сравнении с электрическими шуточками Ефросиньи, сущий пустяк, но всё-таки. Истиннолюди, истиннолюди... Кто я?..

– Веди, Олег, – распорядился Дитмар. – И побыстрее. Ощущаешь?

Он ощущал. Зов тянул так, что противиться стало невыносимо.

Тонкий, на пределе слышимости визг ударил по нервам. Чёрная тряпка пронеслась над ними, едва не задев, и свечой ушла ввысь. Олег проследил за её полётом. Когда «тряпка» пересекла диск луны, выяснилось, что это нетопырь. Неслабый такой, размером с журавля. И тут же над вершинами сосен взметнулись неимоверно длинные иззубренные пилы, и с лёгкостью сняли нетопыря с неба, будто мышку.

Астроном перевёл дух. Так-так, ночные твари начали охоту. Можно сколько угодно убеждать себя, что Зов оберегает от хищников, но древние инстинкты с этими соображениями не слишком считаются. Говоришь, бережёного Зов бережёт? Ну-ну...

Наконец, двинулись в путь. Лес ожил. Свист, визг, утробный рык. Жизнь легко переходила в смерть. Смерть продлевала чью-то жизнь.

Олег иронизировал напрасно. Незримая аура Зова и впрямь оберегала их. Когда на тропу выскочило химерическое создание, помесь вепря с крокодилом, гауптштурмфюрер походя пнул его в рыло, и создание с обиженным хрюканьем ринулось обратно в заросли.

Один раз путь им преградила странная процессия. Группа существ, похожих на огромных, размером с телёнка, ежей важно шествовала на задних лапах. Раздался пересвист хатулей, с «ежами» произошла метаморфоза. Они присели, свернулись в плотные клубки, – причём иглы у них не вstopорщились, а сложились в некое подобие брони, – дальше «ёжики» уже покатались, упруго подпрыгивая на камнях и корневищах.

Время шло. Вынеслась над горами вторая Луна, простреливая темноту навывлет. Невероятное, сказочное её свечение подбодрило путников. Да и Зов усилился. Чувствовалась близость цели. Олег удивлялся: откуда только силы берутся. Ведь идут и идут, да не просто идут – катятся под уклон, по пересеченной местности. По его расчётам, уже миновали Ялту, Ласточ-

кино Гнездо – интересно, осталось ли от него хоть что-нибудь? Рассвет скоро. Зов зовом, но физиология физиологией. Молочная кислота накапливается в мышцах, как ни бодрись. Во всяком случае, у людей это так. А у не-людей, точнее, у истиннолюдей? Да полноте, как можно верить древнему, затёртому до потери смысла сказанию, передаваемому из поколения в поколение полумразумными существами?

Астроном покосился на Ефросинью, размеренно вышагивающую рядом. Что ни говори, просто люди плазмой не швыряются... А он сам, астроном Сахновский Олег Яковлевич, не способен ли на что-нибудь эдакое? Сверхъестественное? Нет, ничего похожего он в себе не ощущал. Как и усталости, впрочем. М-да, если уж не истиннолюдь, то определённо не совсем человек...

Вторая Луна утонула в море. Скрылась за горами первая. Сквозь запах прелой хвои пробивались иные «ароматы» – гниющей растительности. Олег глянул на пик Ай-Петри – Зов привёл их вниз, совсем близко к морю. Море. Эх, зашвырнуть бы куда подальше осточертевший похоронный костюм, скинуть идиотские погребальные туфли, непонятно почему ещё не развалившиеся, и окунуться в солёную влагу. Но нет, не судьба. Вместо моря предстоит погружение в душное тропическое морево.

– Стой! – приказал Дитмар. – Слушай мою команду. В джунглях идём строго в колонну по одному. Первым – Йоган, препятствия прорубать мечом. За ним – Ефросинья, потом я, Таис, замыкает Олег. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Серые сумерки пролились над лесом, и отряд погрузился в зелёное море. Искать направление не было нужды – Зов указывал его очень точно, в глубь джунглей, туда, где, наверное, когда-то была Алупка. Олег, сколько ни присматривался, не мог найти ни одного знакомого крымского растения. Лианы, диковинные, ошетилившиеся шипами кусты... Зато живности прибавилось – и неприятной. Несколько раз Иоанн разрубал плотную паутину. Судя по толщине оной, пауки тут водились изрядные. Под ногами сновали скорпионы и многоножки – размером с кота.

Небо просветлело, со стороны моря обозначилось золотистое сияние. Ай-Петри потихоньку отступала за спину, а проклятая «зелёнка» всё тянулась и тянулась, а Зов всё крепчал и крепчал, и если бы не заросли, они бы давно уже пропустили бегом.

Смутное беспокойство овладело Олегом, и он быстро обнаружил причину этого беспокойства. Пока их охраняет Зов. Пока. Но тот, на помощь к которому они спешат, может воскреснуть в любую минуту. Зов оборвётся, и тогда... Но и если они успеют – придётся принимать бой со всей этой нечистью да ещё и приводить в чувство ничего не понимающего «новорожденного». Ох... Так вот чего боялся Дитмар, вот почему не хотел тратить впустую заряды!

И Зов оборвался. Огромное облегчение – но и чудовищная слабость в ногах.

– Рассредоточиться! – раздался громовой рык Дитмара. – Черт бы вас всех побрал! Каждый держит свой сектор, продолжаем движение по направлению. Он где-то рядом!

Почему «он», а не «она», успел подумать Олег, но предостерегающе крикнула Таис, указывая вверх – прямо на голову ему пикировал чудовищный паук. Астроном наобум махнул топориком – и попал. Треснул хитин, брызнула зелёная слизь.

– Вперёд! – гаркнул Дитмар. – Мужчины отслеживают верх, женщины – низ!

Дробный сухой треск перекрыл его голос. Треск повторился. Будто кто-то рвал полотно на длинные полосы. За треском последовал яростный крик. Человеческий.

«Ать-ать-ать...» – отозвалось эхо в скальных останцах.

Снова раздался треск, на этот раз совсем короткий. Автоматная очередь, сообразил астроном, бросаясь следом за гауптштурмфюрером. Через несколько десятков шагов их вынесло

на небольшую прогалину. Олег, не успев притормозить, наткнулся на спину фон Вернера. Тот обернулся, лицо его казалось заплаканным. Но конечно немец не плакал, он был в ярости.

– Опоздали! – выкрикнул он. – Оглоблю в задницу матери твоих предков! Послушали песенок! Пофилософствовали! Катиться тебе с трёх гор на собственных ягодицах!

Олег молча отодвинул его плечом. Наклонился над телом, лежащим между белёсых, будто подёрнутых инеем, скорлупок. Скорлупки исходили паром. Исчезали на глазах. Ни дать ни взять птенец, едва вылупившийся из яйца. Мёртвый. Губы и подбородок в пене. Открытые глаза безучастно смотрят в наливающееся синевой небо.

Астроном закрыл их.

– Твою ж мать...

– Мужик же был... – проговорил барон фон Вернер. – Солдат...

Да, солдат. Молоденький. Необмятая гимнастёрка. Галифе. Кирзачи. Малиновые петлицы без знаков различия. Рядовой пехотный Ваня. Пальцы всё ещё сжимают автомат с диском. Гильзы тускло отблёскивают в траве. Много гильз. Эх...

– Радуйся, барон, – сказал Олег. – Он мог запросто очередь в брюхо тебе всадить...

– Мог, – согласился немец. – Русский Иван...

Гауптштурмфюрер деловито охлопал нагрудные карманы красноармейской гимнастёрки, расстегнул правый, вынул чёрный пластмассовый цилиндрок, протянул Олегу, потом отнял у мертвеца автомат, отщёлкнул магазин. Астроном бездумно повертел цилиндрок в руке, сунул в карман брюк.

– Знакомая машинка, – пробормотал фон Вернер. – Приходилось пользоваться... но... коробочка пуста.

Он отбросил бесполезный ППШ и стал осматривать труп.

– Как же его?.. Ага... в шею, значит...

Дитмар показал Олегу чёрные дырки в шее пехотинца, по одной с каждой стороны. Из дырок сочилась зеленоватая слизь.

– Что за дрянь? – спросил астроном, содрогнувшись.

– Кардиопатогенный яд, наверное, – пояснил фон Вернер, вытирая пальцы о гимнастёрку погибшего. – Укус паука или другой членистоногой дряни.

– Похоронить бы, – сказал астроном.

– Некогда, – отрезал немец. – Без нас похоронят. Сейчас начнётся...

Олег снял пиджак, накрыл им лицо красноармейца, положил сверху автомат.

– Прощай, земляк!

Девушки молчали. Всё и так было понятно. Монах скороговоркой бормотал «упокой, Господи, душу раба твоего...».

– Теперь мы добыча, – сказал Дитмар. – В гору лезть долго, не пробьёмся. Идём на запад, джунгли скоро закончатся. Я первым, замыкает Ефросинья. Вперёд!

Они двинулись спорым шагом. Джунгли не заставили себя ждать. Давешний крокодиловепрь, ломая кустарник, атаковал отряд с фланга, обрушившись на Таис. Гречанка увернулась лёгким, почти танцующим движением. Вепрь вломился в безобидный с виду куст, покрытый алыми маслянистыми цветами. Забился, завизжал. Цветы, словно сотни алчных ртов, прилипли к его шкуре. Похоже, намертво. Под аккомпанемент затихающего визга люди продолжили путь. Но тут же попали в окружение мелких, не крупнее таксы, диких собак.

Собак было много. Дитмар попытался пугнуть их огнём, но только зря потратил выстрелы. Потеряв трёх особей, псы кинулись на него сворой в десяток. Воительница с монахом заработали мечами. Таис гвоздила дубиной, а Олег колошматил обушком топора, быстро сообразив, что так надёжней. Всё же силы были не равны, но тут снова заговорил плазмоган немца, и стая вдруг кинулась врассыпную, мгновенно скрывшись в зарослях.

– Снял жожака, – коротко пояснил немец. – Вон там прятался.

Раздумывать, что за странный вожак, который руководит боем с изрядного расстояния, астроному было недосуг. Только фон Вернер хрипло каркнул: «Вперёд!» – как что-то просвистело в воздухе, и святой оказался пригвождённым к стволу древнего граба. Почти распят.

– Господи Иисусе! – взмолился он.

Тело монаха крест-накрест захлестнуло полупрозрачной нитью, концы которой оканчивались чёрными зазубренными шипами. Олег подскочил к Иоанну первым и увидел, что из середины этого чудовищного распятия растёт то ли шея, то ли мясистый стебель, увенчанный зубастой головкой-бутоном. Астроном не стал дожидаться, покуда эти зубы вопьются монаху в лицо. Он отсёк бутон, разрубил нити у основания шипов.

– Спаси тебя Бог, рус! – выдохнул Иоанн, с отвращением сдирая с себя остатки мерзкой ловушки.

– Все целы? – спросил Дитмар. – Тогда – бегом!

Бегом не вышло. Джунгли как с цепи сорвались. Скоро Олег перестал различать, что именно на них нападает. Какие-то летающие радужные змеи, щетинистые, ревущие, как бомбардировщики, громадные комары, прыгающие двуххвостые скорпионы. Дитмар палил направо и налево, не жалея зарядов, и вполне оправдывал звание альпийского стрелка. Ефросинью попыталась ухватить гигантская многоножка, неожиданно воспрянувшая из груды палой листвы. Дева-воительница мотнула соломенной головой, и коса – астроном не поверил бы, если бы не видел собственными глазами – рассекла многоножку пополам. Таис вляпалась-таки в ловчую сеть гигантского паука. Паука обезвредил Иоанн.

И вдруг как-то сразу всё закончилось. Отряд вывалился на обширную поляну, за которой начиналась обычная роща обычных деревьев. Посреди поляны все, не сговариваясь, повалились на землю.

Солнце уже палило вовсю, и Олегу захотелось в тень, в рощу, но раздался знакомый переливчатый посвист. Сверху. Ему ответил такой же – со стороны моря. Хатули, бес им в ребро.

Трава зашевелилась, по поляне поплыли размытые силуэты. Сколько их было, не сосчитать. Больше двух – это точно.

– К бою! – скомандовал фон Вернер.

Но хатули не спешили нападать. Взяв людей в полукольцо, оттеснили их к роще. И Олег понял – зачем. Раздутые как бутылки стволы. Разверстые розовые дупла. А вот корнешупальца... Хрен их в такой траве разглядишь. Хатули застыли и сделались совершенно невидимы.

– Живоглоты! – крикнул астроном.

Дитмар выхватил плазмоган и повёл стволом, стараясь захватить площадь побольше, чтобы выцелить хоть одного хищника. Зацепил. Истошный визг, запах палёной шкуры, и обезумевший от боли зверь ринулся на гауптштурмфюрера. Наперерез бросилась Ефросинья, махнула косой... и располовинила голову хищника.

– Во имя Перуна! – торжествующе воскликнула она.

– Не боишься? – бросил Дитмар.

– В муромских лесах и не такие чудища...

Дева не договорила. Корнешупальце ухватило её сразу за обе ноги. Воительница упала ничком, живоглот поволок её к разверстой пасти. Дитмар повёл плазмоганом, но тщетно – битва в джунглях съела весь заряд. Живоглот тянул быстро, и никто не смог бы помочь Ефросинье, однако она мгновенно перевернулась, села на пятую точку и уже у самой пасти живоглота ударом меча обрубил оба корня.

Нервы у девки железные, подумал Олег. Посмотрел на поверженного кота. Серая бесшёрстая шкура потеряла способность к мимикрии. На льва хатуль походил лишь строением тела. Рассечённый череп более подошёл бы... лемуру. Да, глазастому лемуру с толстыми мяси-

стыми губами и круглыми, как спутниковые тарелки, перепончатыми ушами. Странное существо. Рот как у травоядного. Но когти...

Ещё один хатуль, помельче, прыгнул на Дитмара, тот отскочил в мелкий кустарник, но удара лапой по плечу не избежал. Беспольный плазмоган отлетел в сторону. Олег бросился к нему, наклонился, чтобы поднять. Тонкий вибрирующий корень обхватил его запястье. Астроном ткнул по нему хазарским топориком. Корень отстал. Олег взял плазмоган, выпрямился.

Неосторожного хатуля прихватило сразу четырьмя корнещупальцами и жадно влекло к дуплу. Дупло раздалось вширь и ввысь, принимая столь крупную жертву. Ствол лжеплатана охватила сладостная дрожь, когда задняя часть жертвы погрузилась в пасть. Хатуль кричал и бился, и это было настолько страшно, что Олегу стало жаль несчастного хищника. В считанные минуты всё было кончено. Пасть сомкнулась, вопль хатуля оборвался.

Олег с Иоанном, всматриваясь в траву, чтобы не нарваться на очередное щупальце, поспешили к Дитмару.

Барон фон Вернер лежал на земле, тяжело дыша, с закрытыми глазами. Гимнастёрка его была изодрана. Кровоточили порезы на плече и груди. Иоанн наклонился, осторожно осмотрел раны.

– Господь милостив, – сказал он. – Раны неглубокие, но надо перевязать.

Он посмотрел на женщин и передал Таис меч. Таис кивнула и, надрезав туннику, отодрала изрядный кусок ткани, обнажив точёные колени. Иоанн ловко порвал ткань на бинты.

– Помоги, – обратился он к Олегу.

Вместе они стащили с Дитмара гимнастёрку, промыли раны остатками воды из гибкой бутылки, перевязали.

– Что будем делать, рус? – спросил монах.

– Надо бы отнести его к морю, – откликнулся астроном без особой уверенности. – Здесь оставаться нельзя...

– Не надо меня нести, – сказал барон. – Идти некуда. Через живоглотов не пройдем, а хатули умеют ждать... И верни моё оружие.

Астроном отдал плазмоган.

Немец приподнялся на локтях.

– Их тут ещё штук пять. Не выпустят.

– А вот я их мечом, – пригрозила Ефросинья.

Немец засмеялся, аж раскашлялся.

– Лучше встретить смерть в честном поединке, чем сдохнуть с голодухи! – упрямылась Ефросинья.

– А пугануть перуновым огнём? – предложил Олег.

– Нельзя взывать к Воителю, пока не пройдёт ночь и ещё ночь, – разъяснила дева. – Биться надобно. Или молить богов, глядишь, смилостивятся. Давай, однобожец, твоя братия, помню, врала, что ваш Христос всё может.

Иоанн осенил себя крестным знаменем и, преклонив колени, принялся творить молитву.

– Я тоже помолюсь богам, Громовержцу и Артемиде, – добавила Таис. – Но мне нечего принести им в жертву.

Фон Вернер болезненно скривился.

– В мешке последний кусок мяса, нам уже не понадобится, так что отдай своим богам. Огня, девочка, правда, нет. Уж не обессудь.

Дурдом, подумал Олег. Снова оглядел поляну.

Да, хатули были здесь. Больше не нападали, но их короткие перемещения иногда отслеживались по размытым силуэтам. Идеальная мимикрия, надо же. Что ж, похоже, пришло время умирать второй раз. Права Ефросинья – лучше в бою... Вдруг кто-нибудь да прорвётся.

Внезапно хатули засвистели. Все разом. Свист не такой, как обычно – переливчатый, а странно-тревожный, прям мурашки по коже.

И было от чего. Из джунглей ломилось что-то страшное. Олег подскочил как ужаленный.

– Перун Громовержец... – запричитала Ефросинья. – Кострома Благодатная... Мамочка...

Она схватилась за меч. Неведомое чудовище приблизилось, и хатули, позабыв про мимирию, прыснули в разные стороны, как стая дворовых котов, на которых вылили из окна ушат ледяной воды. Плоская змеиная голова неведомого зверя была щедро уснащена острыми клыками, над ними извивались трубчатые щупальца, а из глазниц бил огонь, от которого сразу вспыхивали трава и кустарник. Клыками чудовище вспарывало суглинок, прокапывая неглубокую траншею. И по этой траншее ползло гибкое серебристое туловище. Размером примерно с газовую трубу. Большого диаметра.

– Заклинаю тебя, Змий о Двенадцати Хоботах, изыди! – взывала дева-воительница и, подскочив к чудовищу, со всего замаха полоснула мечом. Меч упруго отскочил от кожи монстра, не причинив ему ни малейшего вреда. Свистнула соломенная коса – с тем же успехом.

– Дура! – заорал Дитмар. – Прекратить немедленно! Это же Пищевод!

Голова «змия» скрылась в роще лжеплатанов.

– Полезли? – сказал Олег. – Хатули всё равно далеко не ушли.

– Разумно ли? – засомневался Иоанн. – Вдруг чудовище захочет оставить нас там?

– Не оставит, – ответил астроном. – Я знаю.

Барон коротко глянул на него, кивнул, мол, потом объяснишь, и оседлал Пищевод. За ним последовал Олег, а Иоанн после короткой перепалки с Ефросиньей и нескольких негромких слов, обращённых к Таис, помог взобраться девушкам и ловко вскарабкался сам.

Под сенью живоглотов было сыро и страшно. Пищевод двигался рывками, с частыми остановками, и всё казалось, что он больше не стронется с места, и путникам придётся спуститься на землю, к жадно разверстым розовым пастям, в смертельную сеть надёжно укрытых высокой травой корнешупалец.

Но адская роща осталась позади, вновь замелькали сосны, стало ясно, что «змий» понемногу забирает вверх.

– Вот уж воистину, явил Господь чудо! – воскликнул Иоанн. – Теперь убедились ли ты, язычница?

– Тьфу на тебя! – отозвалась дева-воительница. – Перун-громовержец змия послал на подмогу! Кладенец мой его не взял. Так? – Она загнула палец. – Коса моя его не взяла. Так? – Загнула второй. – А меч и коса заговорённые, и только слугам перуновым не страшны. И пламень из очей его, ровно стрелы перуновы. – Загнула третий.

– Не смей именовать Зевса Громовержца, Верховного Олимпийца, языческим именем! – неожиданно перебила её обычно тихая Таис.

– Ду-ура! – парировала воительница.

– Невежественная варварка! – не осталась в долгу гречанка. – Таким гиперборейским выскочкам цена на невольничьем рынке в Афинах – полдрахмы в удачный день.

– Да я тебя!.. – Ефросинья схватилась за меч.

– Прекратить, – сказал Дитмар.

Негромко так сказал, но девушки сразу поостыли.

– Ладно уж, – пробормотала Ефросинья. – Рассказывай про своих богов. – Вот кто у вас там чадородием заведует?

Девы взялись за сравнительные характеристики греческих и славянских божеств. Иоанн только вздохнул, воздел очи горе и забормотал молитву.

– Что думаешь о тактике хатулей, Олег? – спросил Дитмар.

– Неразумно, – ответил астроном. – Могли ведь напасть сразу, пользуясь маскировкой, а зачем-то оттеснили к живоглотам. Потом эти броски в атаку...

Мимолетная улыбка превосходства мелькнула на губах немца.

– Тактика хатулей безупречна, – объявил он. – Ты просто недооцениваешь противника. У раненого мною хатуля случился шок. А второй хатуль, который атаковал следом, – самка. Его самка. У хатулей нет прайдов, они живут парами.

Лебединая верность, подумал Олег. Очень необычное свойство для кошачьих.

– В остальном же расчёт хищников был безупречен. Нас оттеснили к непроходимому препятствию. И ждали.

– Да, но не легче ли было...

– Самое же главное именно заключается в том, что не легче. Учись анализировать и делать правильные выводы, Олег, – поучал немец. – Такое поведение высокоразумных хищников означает только одно: им не раз приходилось сталкиваться с людьми! Причём с людьми, вооружёнными весьма совершенным оружием. Таким, как это. – Дитмар прикоснулся к плазмогану. – А возможно, и более совершенным. Следовательно, где-то есть такие люди, и мы рано или поздно с ними столкнёмся. И нам надо успеть должным образом подготовиться к такой встрече!

Мыслитель, подумал Олег. Мистический бред в вопросах мировоззрения и жёсткое рациональное мышление в вопросах тактики и выживания. Докажи такому что-нибудь. Что ж, пока нет прямых доказательств моей теории, будем косить под дурачка. А потом... потом посмотрим, что одолеет – еврейская лженаука или арийская мистика. Интересно, к какому техническому объекту на сей раз вывезет Пищевод?

Ответа ждать пришлось долго. Пищевод развил приличную скорость, и уже через час над верхушками сосен на западе проступил хребет, в котором коренной крымчанин без труда опознал выгнутую спину горы Кошки. Дитмар сильно побледнел и сидел молча, упираясь здоровой рукой в спину «змия». Да и Олег почувствовал, как навалилась усталость, и неудержимо клонило в сон. Не свалиться бы ненароком...

Это всё Зов, вяло размышлял он. Зов стимулирует центральную нервную систему, Зов включает процессы регенерации. Наведённое воздействие извне... из Космоса? Почему бы и нет... вон сколько железа на орбите крутится. Не падает. Глянуть, что там, хоть глазком... вдруг цивилизация сохранилась? Сигнусы, кем бы они ни были, одичали, а в Космосе... там технология... сохранилась и развилась... далеко вперёд... обсерватория... одним бы глазком... да нет, рожки да ножки от той обсерватории...

Пищевод встал, дёрнулся и замер. Олег очнулся от полудрёмы. Каменистое ровное плато. Лес остался позади. Кошка – рукой подать. Внизу, значит, Симеиз. А за Кошкой – Голубой залив, и там, в горах... Он помотал головой – какая, к чёрту, обсерватория! И первым прыгнул на землю. Дитмару пришлось помогать. Барон тяжело дышал, его лихорадило.

Объект нашёлся в ста шагах. В скальном массиве было вырезано идеально гладкое, наклонно уходящее вниз углубление. Широкие ступени цвета бутылочного стекла вели к дверям с замком-пятернёй на створке.

– Странно, – пробормотал Дитмар. – Не помню... Раньше... не было.

Спустились. Олег вложил руку в замок, Сезам распахнулся. Они оказались в небольшом тамбуре с гладкими, серебристо-матовыми стенами; под потолком, однако, гнездились разнообразные миниатюрные штуковины. Штуковины ожили, замигали огоньками. Датчики, понял Олег. Наконец приятный баритон возгласил, и возгласил по-русски, по крайней мере, так слышал Олег:

– Дорогие гости! Добро пожаловать в Малый Информаторий Тавриды! Здесь вы сможете не только получить любую исчерпывающую информацию, но и отдохнуть и приятно провести время!

Информаторий! От волнения у астронома перехватило дыхание. Наконец-то хоть что-то!

Вторая дверь пропустила их в обширный зал, с такими же серебристо-матовыми стенами, рядами мягких кресел и диванов в форме причудливых цветов; возле каждого на столиках имелись небольшие пульта. В дальнем конце зала возвышался невысокий подиум – Олег уже догадался для чего. Дитмара немедленно уложили на диван. Ефросинья осматривалась хмуро и недоверчиво, Таис и Иоанн сохраняли спокойствие.

Олег изучал пульт – он был странный. Снова отпечаток для ладони, как и на дверях, несколько непонятных гнёзд – и ничего более.

Возникло мерцание, и на подиуме материализовалась величественная фигура римлянина в сенаторской тоге.

– Мара! – вскрикнула Ефросинья.

– Латинянин, – бросила Таис. – Варвар.

– Да что ж у тебя, куда ни кинь – всюду варвары, – возмутилась было Ефросинья.

– Спокойно, девочки! – поспешил вмешаться Олег. – Это не призрак, и вообще не человек. Он не опасен.

– Искусственный интеллект Малого Таврического Информатория именем Валерий Гай Германик приветствует дорогих гостей! – «Римлянин» вскинул руку в приветственном жесте. – Я готов ответить на любые ваши вопросы. Но... – голограмма обвела «дорогих гостей» пронизательным взглядом, – но не сразу. Я вижу, что вы устали с дороги, да к тому же один из вас серьёзно ранен. Кроме того, мои сенсоры указывают на то, что ваши одеяния плохо приспособлены к внешним условиям. Вот здесь, – отодвинулась неприметная панель в стене справа, – медотсек. Здесь, – ещё одна дверь, – можно совершить омовения и переодеться. Я рекомендую УЗК-11.

– Что такое УЗК? – перебил Олег словоохотливого искина.

– Универсальный защитный комплект. Гигроскопичен, при этом отличается повышенной механической прочностью, устойчив к воздействию агрессивных сред, ядов...

Общевойсковой защитный комплект надеть! – вспомнилось армейское. – Вспышка с тыла! А что, очень похоже. Только и ждёшь, откуда вспыхнет...

– Достаточно, – перебил Олег. – Иоанн, помоги, пожалуйста, отвести Дитмара.

Медотсек оказался комнатёнкой с торчащим посередине креслом, сверху донизу увешанным какой-то аппаратурой. Как только туда усадили барона, кресло плавно и бесшумно скользнуло вниз, а возникшее в полу отверстие закрылось серебристыми створками. Иоанн тревожно глянул на Олега, но тот отрицательно покачал головой.

Девушки уже ушли мыться и переодеваться. Олег уселся в кресло.

– Можно запрос?

– Увы! – Гай Германик сделал протестующий жест. – Сперва омовение!

Хренова железяка, подумал он, закрывая неподъёмные веки.

Вскоре Иоанн осторожно тряс его за плечо:

– Очнись, рус!

Рус отверз очи и чуть не поперхнулся: если Таис в сильно обтягивающем серебристом комбинезоне, словно отлитом из единого куска... ткани? пластика? шут его разберёт – ни шва, ни кармана – смотрелась совершенно умопомрачительно, то Ефросинья напялила поверх высокотехнологичного одеяния кольчугу, навесила на шею кучу своих амулетов, а за спиной красовался всё тот же меч-кладенец. Монах тоже переоделся, на груди у него обнаружился внушительный крест-энколпион, на кожаном шнурке. Видимо, Иоанн всё время носил его под туникой. На диване восседал такой же серебристый Дитмар. От эсэсовской формы остался лишь пояс. На человека стал похож – мелькнула мысль. И выглядит здоровым. Олег встал и направился к «умывальне-переодевальне».

Разбираться со сложной техникой будущего не пришлось – вкрадчивый баритон Гая Германика подсказывал, какие сенсоры и в какой последовательности нажимать. Удалось даже побриться, ибо отросшая щетина раздражала неимоверно. Облачился в костюм – опять же не без подсказок. Представил, какие чувства испытывали дамы, внимая наставлениям мужского голоса. Или Германик специально для них обернулся Германикой? Карманы таки нашлись – закрывались они скользящим движением ладони вверх, не оставляя ни малейшего следа, а открывались, соответственно, – наоборот.

– Старую одежду можно утилизировать здесь, – наставление сопровождал короткий мелодичный звон из угла «раздевалки».

Олег с отвращением принялся комкать брюки, и оттуда вывалился давешний чёрный граблённый цилиндр – медальон погибшего красноармейца. Как он мог забыть! Олег раскрутил цилиндр, развернул бумагу с данными. Прочёл. Не поверил своим глазам. Прочёл ещё раз. Поспешно затолкал обратно и закрутил крышку – со второй попытки. Этого не может быть, подумал он. Этого просто не может быть! Хотя... Не спешить, обдумать. Рассказать немцу? Не время. Как там их учили? Кто владеет информацией, тот владеет миром? Вот и повладеем.

Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, засунул медальон в карман чудо-одежды, провёл ладонью снизу вверх и вышел в зал.

Уселся в кресло.

– Вопросы задавать можно?

– Биоконтакт невозможен. Цифровой контакт невозможен, – в голосе искина сквозило огорчение. – Это, вынужден предупредить, существенно замедлит восприятие информации.

– А какой возможен, чёрт бы тебя побрал?!

– Впредь рекомендую воздерживаться в стенах Информатория от экспрессивных и грубых выражений! – возгласил Германик. – Возможен аудиовизуальный контакт.

– Давай аудиовизуальный. Запрос!

– Я весь внимание, – принял соответствующую позу искин.

– Олег Яковлевич Сахновский. Даты жизни... – Олег поколебался и назвал числа. – Астроном, проживал в Алуште. Что известно об этом человеке?

Гай Германик картинно приложил палец ко лбу.

– Известно немного. Видеоинформации нет. Сохранился список научных трудов. Вывожу на экран.

Вспыхнул уже знакомый по Башне голоэкрэн, и по нему поплыли строки. Да, оно. Его работы. Вон, даже тезисы доклада в Праге есть. Единственная загранпоездка. Впрочем, и это ничего не доказывает...

– Отчёт по новейшей истории за последние двести лет, – затребовал он.

– Невозможно, – в голосе искина сквозило смущение. – В моей памяти имеется лакуна в последние пятьсот тридцать восемь лет.

– Когда восстановилась память?

– Сто двадцать три часа семь минут и двадцать восемь секунд назад я вновь осознал себя. Всё это время моя память восстанавливалась по временной оси вплоть до лакуны.

– Воспоминания за последние двадцать лет до лакуны?

– Ноль поступающей из центра информации. Среднее количество посетителей – три целых, семь десятых индивида в год. За восемь лет и три месяца до возникновения лакуны – отключение от основной энергостанции на Мангупе, переход на автономное питание. Затем разряд аккумуляторов.

Вот и катастрофа, подумал Олег. Ну а нынче-то на Мангупе никакой энергостанции, небось, нет...

– Какой сейчас источник питания?

– Имеются лишь косвенные данные. Мои датчики фиксируют внизу наличие резервуара, заполненного органикой. Вероятно, происходит обработка органики ферментами либо бактериями. Состав ферментов или вид бактерий установить невозможно. Процесс сопровождается выделением большого количества теплоты и метана. Способ преобразования в электроэнергию неизвестен.

Вот вам и Пищевод. Очень остроумно.

– Хорошо. Информация по ключевому словосочетанию: Сигнус деи.

– «Сигнус Деи» – корпорация-монополист по критической ген-модификации на уровне фенотипа, основана в... вы предпочитаете, насколько я понял, древнее летоисчисление?

– Да.

– В две тысячи пятьсот тридцатом году. Основные проекты – «Птица Сириус», «Человек-Амфибия» и «Открытый Космос». Время разработки проекта – сто пятьдесят два года. Время активной фазы проекта – около девятисот лет. Количество индивидов, прошедших трансформацию...

– Достаточно. Информация по «Птице Сириус». Физиология, фенотип, генотип.

На экране замелькали картинки. Сигнус. Общий вид. Опорно-двигательная система – скелет, мышечный аппарат. Внутренние органы. Гай Германик пояснял по ходу: млекопитающие, живородящие, ареал обитания – субтропики: Средиземноморье, Таврида, метаболизм комбинированный, ускоренный, нормальная температура тела – тридцать девять и три, особые свойства – способность к эмпатии – а вот это уже интересно – мимоходом отметил Олег, степень регенерации, продолжительность жизни – ого! – уровень ай-кю, вспомогательные животные – модифицированные вороны, уровень ай-кю...

Далее на экране закрутились спирали ДНК и посыпались непонятные термины...

– Довольно, – прервал Олег. – Причина катастрофы на планете?

– Взрывная лавинообразная патогенная мутация встроенных генов.

– Сколько длилась катастрофа?

– По неполным данным, ибо лагуна в моей памяти не может быть восстановлена, – около восьмидесяти лет вплоть до полного вымирания населения и разрушения инфраструктуры.

– Кто-либо предсказывал возможность такой мутации?

– Профессор Ван Хофман в три тысячи триста сорок третьем году опубликовал соответствующую работу, однако был подвергнут обструкции и заклеен как лжеучёный.

Пророк. Вот вам и песни сигнусов.

– Проект «Открытый Космос» – ген-модификация для проживания в Космосе?

– Истинно так.

– Когда упала Третья Луна? – резкий, лающий возглас Дитмара.

– Планета Земля имеет один естественный спутник. По косвенным данным, падение спутника Фобос на Марс произойдёт...

– Довольно болтовни! – оборвал искина Дитмар. – Всё это пустая тарабарщина. Где можно зарядить вот это? – Он показал плазмоган.

– Универсальный резак можно зарядить на распределите, – Германик указал за спины людей, на небольшую дверцу у входа.

– А пожрать и поспать? Отвечай, ты, дерьмоголовый ублюдок!

– Я не отвечаю на вопросы, содержащие экспрессивную и ненормативную лексику!

– Где мы можем принять пищу и отдохнуть? – поправил барона Олег.

Раздвинулись сразу несколько дверей слева.

– Всё для удобства уважаемых гостей!

Когда они, насытившись необычными блюдами и напившись странного густого напитка, по вкусу более всего напоминавшего травяной отвар с цветочным ароматом, оказались на рос-

кошных ложах, выполненных в древнеримском стиле, освещение сменилось на тускло-синее, как в казарме, Иоанн захрапел, а Дитмар негромко произнёс:

– Олег, ты сомневаешься в том, что ты – это ты?

Астроном с трудом отогнал дрему.

– А ты не сомневаешься? Людям свойственно воскресать и слышать какой-то Зов?

– Мы здесь выполняем миссию. Боевое задание. Зов – тот же боевой приказ. Тебе этого не понять. Приказы не обсуждаются, они неукоснительно выполняются. Подчинённый не должен знать, с какой целью отдан ему тот или иной приказ. А я – это я. Я здесь и сейчас, в чём не сомневаюсь. И тебе не советую. Сумасшедшие в нашем отряде не нужны.

Это ещё надо посмотреть, кто тут сумасшедший, успел подумать Олег, прежде чем провалиться в сон.

Сигнусадеи...

Сигнус.

Деи.

Лебедь.

Бог.

Лебедь Божий.

Песнь третья

Это казалось невозможным, но она была. Обсерватория. В горах, левее Кошки. Не совсем на том месте, и не совсем такая, как две тысячи лет назад... но несомненно, что вот это – раздвижной купол оптического телескопа. А вон то – радиоантенна. Гигантская, странной эллиптической формы, но радиоантенна. Для полноты картины недоставало разве белой башни БСТ-1, а заодно и БСТ-2. Кто знает, может, создатель новой обсерватории вовсе не нуждался в изучении Солнца, считая это расточительным баловством, наподобие аквапарка, от которого в Голубом заливе не осталось и следа...

Панораму водной глади перекрывала некая решётчатая конструкция, похожая то ли на фермы взорванного железнодорожного моста, то ли на опрокинутую исполинскую высоковольтную мачту. При этом конструкция подверглась сильному термическому воздействию. Оплавленные и перекрученные двутавровые балки, будто конечности чудовищного насекомого, вонзались в прибрежные валуны и уходили далеко в залив. Судя по облепившим их ракушкам, уровень моря недавно менялся. Странно, ведь в Крыму не бывает приливов и отливов... Вследствие, так сказать, затруднённого обмена водой с Атлантическим океаном. Хотя кто знает, может, за последние две тысячи лет эта затруднённость перестала быть актуальной? Шарахнуло чем-нибудь из Космоса, и привет! М-да, таким макаром начнёшь верить в дитмаровские падучие луны...

Фон Вернер жестом велел отряду залечь.

– Смотри! – сказал он астроному, ткнув плазмоганом в сторону моря. Олег присмотрелся. Почти не различимые на тускло-оловянной волнующейся поверхности качались мокрые серые шары. Нет, не шары – головы! Дельфины? Не похоже...

– Они? – спросил астроном.

– Сирены, – подтвердил немец. – Только их тут не хватало...

– Опасны?

– В воде – да, – ответил Дитмар, – но на суше беспомощны, если не считать зазубренных дротиков... Мечут они их, как дьяволы.

– Наши комбинезоны ими не пробить, – сказал Олег. – И потом, Зов...

– Да, хорошая штука, – сказал гауптштурмфюрер, в который раз пощупав тонкую, но чрезвычайно прочную ткань. – Не пойму только, из чего сделано...

– Какие-нибудь полимеры... – откликнулся астроном.

– Ладно, – буркнул немец. – Потом объяснишь. Сейчас только смотри. А Зов на них не действует. Проверял.

Но Олег и так не отводил взгляда от моря. Сирен становилось всё больше. Цепляясь длинными мускулистыми руками за перекладины и выступы поверженной конструкции, они высывались из воды по пояс. А некоторые умудрялись подниматься ещё выше, устраиваясь в разветвлениях и прорехах металлического остова. Серебристо-голубые, блестящие, голые. Восхитительно прекрасные. Если бы не хвосты с широкими лопастями, не акульи плавники на спинах, не жаберные щели на груди, не диковинные выросты на головах, призванные, видимо, придать сиренам дополнительные гидродинамические свойства, их вполне можно было вообразить дайверами с причудами. Во всяком случае, тела сирен походили на человеческие больше, чем тела сигнусов. Особенно хорошо это заметно у самок – высокие упругие бюсты, широкие бёдра. Сирены увидели людей. Загомонили. И голоса их ничем не напоминали голоса сигнусов. Морские жители не пели, а клекотали и улюлюкали.

Какие же это сирены, подумал Олег, это, скорее, тритоны, русалки, ундины... До пояса люди. А ниже – рыбы. Впрочем, не рыбы, конечно. И даже не амфибии, а скорее, дельфины. Кожа, наверное, тёплая, бархатистая... Извращённое воображение генных инженеров корпора-

ции «Сигнус Деи» соединило, нет, смешало, три сущности в одной. Рыбы, амфибии, млекопитающие. Полмиллиарда лет сжатые в одно мгновение. Ведь что такое полтора века экспериментов и почти десяток столетий биосоциального отбора по сравнению с мучительно медленным поиском вслепую, который именуется естественной эволюцией?

Романтики, блин, подумал астроном с ожесточением. Воплотители мечт. Вас влекут океанские глубины? Пожалуйста! За хорошую плату вы сможете переплюнуть человека-амфибию. Мечтаете о небесных просторах? Нет ничего невозможного. Вам какие крылышки? Белые, серые, каурые, фиолетовые в крапинку... Раскошеливайтесь! Ах, вас манят беспредельные пространства Вселенной?! Что же вы сразу не сказали! Любой каприз за ваши деньги...

– Достаточно полюбовались? – Дитмар поднялся.

– А эти? – спросил Олег. – Увидят же...

– Пусть, – сказал барон. – Лишь бы воскрешённый оказался подальше от воды. Тогда обойдёмся без драки.

– Хотелось бы, – сказал Иоанн. – Когда Таис отбивали, одно из бесовских отродий попало мне камнем в плечо. Слава Спасителю, что не в голову...

– Посейдоновы слуги, – откликнулась Таис не без содрогания в голосе.

– Навьи дети, – присовокупила Ефросинья и сплюнула.

– Хватит болтать! – одёрнул фон Вернер. – Продолжаем движение. Глядеть в оба!

Много командуешь, подумал Олег, нащупывая медальон в кармане. Ничего, будут тебе сюрпризы, бестия ты наша рыжебородая. Вот найдём сейчас новенького и проверим...

Протяжный печальный крик грянул с небес. Белые крылья в знойной вышине. Крик повторился, многократно умноженный. Сигнусы! Не менее сотни. Словно бомбардировщики, клиновидным строем, по десятку в ряду, они заходили над Голубым заливом со стороны Кошки. Сирены тоже заметили их, но прятаться в воду не стали. Клекот слился в громогласный воинственный клич. Передовой клин сигнусов свалился в пике, навстречу взметнулась туча дротиков. Люди-лебеди в долгу не остались – у каждого в когтях было по увесистому камню, ещё не достигнув нижней точки пике, сигнусы принялись их бросать.

– В точности так ваши «Илы» жгли наши танки, – хмуро произнёс Дитмар.

– «Чёрная смерть», – не без ехидства ответил астроном.

За авангардом последовали другие. Море вскипело. Потери несли обе стороны. Рухнула в море с раздробленной головой сирена-самка. Сразу два дротика пронзили атакующего сигнуса на выходе из пике, он ударился о верхний ярус конструкции и, ломая прекрасные свои крылья, тоже канул в воду...

– Превосходно! – воскликнул немец. – Им сейчас не до нас. Вперёд!

Прислушиваясь к Зову, отряд двинул вдоль берега. Олег присматривался к каждому валуну. Чёрт его знает, как он выглядит, этот кокон нововоскрешённого.

Место битвы, между тем, осталось далеко позади.

– Мнится мне, братья и сестры, – произнёс монах, – что новый грешник или грешница воплотятся во-он в том безбожном узилище...

Внушительного размера то ли ангар, то ли эллинг, воздвигнутый у береговой кромки. Олег прислушался к своим ощущениям. А ведь святой прав! Там и должен воскреснуть их следующий или следующая... Не дожидаясь команды, Олег стал спускаться к воде.

Что-то коротко свистнуло в воздухе, и на голову ему посыпались осколки. Астроном обернулся – высокий прибрежный валун, облепленный иссохшими мидиями. И едва не поплатился. Заострённая палка чиркнула по сверхпрочной ткани комбинезона у самой шеи. Возьми метатель левее, и Олег получил бы дротик под челюсть.

– Назад! – выкрикнул гауптштурмфюрер. – Назад, свинья башка!

Пригибаясь, астроном бросился к остальным. Сирены ликующе возклекотали. Град дротиков и камней посыпался вслед отступающему человеку. Впрочем, едва Олег пересёк некую незримую черту, обстрел тут же прекратился.

– Я же сказал, глядеть в оба! – накинулся на него Дитмар. – К сиренам приближаться нельзя! Они считают прибрежную зону своими угодьями.

– Откуда ты всё это знаешь? И про сирен, и про хатулей?

– Хатули нашептали, – усмехнулся немец. – Знаю, и всё!

Пространство перед эллингом – ровное, словно нарочно расчищенное. Наверняка нарочно, подумал Олег, вспоминая Башню и Информаторий. Там тоже того... поработали. Пересекли бегом и оказались в мёртвой для обстрела зоне.

Астроном, не раздумывая, поднялся по наклонному пандусу, в который были заглублены металлические направляющие, и приложил ладонь к дактилозамку. Дрогнули и бесшумно разошлись огромные ворота. Немедля вспыхнуло освещение. Олег по инерции шагнул внутрь и замер. Эллинг не пустовал. На рельсовой тележке, размером с железнодорожную грузовую платформу, возвышался... Катер не катер, а малотоннажное судно на подводных крыльях. Ослепительно белый крутых обводов корпус, вылизанная по всем законам аэродинамики рубка, водомётные движки – блеск, мечта нувориша. Да что там нувориша, его, скромного астронома Сахновского с мизерной зарплатой, невоплощённая мечта. По крайней мере, в прошлой жизни.

Позади по-хатульи присвистнул немец.

– Ничего себе, лодочка, – проговорил он. – Под стать сарайчику... Ладно, потом рассмотрим. Ищите, чую, сейчас появится...

Фон Вернер принялся деловито шнырять по эллингу. Олег с трудом оторвался от созерцания «мечты». Обойдя катер, он заметил небольшую дверцу, видимо, ведущую во вспомогательное помещение. Зов внутри заметался так, что, казалось, ещё мгновение, и он вырвется из груди маленьким окровавленным чудовищем из старого фантастического фильма. Астроном рванул дверцу и очутился на складе. Два ряда стеллажей были забиты блестящими от смазки деталями машин. Запчастями к движкам катера, надо полагать. А между стеллажами...

Вот значит, как это бывает...

Пол между стеллажами вспучился. Плиточное покрытие пошло трещинами, и разорвалось, окатив замершего астронома осколками. Огромное яйцо стремительно, как зубная паста из неосторожно сжатого тюбика, выдавилось из-под пола. Молочно-белое, бугристое, блестящее, оно ходило ходуном, вот-вот готовое лопнуть. Олег на всякий случай отступил к двери, мало ли что... Но ничего страшного не последовало. Кокон перестал вздрагивать, раздался тихий чмокающий звук, и скорлупа раскрылась, словно бутон тюльпана. Явив содержимое.

Женщина, подумал астроном. Дитмар будет в ярости...

Впрочем, среди тающей скорлупы кокона лежала не просто женщина, а – леди, дама из высшего света. Век девятнадцатый, как пить дать. Темное пышное платье, из-под которого бесстыдно выглядывали кружева нижней юбки. Высокие ботинки со шнуровкой. Шляпка с вуалькой. Дама шумно вздохнула, поднесла бледную узкую кисть к лицу, наткнулась на вуальку и вряд ли осознанным движением сорвала её. Открыла глаза.

Олег придвинулся, наклонился.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

Дама смотрела на него, не видя и, наверное, ещё не понимая его слов. Прозрачная слизь покрывала её лицо, исходила едва заметным паром, таяла. Астроном вспомнил дымку, окутывавшую его руку в момент воскрешения. Выходит, не почудилось...

– Где я... что я делаю... зачем, – жалобно пробормотала дама.

Олег лихорадочно пытался сообразить, что ей ответить, но кроме идиотского книжного оборота: «Вы среди друзей», ничего путного придумать не мог.

– Не волнуйтесь, – проговорил он. – Вы... в безопасности.

– Ах, этот connard Вронский! – невпопад отозвалась она.

Вронский?

ВРОНСКИЙ!

Ну вот и всё, со смесью разочарования и облегчения подумал астроном. Задача сошлась. Ну или почти... Осталось выяснить детали. КТО и ЗАЧЕМ? Главное, ЗАЧЕМ? Хотя и не мешало бы понять – КТО?

– Вот ты где!

На склад ворвался гауптштурмфюрер, за ним – прочие. Барон подскочил к нововоскрешённой.

– Опять баба!

– Её зовут Анной, – сказал Олег.

– Что? Откуда знаешь?

– Сигнусы напели, – усмехнулся астроном. – Знаю, и всё.

Приподнявшись на локте, она недоумевающе взирала на него. Губы её беззвучно шевелились. Совсем как у Иоанна, когда тот молился.

– Всё будет хорошо, Анна, – сказал астроном. – Скоро вам станет лучше.

Она приподняла слабую руку, то ли благословляя, то ли защищаясь, а скорее всего, пытаясь осенить себя крестным знамением. Олег вдруг увидел себя и других её глазами. Странные существа, все в белом. Вспомнилось: *«И услышал я голос четвёртого живого создания, произнесший: «Приди!»*.

Да уж...

– Господа... – заговорила она. – Где я? Что со мной?.. Вы... вы ангелы? Господи! Господи Иисусе! Вы не ангелы! Я не могу, я недостойна, я совершила тяжкий грех...

Её мечущийся взгляд остановился на Иоанне, и тот выступил вперёд.

– Успокойся, дочь моя, – речь святого странно изменилась, по крайней мере, таких обертонов Олег в устах Иоанна ещё не слышал: сочувствие и нежность, и при этом – непоколебимая уверенность. – Не ад это, но всего лишь чистилище. В чём согрешила ты?

– Грех самоубийства, – ответил за неё Олег. – Сударыня, вы в состоянии подняться? Прошу вашу руку.

Анна с опаской, словно ожидая соприкосновения с призраком, подала руку и встала. Её качнуло.

– Да-да, конечно, я понимаю. Я всё понимаю... – Она провела ладонью по лбу. – Ангелы всезнающие.

– Не ангелы мы, дочь моя, – возразил Иоанн, – но такие же грешные люди. Однако я, как слугитель Господа, готов принять твою исповедь. Не знаю, уместно ли сие здесь, но тебе станет легче...

– Да-да, конечно, – торопливо произнесла она. – Сейчас. Мысли путаются...

Иоанн сделал знак, и они вышли из помещения.

– Вот это лодья! – восхитилась Ефросинья. – На такой бы из варяги да во греки. Вот только волочь тяжко, без волшебства не обойтись.

Фон Вернер погладил днище.

– Если судно на ходу, то это очень ценная находка. Наша мобильность возрастет многократно.

Астроном посмотрел на катер. Полёт над волнами? Солёный ветер в лицо? Заманчиво, но... не сейчас.

– Пока разберёмся, что к чему, – сказал он. – Да и где брать топливо?..

– Сила, ведущая нас, – отмахнулся фон Вернер, – позаботится об этом.

Вот оно как. Значит, пора раскрывать карты.

– Пока есть время, – сказал Олег, подходя к распахнутым воротам эллинга, – неплохо исследовать обсерваторию.

Он указал на хорошо видимые отсюда башни.

– Нет! – хором воскликнули Таис и Ефросинья.

– Почему?

– Перуном клянусь, – побожилась воительница, – нельзя туда. Смотрю и вижу – нельзя.

– А ты, Таис, что скажешь?

– Боги не любят совершенства, – непонятно ответила гречанка.

– Таис, а что случилось с тобой и твоей подругой Эрис? Вы основали своё поселение? Ну, Гесиода, я понимаю, уплыла со своим Неархом...

– Ты провидец? – В голосе невозмутимой гречанки прорезался страх. – Ты... Ты полубог?!

– Полубог? – Олег усмехнулся. – Нет, лучше уж – провидец...

– Чёрт бы вас всех побрал! – не выдержал Дитмар. – Что всё это значит?

– Пойдём на свежий воздух, поговорим, – предложил Олег. – Девушки, когда Иоанн закончит, пусть идёт к нам, а вы помогите Анне. И переоденьте её в запасной комбинезон.

Гауптштурмфюрер и астроном спустились по пандусу. Солнце стояло в зените, ярко освещающая купола обсерватории.

– Что за самодеятельность, Олег? – хмуро поинтересовался немец. – Туда идти нельзя. Гиблое место. Я знаю. И откуда у тебя сведения про баб?

– Дождёмся Иоанна. А пока посмотри вот это.

Он извлёк медальон погибшего красноармейца, развернул лист личных данных. Дитмар принял брезгливо, двумя пальцами. Медленно, шевеля губами, прочёл. Небось, учили в школе СС языку противника... Шевельнул бровями, вернул.

– Я таких насмотрелся. Но здесь написан бред.

– Этого бойца никогда не существовало... А вот и Иоанн!

– Звали, братья? – Монах опустил на нижнюю ступень пандуса. – Бедная грешница...

– Грехи её мне известны, – сказал Олег. – Прелюбодеяние да самоубийство. Не люди они, все три наши девы. И тот, в лесу – не человек.

Дитмар и Иоанн молчали – ждали продолжения.

– Это персонажи книг. Солдат – писателя Вячеслава Кондратьева. «Сашка». Я по нему в школе сочинение писал. Анна – Анна Каренина, – знаменитого Льва Толстого. Дитмар, ты-то должен был слышать о таком?

Немец пробормотал под нос что-то неразборчивое, очевидно, ругательство.

– Ну а роман «Таис Афинская» в детстве был моей настольной книгой. Так что догадываться я начал сразу... Про Ефросинью не знаю, не читал.

– Я не понимаю, рус! – Иоанн вскочил. – Мыслимо ли писать книгу о человеке, которого не было? Евангелие повествует о деяниях Иисуса. Жития святых – о святых. Есть описания жизни царей. Но измышлять несуществующее, плодить сущности? Это... это богопротивно!

Да, подумал Олег. Объяснишь тебе, пожалуй, что такое беллетристика...

– Для развлечения, святой отец. На потеху. В наше время это было весьма распространено.

– Значит, и спутницы наши – суть ещё одно наваждение. А быть может, и не только они, – рассудил монах и снова уселся, погружившись в раздумья.

Верно мыслишь, ох верно, святой Иоанн Готский. Хотя фильм «Матрица» ты точно не смотрел...

– Мы, думаю, всё же люди. Все мы воскресли там, где погибли или где должны были воскреснуть, все помним обстоятельства смерти. Статьи астронома Сахновского хранятся в памяти компьютера... и то, я не уверен. Поэтому, Дитмар, надо идти на обсерваторию.

– Не вижу логической связи.

– Объясню. Корпорация «Сигнус Деи», помимо сигнусов и сирен, создала людей, предназначенных для жизни в космосе. Возможно, нами управляют оттуда. И Зов наводят, и э... галлюцинации в виде несуществующих персонажей.

– Я не верю в эту болтовню. Ничего вразумительного. Космос холоден и необитаем. Никакие осколки лун непригодны для жизни! Ты просто пускаешь нам блох в уши, и больше ничего!

– А песни сигнусов? Это же знание, понимаешь ты или нет?! Ван Хофман, или кто другой, передал его через поколения сигнусов в будущее. Ферштейн, герр барон?

– Веришь в невнятные бредни призраков и тупых птиц? Идиот! Наша миссия здесь! Понимаешь – здесь! Не в космосе! На Земле! – Фон Вернер встряхнул астронома за плечи. – Пойми, еврей чёртов, главное – на Земле! Откуда нам знать, какова будет новая раса великанов?

– Сам ты идиот! – выкрикнул Олег. – Мистик задрипанный! Как хочешь, а я иду на обсерваторию.

– Нет. – Голос барона сделался ледяным. – Не идёшь. Я приказываю тебе остаться.

– Приказываешь? Ты? Да я срать хотел на твои приказы! Это ты раньше мог приказывать, это там ты был гауптштурмфюрер. А сейчас ты – говно!

– Пархатый ублюдок, – прошипел эсэсовец. – Думаешь, если офицер СС тебя не прикончил, ты чего-то стоишь? Думаешь, барон Дитмар фон Вернер польстился на твою науку? Да я таких, как ты, в тридцать пятом из Гейдельберга вышибал, чтоб не пудрили мозги арийской молодёжи лживой жидовской космографией!

– Отвянь, нацистская гнида, – сказал астроном Сахновский. Очень спокойно сказал. – От тебя трупом смердит.

– Посмотрим, кусок блевотины, кто из нас труп...

Гауптштурмфюрер медленно поднял универсальный резак. В его глазах не было ничего, кроме ровного синего пламени безумия.

Он сумасшедший, отстранённо подумал Олег. Отлично ориентирующийся в оперативной обстановке, хладнокровный в минуту опасности, здравомыслящий в житейских мелочах, но сумасшедший. Истинный ариец, но не истиннолюдь. Как и я, впрочем. И святой Иоанн Готский...

– Братья мои! – возгласил Иоанн, и это был ещё один новый голос его. Взгляд святого горел, пронзал насквозь, до дрожи. – Братья мои! Я вижу, что вам хочется друг друга убить. Не стану напоминать, что это смертный грех. Скажу иное. Убейте меня. Убейте сколь вам угодно жестоко и медленно. Насладитесь убийством, пусть оно пропитает вас насквозь, каждую частицу вашу, каждый волос и ноготь! Клянусь Господом, гнев ваш уляжется, и вы сумеете поладить. Я же стар, и более не хочу быть здесь... Заклинаю вас, сделайте это сейчас! Господом нашим и всеми святыми заклинаю!

Во взгляде его была теперь мольба – столь искренняя, что Олег вновь содрогнулся. Святой преклонил перед ними колени и опустил голову.

Дитмар попятился. Маска безумия медленно сошла с его лица.

– Хорошо, – сказал он. – Хорошо, еврей. Иди и сдохни.

– Я пойду с ним, – ровно сказал святой.

– И ты, Йоган?!

Фон Вернер круто развернулся, взбежал по пандусу и скрылся в воротах эллинга.

– Идти надо, – произнёс Олег. Слова давались с трудом, словно просеивались через густое сито. Только сейчас он заметил, что сжимает в руке занесённый над головой топорик, и медленно его опустил. – Пока Зова нет. И пока Вернер не передумал. Подниматься недолго. Часа три. Местность знаю.

– С Богом, – кратко отвечивал монах.

Солнце старалось вовсю, но его лучи не могли пробиться сквозь серебристую защиту чудо-костюмов. Правда, голову пекло изрядно, по бровям стекал пот, и Олег жалел, что не додумался поискать в Информатории какую-нибудь чудо-панаму. Наверняка бы нашлась. Иоанн молча, с размеренностью автомата, вышагивал рядом. Прошли место, где когда-то была съёмочная площадка ялтинской киностудии. Вспомнилось, как отец таскал его, совсем ещё мальчика, с собой – смотреть, как снимают «Пиратов двадцатого века», а потом, уже позже – «Сказку странствий». Эх, в «Сказке...» он даже в массовке участвовал – трёшка за съёмочный день, целое сокровище, а бородатый режиссёр Митта смешно бегал, размахивал руками и орал: «Я тут перед вами на пупе верчусь, а вы как следует панику изобразить не можете...» Сон. Не было этого и быть не могло. Палящее солнце, безлюдный мёртвый мир, чудовища и чудеса... Было, есть и будет.

Удивительно, местность в Голубом заливе почти не изменилась. Олег держался пока поросших травой и редкими сосенками холмов. Забирались они всё выше, но после полуторачасового подъёма стало ясно, что леса не избежать. На опушке сделали короткий привал – отдышаться в тени буков.

Посидели. Тихо здесь было. Очень тихо. Астроном вслушивался, – ни посвиста хатуля, ни шорохов, ни даже птичьего крика. Мёртвая безветренная тишь. С одной стороны, вроде бы и хорошо. А с другой – странно. Везде, куда ни сунься, зверьё, а здесь прямо заповедник какой-то... для людей.

– Может быть, пройдем легко? – зачем-то спросил он у святого.

На что тот отвечивал:

– На всё воля Божия.

В лесу они сразу наткнулись на хорошо утопанную тропу, ведущую вроде бы в нужном направлении. Опять же, с одной стороны, удобно, потому что местность сделалась скалистой. А с другой – подозрительно. Если нет зверей, то откуда тропа?

Время шло, тропа петляла, обходя скальные массивы и крупные валуны. Олег прикидывал направление по солнцу. Если так дело пойдёт и дальше, то ещё немного... что там Дитмар болтал о всяких ужа...

Вот оно. Приехали.

Тропа сделала очередную петлю. В десяти шагах от них, на небольшом валуне стояло двое... существ? Пожалуй, существ, отдалённо напоминавших людей. Точнее – австралопитеков. Сутулые, много ниже человека, покрытые бурой свалившейся шерстью, руки до земли... Странной формы черепа, слишком большие, словно раздутые, больше человеческих, но с мощными надбровными дугами. Клыкастые пасти.

Глаза. Жёлтые. Взгляд – насквозь, навывлет. Приказ – безмолвный, но внятный: сюда. Ближе. Астроном и святой одновременно качнулись. Шаг, ещё шаг. Словно в дурном кино. Ноги чужие. Ослушаться невозможно. Ближе. Ещё ближе.

Ш-ш-ш! Откуда? И ещё раз: ш-ш-ш! Плазмоган! Чары исчезли, чудовища покатались с валуна и замерли.

– Дитмар!

– Дитмар! – эхом откликнулся Иоанн.

Тишина, затем шорох – откуда-то сверху. Вот он, Дитмар фон Вернер, с кошачьей своей ловкостью спускается со скалы. Плазмоган уже за поясом, в руке – увесистый дротик, подарок сирен. На голове – капюшон.

– Откуда ты?.. – только и спросил Олег.

– В семействе фон Вернеров трусов не было, – лаконично разъяснил немец. – Вы бы тоже нахлобучки надели. Сейчас начнется.

И, не дожидаясь, пока астроном придёт в себя, взялся за воротник его костюма, потянул – воротник превратился в такой же капюшон. Иоанн, сообразив, справился сам.

– Что начнётся-то?

– Повезло, что твари были вместе. Два – ноль в нашу пользу. Теперь не сунутся. – Вернер похлопал по рукояти плазмогана. – Их гипноз на людей действует только на близкой дистанции. Зато животные...

– Какие животные?

– Сейчас увидишь, – пообещал немец. – Будет хуже, чем в джунглях. По тропе бегом марш.

Да, это было хуже, чем в джунглях. Значительно хуже. Началось с атаки пары нетопырей. Среди бела дня. Одного заколол дротиком Дитмар, второго сразил мечом монах. А дальше... Пауки, гусеницы, какие-то грызуны, ящеры – не столь гигантские, как тот, на которого охотились хатули. Но было и отличие. Если в джунглях животные вели себя естественно, подчиняясь лишь инстинктам, то сейчас проявлялось внешнее управление: очередное чудовище выскакивало или вылетало из-за деревьев и набрасывалось с одной целью – немедленно укусить, ужалить, ударить.

«Без костюмов мы бы не продержались и пяти минут», – подумал Олег, разрубая хитин вцепившейся в ногу сколопендры и одновременно прихлопывая ладонью угнездившегося на другой ноге гигантского комара. Гарри Гаррисон, блин, «Неукротимая планета». Что-то хатуй пока не видать... Впрочем, их и так не очень-то разглядишь... так что – не надо... Получай! И ты получиай! И ты, дрянь!!!

Всё же они продвигались вперёд. Дважды Олега и Иоанна сбивали с ног крупные твари, и тут уж немец пускал в дело универсальный резак. Экономит заряды. Зачем? Дальше будет хуже? Ох...

Лес закончился внезапно. Ну, конечно. Идеально ровное, словно нарочно расчищенное место. Башни. Купола. Ворота. Огромные. И всего лишь двести метров открытого пространства.

– Туда! – рявкнул барон. – Быстро! Я прикрою!

– А... – начал было Олег, но Иоанн молча толкнул его в спину, и они бросились к обсерватории.

Вовремя.

По всему фронту вдоль опушки лезла крупная нечисть. Фон Вернер открыл веерный огонь из плазмогана. Оглянувшись на бегу, астроном заметил, что барон медленно пятится вслед за ними: увеличивает сектор обстрела, не давая зверью отрезать им путь с флангов. Надолго ли его хватит? Секунды растянулись: одна... другая... третья... Вот олень – гигантский, метров пять – с удивительным проворством ринулся справа, ясно, что он успеет их перехватить. От таких челюстей никакой костюм... кости перемелет... Нет, Дитмар! Ай да стрелок! Успел. Сто метров до ворот. Пятьдесят. Тридцать!

Плазмоган умолк. Олег снова обернулся. Господи! Два ящера сомкнули челюсти на ногах поверженного немца, ни лица, ни тела Дитмара не видно под грудой чего-то мерзкого и шевелящегося, только серебристо сверкает плазмоган в откинутой руке.

Конец. Два – один. И очень скоро счёт вновь изменится не в нашу пользу.

Снова тишина. Почему? Куда делись пауки и ящеры?

Понятно. Бесшумно раздвинулись створы, в проёме ворот обнаружилось ещё одно человекообразное существо. Жёлтые глаза и безмолвный приказ. Но нет уже Дитмара.

Вблизи оно оказалось ещё страшнее. С клыков каплет слюна. Смотрит... Смотрит. Короткий взмах руки, нет, лапы, на руке не может быть таких когтей, удар, и сверхпрочная ткань комбинезона святого разрывается – от шеи через грудь, наискосок.

Конец. Два – два.

Он не смог даже зажмуриться. Сейчас... Сейчас...

– Аксион эстин!

Хриплый голос, нечеловеческий, без выражения. Голос механизма. Он не сразу понял, что слова произнесло существо, и что он снова свободен. А когда понял, неудержимая ярость заставила взмахнуть топориком и опустить его на несуразно огромную башку твари. Существо рухнуло рядом с Иоанном.

Олег поспешно наклонился над святым. Ещё жив, но безнадёжен. Он не медик, но всё ясно. Поломана ключица, торчат осколки рёбер... похоже, разорвано лёгкое. На губах кровавая пена. Но взгляд – ещё осмысленный и по-прежнему строгий. Вот так. Святой Иоанн Готский.

– Иоанн! – Олег с ожесточением вцепился в плечи святого, даже не думая, что причиняет тому боль, возможно, нестерпимую. – Иоанн! Запомни! Ты не в аду, не в чистилище! Ты причислен! К лику святых! Ты – святой! Это испытание! Это всего лишь испытание! Ты будешь в раю, слышишь ты меня, ну, ответь, слышишь?!

Святой шевельнул губами, силясь что-то произнести, но не смог. Тело его сотрясла конвульсия, и взгляд остановился.

Сволочи, подумал Олег, закрывая ему глаза. Какие же вы все сволочи... Аксион эстин, говорите? Посмотрим...

Он вскочил и чуть ли не бегом ворвался в обсерваторию. Ворота за его спиной бесшумно закрылись.

Холод. Холод и незримое присутствие. Чьё? Аппаратура, назначение которой он уже понимал. И уже понимал бессмысленность затеи. Играючи, включил и настроил главный телескоп на поиск ближайшего геостационара. Никаких окуляров не нужно, всё проецируется на экран. Огромный тор – орбитальная станция – яростно сверкает в лучах солнца. УФ-фильтры. Инверторы. Длинные усы – оранжереи. Ближе. Ещё ближе. Существо. Человекопаук. очередной продукт корпорации «Сигнус Деи». Заточенный под невесомость, блин горелый. Плывёт себе и собирает в корзинку какие-то плоды. И бессмысленный взгляд. Совершенная автоматика станций позволяет обслуживание на инстинктивном уровне. Они так же глупы, как сигнусы и сирены.

Кто, как и зачем. Кто? Как? Зачем? – подумал он.

Однозначный ответ, подумал он, не может быть получен в рамках информационной проекции, именуемой человеческим мозгом. Материальная Вселенная – всего лишь рябь, голограмма на поверхности субквантового океана. Спецификой развёртывания неявленных уровней реальности управляет активная информация. Единственно возможным способом её представления для людей является волновая функция. А этого недостаточно.

Дэвид Бом, подумал он, гениальный сын еврея-эмигранта из захолустного Мукачево. Осмелившийся оспорить не только учителя, Эйнштейна, но и самого Нильса Бора.

Это близко, подумал он, однако в базовом уравнении квантового потенциала Боба имеются скрытые параметры. Поэтому нелокальные эффекты квантового потенциала, когда все точки пространства становятся неразделимыми, и само понятие пространства-времени теряет смысл, людям недоступны. Между тем всё просто. Времени нет. Настоящее не превращается в прошлое, а в виде свёртки уходит на субквантовый уровень. Любая информация сохраняется. ЛЮБАЯ.

Он мысленно написал уравнение квантового потенциала – только теперь ясно видел значения скрытых параметров под гамильтонианами – плотность пакета информации, когерентность информации и степень связности. А потом вывернул наизнанку – переписал для квадратов волновых функций. Действуя матричными операторами, через интегралы связности вывел уравнение материализации. Проще пареной репы.

Понятно – кто. Понятно – как. Зачем? Зачем персонажи? Если можно, по идее Фёдорова, воскресить всех живших когда-либо на Земле?

Уравнение было огромно. Локализация информационного потенциала цивилизации планеты Земля. Несколько мгновений ему понадобилось на то, чтобы сообразить, где тензор гравитации, а где – пространства-времени, а остальное было ясно. Уравнение имело единственное решение – вырожденное состояние. Гибель. Развал.

Критический скрытый параметр, подумал он, – плотность информационного пакета. Если его увеличить хотя бы на два-три порядка...

Но тогда уравнение не имеет единственного решения!

Совершенно верно, причём все решения нетривиальны и ведут к дальнейшему повышению информационной плотности.

Он вывел информационную плотность объекта «Анна Каренина» – как векторную суперпозицию представлений. Уравнение казалось бесконечным, но это было не так. Первый член выделялся явно – авторская фантазия. Прочие вектора шли по группам, причём под гамильтонианами имелись мощные алгебраические матрицы сумм представлений. Сотни миллионов читателей. Иллюстрации. Киновёрсии. Спектакли. Фантазии и мечты. Отождествления себя с персонажем. Всё записано на субквантовом уровне. *Мене, текел, упарсин.*

Он применил преобразование Фурье – ибо оно раскладывает сигнал любой сложности в ряд регулярных волн – и чуть не задохнулся от красоты открывшейся картины... *Да, можно понять. Можно.*

Неужели у меня нет выбора? – подумал он.

Выбор есть всегда, ответил он сам себе.

Солнечные стрелы били уже из-за яйлы. Сколько времени он провёл там? Иоанн... А чудовище исчезло. Мог ли ты подумать, святой Иоанн Готский, говорил он сам себе, снимая пояс с мечом с неподвижного тела, что Тысячелетнее Царство уготовано не людям, но творениям их фантазий? А ты, Дитмар, говорил он себе, с трудом разжимая пальцы барона, чтобы извлечь плазмоган из его руки, думал ли, что и ты прав со своей расой великанов? Хотя по иронии судьбы, ближе к истине оказался еврей-«лжеучёный» Дэвид Бом. И не вы аксион эстин, но я. Господи, за что? Смотрящий по Крыму. Вергилий. Конечно, я. Учёный. Любитель фантастики. Понять и принять. Дитмар бы не принял. Иоанн – тем паче. А я? Я – аксион ли эстин? И, главное, хочу ли я быть им? НЕ ЗНАЮ!

В цилиндрических магнитных доменах жёсткого диска информация записана в виде ориентации магнитных моментов. Для нас она нематериальна. Но вот некто выбирает файл «Олег Сахновский», жмёт кнопку «принт». Является распечатка – твёрдая материя. Или голограмма, если принтер голографический. Качество – высшее. А почему, собственно, высшее, а не «быстрое черновое»? Откуда мне знать, кто я – сраная, наспех выполненная копия Олега Сахновского или точная? Или улучшенная? Копия-супермен? Нет ответа. У Активной Информации не спросишь. Как и не спросишь – ЗАЧЕМ? Что всё это для неё? Изящный эксперимент? Высокое искусство? А может быть – священный долг? Повышать информационную плотность квантового потенциала?

А я кто такой, чтобы судить? Ведь всё просрали, всё прогадили! Вся планета в развалинах. Наигрались. И снова наиграемся, дай только шанс. Математически доказано, мля. Мене, текел, упарсин... И сейчас в Англии воскресают Холмс и Ватсон, и Оливер Твист, и Джен Эйр... А во Франции – д'Артаньян и три мушкетёра. И Ришелье.

Он расхохотался. Хороший мысленный эксперимент. Воскрешённый НАСТОЯЩИЙ Ришелье встречает Ришелье, придуманного Дюма. Ценного. С информационной плотностью в тысячи раз выше информационной плотности реального великого политика...

Он почувствовал чьё-то присутствие, обернулся. В отдалении, на крутом утёсе сидела она. Царевна-Лебедь. Гордая шея, белоснежные перья. Он пошёл к ней, его мотало из стороны в сторону, он не замечал этого, лишь бормотал: «Не улетай... подожди, не надо, не улетай...» Она ждала.

– Скажи мне, – он не узнал своего голоса, – прошу тебя, скажи мне хотя бы ты... скажи мне хоть что-нибудь, иначе я сойду с ума...

– Тыхоро-оши-ий, – пропела сигнус. – Ноты-ыменя-яуже-енелю-юби-ишь...

И полилась песня. В ней не было слов. Или он не мог их разобрать. В песне была печаль и тоска, и тоска перетекала в надежду, а надежда снова сменялась печалью, а затем голос крылатой певунии возвышался, и вот уже угроза и гнев слышались в нём, и ярость и страсть... и снова тихая печаль и боль... и надежда.

«Не надо!» – хотел крикнуть он, но не смог. В груди толкнулся Зов. Близко, понял он. Совсем близко. Кацивели, нет, – Понизовка. Что делать?

Закат окрасил облака над морем в пурпур и золото. Что ж. Зов силен, но от *этого* не удержит. Есть выбор. Есть! В плазмогане Дитмара ещё мерцает индикатор заряда. В эллинге ждут три девушки. Или – информационные пакеты? Или – истиннолюди? Кто-то четвёртый вот-вот явится в мир.

Он поднёс плазмоган ко лбу.

В груди kloкотал Зов, в глаза смотрела смерть, и сердце рвала печальная песнь Царевны-Лебедь.

Сигнусадеи...

Сигнус.

Деи.

Лебедь.

Бог.

Лебедь Божий...

У человека всегда есть выбор.

Наталья Лескова. МАРСИАНИН

*Есть ли жизнь на Марсе?
Нет ли жизни на Марсе?
Науке это неизвестно.
Наука еще не в курсе дела.
Х/ф «Карнавальная ночь»*

Глава первая Есть ли жизнь на Марсе?

– Я вас последний раз спрашиваю – чьё это художество? – Трынделка вышагивала по проходу, нависая над партами. – Советую признаться по-хорошему!

Я хмыкнул, развалился за партой, посмотрел на стенку, где по нежно-салатовой умиротворяющей краске кроваво-огненными буквами было написано:

*Как у нашей у Трынделки
Во-о-от такие буфера,
В сладких грёзах о которых
Не усну я до утра.*

«Художество» было моё, но признаваться я не собирался. Ещё чего.

– Что тут за улыбки? – Трынделка вперила в меня свои глазища. Того и гляди, сканирование начнёт. Это без допуска-то? А, пускай начинает – у меня мозги как надо прошиты. Только сканер себе обломает...

– Твоих рук дело! – шипит Трынделка, и глазами в меня – тыц-тыц. Ну, давай-давай! Посмотрим, кто кого.

– Кто это сделал? Ты? Я последний раз спра...

– Извините, но врать нехорошо.

– А! Кто сказал?!

Трынделка выпрямилась, словно арматуру проглотила. Я вздохнул с облегчением. А сканер у нее ничего... Вполне себе сканер. И откуда только такой взялся? Поднажми она немного, и первая линия защиты точно бы накрывалкой накрылась.

– Это я сказал, – поднялся над классом мальчик-одуванчик с третьего ряда. Белобрысенький, шупленький, глаза в кучку, чёлка по линейке подстрижена. Это что еще за забагованный? Новенький, что ли? Может быть... Учítывая, что в школу я захожу, когда совсем делать нечего, и только за тем, чтоб с Трынделкой поцапаться, ничего удивительного, что в классе всякие новенькие без моего ведома завелись.

– Это я сказал, – спокойно повторил новичок. – Пять минут назад вы утверждали, что задаете вопрос в последний раз. А теперь вы задаёте его снова. Значит, ваше заявление было ложным, а врать нехорошо.

Трынделка покраснела. Потом побледнела.

– Вон из класса! – Её узловатый палец уткнулся в новичка, а потом, описав окружность, указал на дверь. – И без опекуна в школе не появляйся! И ты, – она резко оборотила ко мне пылающий взгляд, – тоже вон! По тебе давно депрограммирование плачет! Куда только опекуны смотрят! Был бы ты под моей опекой...

– Вы действительно этого хотите? – Я поднялся, взглянул с высоты своих почти двух метров прямиком в разрез ее платья. – Или жаждете, чтоб я вас поопекал, а?

– Убирайся сейчас же! И без опекунов...

– В школу не приходи, – закончил я за нее и покинул класс.

Бедная-бедная Трынделка! Мне её иногда жалко – такая она злющая. И зачем только в социальную школу пошла? Сидела бы себе дома – мозг в Канал – да обучала бы нормальных детишек нормальным способом. Нет же, принесло её сюда, к нам – деткам избранным, усиленно социализируемым, тем, «кому в будущем суждено взять на себя тяжкую ношу управления человеческим ресурсом, бла-бла-бла...» Впрочем, хорошо что принесло – без нее тут была бы вообще скукотень полная, хоть вой, а так – всё разнообразие в жизни.

Кстати, о разнообразии. Что это тут за выскочка выискался? Наглеть в школе – это моё единоличное право. Совсем однокласснички без меня распустились, раз всякие новички на мою лапочку-Трынделку покушаются... Надо с этим разобраться, ох надо.

Парнишка стоял в коридоре, белёсыми ресницами хлопал и по сторонам пялился.

– Ты кто такой, а? – начал я разговор сразу и всерьёз. Припёр его к стенке и навис угрожающе – всем своим нехилым ростом. Страшно, да?

Оказалось – ни фиги не страшно. Он уставился прямо на меня и спросил вежливо до одури:

– Что именно вас интересует? Моё имя? Род занятий? Социальный статус?

– Выделяешься? – Я сомкнул брови на переносице так, что уши затрещали. Обычно это действует безотказно...

– Нет. Просто я не понимаю и хочу уточнить... Кстати, что у вас с лицом? Это нервный тик?

– Ща как по лбу дам, узнаешь, что у меня такое с лицом!

– Извините, я не понимаю взаимосвязи между этими событиями...

И тут я не выдержал и захохотал. Вот кто бы мог подумать, что типчик с внешностью «дурачок типичный» может так изысканно выражаться?

– И откуда ты только такой взялся... – только и мог сказать я сквозь смех.

– С Марса.

Он что, чокнутый? Или притворяется?

– Ага, а я с Венеры.

– Этого не может быть. Колония на Венере была уничтожена девяносто лет назад... Или вы... Вы... Вы тоже – Сохранённый?!

И прежде чем я успел понять, что за тут такое творится, он мне на шею бросился. То есть собирался броситься. Потому что охранная система у меня безотказно работает. Любое несанкционированное физическое вторжение в персональную зону воспринимается моей боевой прошивкой как враждебное. Мальчонку чуть по стенке не раскатало.

– Эй, ты там как, жив? – Я наклонился к нему и, отключив охранку, протянул руку, помогая подняться.

– Вроде...

– На будущее. У меня кибер-мозг нехилую защитную функцию имеет. Сунешься без спросу – мало не покажется. Жизнь у меня, понимаешь, трудная, полная невзгод и опасностей...

– За вами тоже клерки охотятся? – Парнишка смотрел на меня понимающим взглядом. А я на него непонимающим вытаращился.

– Кто-кто? Что еще за клерки?

– Неужели вы не знаете? Если вы действительно Сохранённый с Венеры, то...

– Так, – решил я сразу расставить все точки и запятые. – Во-первых, хватит «выкать». Во-вторых, ты пошутил – я пошутил. И прикрою лавочку. На Марсе жизни нет. На Венере – тем более. Хватит бредятину нести.

Он уставился на меня таким же взглядом, какой был у моего щенка перед форматированием. С тех пор год прошёл, но я до сих пор его глаза помню... А еще говорят, псевдозверушки ничего не понимают. Да они все лучше нас чувствуют – и близость небытия и боль предательства... Но тогда у меня выбора не было. А сейчас...

– Эй ты, Марсианин! Хватит дуться – лопнешь, – сказал я примирительно. – Ты что, действительно с Марса?

– Да.

– И хочешь сказать, что там земная колония есть?

– Да.

– И давно?

– Около ста тридцати пяти лет, со времён Третьей Мировой.

– Это невозможно.

– Почему ты пришёл к такому выводу?

– Да потому! Если бы люди жили на Марсе, об этом бы по Каналу трещали... – начал было я и осёкся. Потому что кто, как не я, не далее чем вчера, вопил на всю Оперу, что каждое слово, сказанное по Каналу, – ложь, а правды там столько же, сколько ноликов в цифре «три».

– Ну, всё равно, – не сдавался я. – Если на Марсе есть жизнь – должен же хоть кто-то про это знать! Корабли же должны туда летать! Космодромы для этого нужны! И всё такое! Разве можно было бы всё это пропихнуть незаметно...

И я снова осёкся. Потому что кто, как не я, не далее чем позавчера, вопил на всё Кладбище, что люди – как свиньи. Уткнув глазёнки в землю и дальше собственного рыла не видят. Даже если сейчас начнётся Четвёртая Мировая или пришельцы прилетят Землю захватывать, всех будет беспокоить только одно – не отменят ли из-за этого вечернее шоу с Виски Фью? Да что там пришельцы! Вон, Бренцкая зона уже больше сотни лет прямо возле города раскинулась – и кто про неё знает? Так что с Земли каждый день могут по сто ракет стартовать – никому до этого никакого дела не будет.

– Ладно, – сказал я решительно. – Значит, есть жизнь на Марсе. А ты – настоящий Марсианин. А чего ты тут делаешь?

– Не знаю.

– Ну, ты вообще! Прилетел с Марса на Землю – и сам не знаешь зачем?

– Да. Я не помню. Мне провели частичное форматирование памяти в психиатрическом отделении Центрального Госпиталя, где я находился последние полгода.

– В психушке? Форматирование памяти? – Вот тут мне всё стало окончательно понятно. Стоит только неделю школу прогулять, как в классе обязательно какой-то псих заведётся. Ну всё, в самом деле, пора прикрыть лавочку. У меня своя дорога, у этого забагованного – своя. И всё-таки...

– Эй, Марсианин, ты чего делать собираешься вместо уроков?

– Не знаю. На скамейке возле дома посижу, пока опекун не вернётся.

– Пошли, лучше по городу пошатаемся... Достопримечательности Земли тебе покажу.

– Буду премного признателен, – ответил он с вежливым поклоном. Он что, это серьёзно? Ну, точно – Марсианин!

В Опере было прохладно, хотя на улице за сотню градусов зашкаливало. Асфальт чуть не дымился. И это уже сентябрь...

– Хорошо! – Я с наслаждением растянулся на креслах шестого ряда – единственного, на котором еще сохранились кресла. – Эй, Марсианин, присаживайся. Чувствуй себя как дома. Круто здесь, да?

– Что это? – Он так и не присел, стоял в проходе, крутил головой, рассматривая барельефы и роспись на потолке – единственное, что еще более или менее сохранилось от былых красот.

– Оперный театр. Что, нет у вас на Марсе таких, да? Впрочем, на Земле тоже нет. Раньше были. Видишь ту хрень впереди? Это сцена. Там раньше всякие дядьки-тётьки бегали и дурными голосами вопили... Что-то вроде: «Меня не любишь, но люблю я, так берегись любви моей!»

– Зачем? – Марсианин снова обвёл глазами зал.

– Как зачем? Искусство было такое... Ну, до того, как единственным видом искусства была признана Многоканалка.

– Нет, я понимаю, что искусство. У нас на Марсе есть театры, хотя и не такие... Но зачем любви – беречься? Я не понимаю смысла этого песенного высказывания. Один из атрибутов искусства – его способность отражать реально существующие проблемы. Неужели проблема опасной любви является настолько актуальной для землян?

Хрюк! – это был единственный звук, который я смог выдать после подобного высказывания.

– Я сказал что-то смешное? – Марсианин был невозмутим как... как марсианин. И от такой невозмутимости очередной «хрюк» у меня в горле застрял.

– Ага. Очень смешное. Я тебе только что человеческим языком объяснил: единственное искусство, которое на Земле есть, – это Многоканалка. Там все актуальные проблемы отражены, заражены и выражены. Ты, хоть и Марсианин, но не нежить, кибер-мозг есть, к Каналу подключаться можешь. Поэтому должен иметь представление – и о проблемах, и об искусстве. А любовь... – Я поёжился. – Любовь – это действительно штука опасная. Хуже водородной бомбы. Стоит только зазеваться – в размазню размажет.

Марсианин задумался так, что едва мозги не закрипели.

– Если Канал действительно является единственным для землян способом творческого самовыражения, то получается, что главная проблема людей – это игнорирование проблем?

Хрюк! – Похоже, такая реакция на его изречения скоро для меня станет естественной. А впрочем, это действительно было бы смешно, если бы не было так в точку.

– Угу, – мрачно хрюкнул я. – Да здравствует безпроблемное процветающее общество, где каждый получает по потребностям, а потребность существует только одна – лежать дома на диване, впериwв мозги в Канал. Что, у вас на Марсе разве не так? – Я с усмешкой посмотрел на него.

– Нет, – ответил он просто.

– А вообще, как у вас там? Какая она – жизнь на Марсе?

Он всё-таки сел, ещё раз покрутил головой, словно мысли туда повкручивал, а потом произнёс со вздохом:

– Хорошая жизнь. Не похожая на вашу.

– Это я понял. У вас, наверное, даже Канала нет...

– У нас есть Коммутатор, но это средство обмена информацией, не имеющее никакого отношения к искусству.

– Ага, а для искусства у вас есть настоящие марсианские театры, – сказал я с насмешкой. – В каждом городе по сотне, поди...

– Нет, конечно, – Марсианин был по-прежнему невозмутим. – Во-первых, город у нас только один, Арей, всего двадцать тысяч жителей. Он под землёй находится, в недрах Тарсиса,

естественные пустоты которого мы приспособили для своих нужд. Во-вторых, театров у нас не сотня, а чуть больше четырёх десятков.

На этот раз мне даже хрюкать не хотелось. Привык уже. Спросил почти с марсианской серьёзностью:

– Четыре десятка на двадцать тысяч человек? Как-то жирно вы там какаете...

– Не понимаю, каким образом выделительный процесс связан с количественным соотношением театров и жителей? Но у нас действительно любят театры. Мне театр стерео-тени очень нравился. Сидишь в темноте, а вокруг тебя возникают очертания образов. И ты сам достраиваешь их до полноценной картины восприятия. И каждый в театре смотрит собственный спектакль. А ещё – кристаллический театр. Но это очень сложно, когда зрители сами воссоздают недостающие грани, по решётке мыслеобразов актёров. Хотя и классические театры, вроде этого, у нас есть. Оперный, драматический, театр танца. Но я их не очень любил. Они слишком малого требуют от зрителя.

– Ха, разве зритель не должен просто на актёров пялиться и свою развлекашку развлекать, мозги отключив?

– Нет. Цель искусства – не отключить мозг, а позволить ему реализовать невостребованные в повседневности потенциалы.

Бух!

Это я упал. С кресел – в проход. Не, серьёзно, этот забогованный – точно Марсианин. Земляне так не могут рассуждать по определению. Даже после полугода в психушке.

– Ладно... А чем вы там дышите? И лопаете что? Или вы там одним чистым искусством питаетесь?

– Конечно, нет. Уровень нашей науки позволяет нам использовать материальный синтез для получения воздуха, воды и других необходимых нам веществ из вулканических пород Тарсиса. Это энергоёмкий процесс, но наши технологии позволяют решить проблему. С органическими соединениями было хуже. Поначалу мы зависели от поставок с Земли, но после войны за Независимость наши отношения с бывшей метрополией значительно ухудшились. И нам пришлось развивать своё сельское хозяйство... Сейчас проще, у нас есть преобразователи органики. Но многие марсиане до сих пор имеют сады и фермы, поскольку единение с природой приносит успокоение и позволяет достичь внутренней гармонии...

Я только головой мог покачать. Несмотря на бредовость, история становилась всё занятнее. Хотя тон Марсианина по части эмоциональности мог дать фору информаториуму.

– Значит, у вас с Землёй война была?

– Да, около ста лет назад.

– А почему я про неё ничего не слышал? Я же не только в открытых помойках Канала рылся, и закрытые зоны хакать приходилось. И там только про Третью Мировую, которая сто сорок лет назад была, данные есть. Разве можно целую войну закрыть?

– Можно. Ты же и сам это понимаешь...

И мне ничего не оставалось, как кивнуть. Потому что я знал: закрыть можно всё что угодно. Информация – вещь послушная, что хочешь с ней, то и делай. Хочешь – стирай что было, хочешь – выдумывай чего не было. Кругом – ложь и ничего, кроме лжи. Правды вовек не сыскать, да и никого она не интересует...

– Ну и кто в вашей войне победил? – спросил я, чтоб что-нибудь спросить.

– Мы, но наша победа была относительной, – Марсианин вздохнул, что выглядело забавно – этаким вздыхающий справочник. – Нам не удалось утвердиться на Венере, к которой у нас был свой интерес. Но наша Марсианская Колония смогла избавиться от пагубного земного влияния. И теперь мы строим наш собственный мир, мир торжества разума.

Тут я рот где открыл, там и закрыл. И попытался представить себе этот мир «разумного торжества», где сельским хозяйством занимаются для достижения «внутренней гармонии», где

есть «кристаллические театры» и нет Канала. Где люди даже на отдыхе думают о раскрытии «потенциалов своего мозга». Б-р-р-р! Я в такую сказку даже поверить не могу. Такую идиллию можно выстроить только внутри своей черепной коробки, когда лежишь на уютной кровати в психиатрическом отделении Центрального Госпиталя. Нет жизни на Марсе. Нет, и не было никогда. А Марсианину этому давно мозги перепрошить надо.

– Эй, Джокер, ты здесь? – раздалось со сцены.

Я повернул голову. Ребята пробирались в зрительный зал как обычно – из-за кулис. Пончик с двумя кулками в руках, Призрак Оперы как всегда какое-то барахло из реквизита на себя нацепил, а Зубастик сидит, свесив ноги в оркестровую яму и руками машет. Да ещё улыбается – всеми своими зубищами.

Я тоже рукой махнул достаточно равнодушно – нечего их баловать.

– А это ещё кто? – Зубастик – прыг да скок – в один момент возле нас оказался, ткнул пальцем в новичка, обошёл его кругом, со всех сторон оглядел. Разве что не обнюхал. Впрочем, что с Зубастика взять? Собачья натура.

– Это – Марсианин. Знакомьтесь.

– Он что, теперь с нами будет? – спросил Призрак Оперы.

– Ага.

– А у меня еды на пятерых не хватит... – виновато протянул Пончик, разглядывая свою поклажу.

– Значит, посидишь на диете. Давно пора, – я вытащил из пакета кусок протопастилы и зачавкал на всю Оперу.

Пончик обиженно запыхтел.

– А он что, правда, с Марса? – Зубастик всё ещё нарезал круги вокруг новичка.

– Ага, а ты – с Луны! – фыркнул Призрак Оперы. – Ты давно мозги диагностировал? На Марсе жизни нет.

– А вот и есть! – Зубастик выпрямился, руки в бока упёр. Гордо засиял всеми зубами. – Я у своего опекуна ту, заблокированную зону памяти хакнул! И мы такое узнали! Оказывается, он раньше на космодроме работал. Диспетчером на линии Земля – Марс. Там раз в два года движение – как трафик на Канале во время «Субботнего вечера».

– А почему – раз в два года? – спросил Пончик, глотая слюну.

– Потому что период между противостояниями Земли и Марса занимает семьсот восемьдесят дней, – это уже сам Марсианин голос подал. – По-вашему – чуть больше двух лет. А по-нашему – год. Мы года по Противостояниям меряем.

– Нехилый у вас годик! – Зубастик уставился на гостя с уважением. – А сколько тебе лет тогда?

– По-нашему – восемь лет и четыре месяца.

– Во круто!

А я грыз протопастилу, стараясь не скрипеть зубами от злости. Это что такое получается?! Весь этот бред – правда, что ли? И ещё – почему это я обо всём узнаю в последнюю очередь?! Ну, Зубастик... Ну, погоди!

– Так-так, – я в упор посмотрел на Зубастика. – Что ты ещё знаешь такого, о чём мне знать не положено?

– Я... Это... Ну... – Зубастик потупил взор и всем видом изобразил хомячка с гранатомётом. – Я хотел сказать, честно, Джокер... Я просто забыл... Я только позавчера его хакнул, и сразу же тебе сказать хотел... Но ты тогда такой злой был... Сразу нас на Кладбище потащил, с вампирами драться. А потом из головы вылетело... Ну просто вылетело – и всё... Забыл...

Я ещё минуту сверлил его взглядом, пока хомячок с гранатомётом не превратился в хомячка с пылесосом. Такого виноватого и полностью сознававшего всю тяжесть своего преступления. Так-то лучше.

– Значит, на Марсе действительно есть колония? – спросил я, делая вид, что меняю гнев на милость, – настоящей милости от меня Зубастик не скоро дожждётся, это точно.

– Похоже на то! – Простодушный Зубастик облегчённо продемонстрировал свой кошмарный оскал. – И они даже торгуют с Землёй, товары всякие возят... Во всяком случае, когда Кэш там работал пять лет назад, так было.

– И сейчас – так же, – снова встрял в разговор Марсианин. – Почти восемьдесят процентов марсианской продукции уходит на экспорт – к вам. Кибер-мозги, например, те, которые альфа-класса, – они все на Марсе произведены. На Земле пока таких технологий нет.

– Ха! – Я чуть пастилой не подавился. – Хочешь сказать, у меня мозги марсианские?

– Если альфа-класс, то да.

Это надо было переварить. Вместе с пастилой. Мало того что на Марсе есть жизнь, так я ещё этой жизни своим мозгом обязан!

– Кстати, похоже на правду, – задумчиво сказал Пончик. – Заметили, что раз в два года цены на кибер-мозг и прошивки к нему сильно падают, а потом снова вверх ползут? И обновления и патчи для мозгов появляются раз в два года...

– Да бросьте вы! – Призрак Оперы фыркнул. Во время всего предыдущего разговора он стоял, привалившись к бортику, отделяющему зал от оркестровой ямы, и тихонько насвистывал арию дона Хосе – что свидетельствовало о его плохом настроении. В хорошем он обычно свистел «Тореадора». – Вам в мозги спам заливают, а вы и рады...

– Значит, ты не веришь, что я Кэша хакнул?! – Зубастик от злости чуть не затыкал.

– Что ты его хакал – верю. А что хакнул – нет. Его блок даже Джокер взломать не смог, что тут про тебя говорить? – презрительно изрёк Призрак, а я довольно кивнул. Вот-вот, и я о том же!

– Но как же?! – Зубастик изобразил обиженного хомячка во весь рост. – Я же видел! Сам видел! И космодром, и диспетчерскую...

– Ты про ложные блоки слышал? – сказал Призрак Оперы голосом моей любимой Трынделки. – Это когда настоящую память прячут за стенкой, а на стенке красивую картинку малюют – такую сказочку. А потом ставят ещё один блок. Вот, ты верхний блок снял, сказочку увидел и радуешься. Только и всего.

– Да ну? А он, – Зубастик снова ткнул пальцем прямо в нос Марсианину, – тоже врёт?

– Конечно. Захотел Джокеру в доверие втереться, вот и заливает...

Зубастик рот открыл, но что сказать с ходу не придумал, то на меня, то на Марсианина возмущённо зыркал. Это уже становилось скучно.

Я отправил в рот последнюю пастилку и кинул пакет Призраку – когда набито генеральское брюхо, наступает время кормёжки солдат. А он сегодня свой паёк честно заслужил. В отличие от Зубастика.

– Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – какая, на фиг, разница? – Я втиснул в голос столько равнодушия, сколько туда могло влезть. – У нас дела поважнее имеются. Лопайте давайте, и айда на Кладбище, а то вампиры уже заждались. И ты, – я повернулся к Марсианину, – с нами пойдёшь. Посмотришь, как у нас на Земле развлекаются.

– Но я... – начал было он. И замолчал. То, что мои приказы не обсуждаются, даже забаванной марсианской голове стало понятно.

Глава вторая

Простой вопрос

Я пришёл домой, когда «детское время» давно закончилось. Рухнул на диван в гостиной, закинул ноги на спинку и глубоко – до самого основания кибер-мозга – задумался. О возможности жизни на Марсе.

Ерунда это всё, конечно. Сказки только в сказках бывают. Невозможен такой мир, про который этот забагованный рассказывал. Или всё-таки возможен? И хотел бы я жить в таком мире? В мире разума? Не знаю...

Наш мне точно не нравился. Социально-адаптированный. Информационно-обеспеченный. Уткнутый носом в Канал. Где до реальности никому и дела нет, кроме нас – старьёвщиков, да наших закадычных противников – вампиров. Хотя вампиры – ребята неплохие, даром что нежить. Нет, именно поэтому и неплохие, что нежить. Официально их называют НСНИ, или «внесистемники». Живут себе спокойно, никто их не «социализирует», никто не «информатизирует» по двадцать четыре часа в сутки. Без Канала как-то обходятся. Впрочем, некоторые вампирчики, такие как Дракула, и с консоли могут куда угодно влезть, получше, чем иные – напрямую. Поэтому он очень даже «И», хотя всё равно не «С». Но кто из нас полный «С»? Уж никак не я с моим альфа-мозгом и тремя спецпрошивками...

Мы с вампирами уже много лет «в делёж территории» играем. Им – Кладбище, нам – Опера. Им – развалины сталелитейного завода, нам – заброшенный торговый центр. Им – канализация, нам – метро. Вот так и забавляемся старыми игрушками человечества. Хотя делить там нечего – ненужные объекты по городу тысячами разбросаны, бери – не хочу. Но нужно же нам развлекушку устраивать? Чтоб не в Канале, а в реальности воевать.

На прошлой неделе мы за Старое кладбище бились. Нравится оно мне – посмотришь на годы на могилах – и мурашки по коже: тысяча восемьсот, тысяча девятьсот, две тысячи... Сидишь и думаешь: как люди тогда жили – в этих «тысяча восемьсот» и «тысяча девятьсот», когда еще трупки на кладбищах складировали, а не в компанию «Танатос» на переработку отправляли? О чём они думали, к чему стремились? Неужели к тому, к чему мы сейчас притопали? Впрочем, разве мы могли притопать к тому, к чему никто никогда не стремился? Наверняка они только о том и мечтали, чтоб всё было тихо и спокойно, чтоб ноги в потолок и думать поменьше. Неужели мечтали? А может, они были такими же, как мы – ненавидели «сегодня», грезил «вчера» и стремились изменить «завтра»? Кто сейчас знает... Сейчас они трупиками на кладбище лежат, а мир... Мир катится не пойми куда. Эх, прошить бы нашей Земле-матушке Мировую Революцию во все сектора!

Я усмехнулся, вспомнив нашу сегодняшнюю революционную деятельность. Когда мы с вампирами, вместо территориального дележа, решили магазинчик секс-услуг в Коммерческом Канале хакнуть. И не столько для того, чтоб из кассы на вампирский счёт деньги перекачать, сколько для того, чтоб скины у выставленных на продажу ботов поправить. Причём таким образом, чтоб никто и понять не мог, что был подлог. До тех пор, пока озабоченный клиент не увидит в своих объятиях вместо грудастой блондиночки беззубого старичка с бензопилой. Ха! Вполне себе революционная акция – может, получив такой подарочек, правильные СИ-личности с испугу решатся из своих диванных норок вылезти и найти себе настоящих блондинок. Как там Кэш говорил? «Канал не должен быть способом реализации всех человеческих потребностей. День, когда это произойдёт, станет последним днём человечества».

При мысли о Кэше злость в меня клыками вгрызлась – грызь, грызь, грызь. Эх, почему это Зубастик так повезло в жизни! И он даже нормально взломать блок не может! Ух, как это меня всё бесит! Три дня назад – и ни слова мне?! Был бы Кэш моим опекуном...

Да ещё Марсианин... Во время наших развлечений он себя прилично вёл. На подрывную деятельность смотрел без удивления, а когда стража нагринула – драпал без суеты. Даже Пончик и то больше нюнек обычно разводит, чем этот пришелец забавованный. Ух, бесит! Потому что так спокойно на опасность реагировать могу только я! Люблю острые ощущения, это позволяет чувствовать себя живым, а не каким-то придатком к Каналу. Я вечно лез, куда не надо. Ещё до того, как Кэша встретил и про Мировую Революцию узнал. А уж после того, как узнал, – тем более. Но это – я. А этот пришелец откуда такой взялся? Разве что и в самом деле с Марса.

– О, ты, наконец, соизволил прийти... – Прядки пушистых волос пощекотали моё лицо.

Ну вот, что за жизнь! Ни подумать, ни расслабиться.

– А что, не надо было? – огрызнулся я, закрывая все приложения внутри и открывая глаза снаружи.

– Не груби старшим, – Кисонька нависала надо мной пышногрудой нависалкой. А вот интересно, у кого бюст больше – у Трынделки или у моей законной опекуны? Воспоминание о Трынделке пришлось кстати.

– Тебя в школу вызывают. Хотят моё поведение обсудить. Сходи завтра, ага?

– О боже! – Кисонька наклонилась ещё ниже, и её светлые локоны колечками устроились на моих щеках. – Можно подумать, мне больше нечем заняться, как обсуждать твоё поведение с этими... – И она губки сделала пышным бантиком. – Зачем тебе вообще школа? Ты уже сейчас можешь вместе со мной на Канале работать. Через пару недель ты всё равно совершеннолетним станешь, а с твоими мозгами...

– Ага, с моими альфа-мозгами марсианского производства, – ухмыльнулся я.

У Кисоньки сразу система зависла. Глазёнки выпучились, губочный бантик развязался, даже грудь перестала соблазнительно колыхаться. Во, всегда б она была такая – неподвижная. Проблем было бы меньше.

Но отвисла Кисонька быстро.

– Так, дорогой, что это за новая выдумка? – Она шумно втянула ноздрями воздух.

– Выдумка? Дорогая, а вот фигли ты бы психовала из-за какой-то выдумки? Давай-давай, выкладывай, моя радость, что ты знаешь про жизнь на Марсе?

– Жизнь на Марсе?! Какой бред! Где ты только такого нахватался? – Кисонька перестала давить на меня своим весом, скинула конечности с дивана, присела рядышком. И лицо от меня отвернула. Ха, будто бы я не знаю, чем она сейчас занимается! Наверняка уже к Каналу подключилась, это даже по голосу понятно – такая насыщенная эмоциями безучастность бывает только тогда, когда взаимодействуешь с миром и внутри, и снаружи.

– Где я могу чего нахвататься, как не в школе?

– Больше в эту школу ни ногой! – В голосе Кисоньки от обычного мяуканья и следа не осталось, только скрежет железными когтями по стеклу. Не зря подчинённые её Стальной Гадюкой величают. Впрочем, такой она мне даже нравилась.

Я тоже сел на диванчике, за плечики её приобхватил.

– Ну и чего ты взялась?

– Ничего... – ответила она после минутного подвисания. – Сложный был день. Да и ты тоже проблем добавляешь... Опять мне пришлось со Стражей Правопорядка ситуацию разруливать. И когда тебе только это надоест? Я, конечно, понимаю, подобное поведение – обратная сторона избыточной социализации. Поэтому и терплю. Но всё же нормальные дети так себя не ведут...

– Давай не будем про «нормальных детей», а? А то так и к вопросу о «нормальных опекунах» подойти недолго... – огрызнулся я.

За свою жизнь я семь раз менял условия опеки. Никого из тех, на чьём попечении я находился, нельзя было назвать в полном смысле «нормальным». У каждого был свой задвиг – то на один мозг, то на другой, то на оба сразу. Как там Кисонька сказала? «Обратная сторона

избыточной социализации»? Ага, видимо, оно самое – что поделать, если сейчас в мире существует всего два типа людей. Либо адекватно социализированные трупки, удовлетворяющие все свои потребности через Канал. Либо избыточно социализированные «управители человеческим ресурсом и бла-бла-бла», которые от своей избыточности бесом бесятся. Как Кисонька. Как все мои бывшие опекуны. Как я. Вот кто тут больший «внесистемник» – вампиры несчастные или те, кто во главе системы стоят? Впрочем, ещё есть Кэш.

– Ну что с тобой происходит, а? – Рука Кисоньки прошарила по ёршику моих волос. – Может пора заканчивать с детскими выходками? Ты просто губишь свою жизнь среди этих... отбросов! Будь ты немного серьёзнее, давно мог бы вести свою программу, не хуже чем этот клоун Виски Фью!

– Я ненавижу Канал...

– Конечно. Если бы ты его любил, ты был бы среди обычных «подключённых», а не среди тех, кто будет руководить подключением других и...

– ... и бла, бла, бла, – закончил я за неё, а потом потянулся и сказал примирительно: – Пошли лучше баиньки.

Кисонька снова взлохматила мои вихры, а потом, испустив вздох, эквивалентный стаграммам тротила, покорно кивнула.

Хакнуть спящую утомлённую Кисоньку оказалось делом не хитрым. А что, не одному Зубастикку опекунов взламывать!

Что у неё в мозгах творилось – мама, не горюй! Похоже на старую трансформаторную будку. На каждой извилине знак «Не подходи, убьёт». Блок на блоке. Я, чуть ли не на ощупь, продирался сквозь закрытые зоны памяти, пытаюсь отыскать ссылки на слово «Марс». В какой-то момент мне показалось, что я потянул за нужную нить – она уходила в блок «Корпоративные проекты». Заархивированный с паролем блок.

Ух, как я к нему ни подбирался – и так, и этак. И никак! Тут злость, до этого момента меня лишь слегка подгрызавшая, все внутренности едва не выгрызла. Явно моя дорогая опекунша что-то про Марс знает! Вот только что?! И откуда?! Нет, надо ещё раз пароль подобрать попробовать!

И только я собрался это сделать, когда в голове кукукнул звоночек вызова. Сообщение? Чёрт, как не вовремя.

«Очень срочно. Открой дверь, пожалуйста» – вот такой фразочкой порадовал меня красивый красненький конвертик. Лучше бы не радовал. Сообщение было с незнакомой линии, но я пребывал в слоновой уверенности, что отправитель не кто иной, как пришелец с Марса.

Я зевнул. Потом ещё раз зевнул, отключился от Кисоньки, натянул джинсы и черепашкой поплёлся вниз – срочно систему безопасности отключать и двери открывать.

Как и ожидалось, моим ночным гостем оказался Марсианин.

– Прости за беспокойство, – заявил он с порога с невозмутимостью кирпичной стенки. – Но мне больше идти некуда. У меня проблемы.

– Ага. Тебя хотят убить злобные... как ты их там называл? Во, вспомнил – клерки, – хохотнул я.

– Не думаю, что мне грозит полное устранение, но суть происходящего ты выразил верно.

– Ты это шутишь так?

– Нет. У меня отсутствует чувство юмора. И я не стал бы приходить в гости среди ночи без веской причины. Мне нужно спрятаться, но не здесь. Ты знаешь какое-нибудь укрытие в городе?

– Знаю... Но давай я утром тебя туда отведу? Я спать хочу. Ночь сейчас, понимаешь? А здесь – безопасно. Поверь, никто не будет ломиться в дом к Стальной Гадюке. Разве что зелёные человечки с Марса.

– Если ты имеешь в виду меня, то я не зелёный. А укрыться здесь – не самая лучшая идея. В силу определённых обстоятельств я не могу доверять твоей опекунке.

– А мне – можешь? – Я насмешливо посмотрел на его непробиваемое лицо.

– Я никому не могу доверять. Но из всех, с кем мне довелось встретиться на Земле, ты внушаешь меньше всего опасений. Поэтому, да, можно сказать, я тебе могу доверять.

– А я – тебе? – На этот раз я обошёлся без насмешливых взглядов. – Я тебе могу доверять?

Марсианин вздохнул так, словно собирался выиграть у Кисоньки соревнование по самым тяжёлым вздохам, и всем видом изобразил озабоченную устрицу.

– Ты по-прежнему не веришь в то, что я с Марса?

– Ну-у-у, – протянул я. Хороший вопрос, однако. Простой такой – проще уже некуда. Я ещё раз прогнал в мозгу всю полученную информацию, размышляя размышлялку, сопоставляя сопоставлялку и... сам изумился собственному выводу.

А Марсианин всё так же стоял в дверях, глазами хлопал.

– Ладно, пошли, – сказал я, подхватывая куртку. – Отведу тебя в одно место, там и поговорим. Только разговор будет долгим. Про жизнь. На Марсе.

Мы шли вдвоём по пустынному переходу между станциями «Центральная кольцевая» и «Центральная», практически в полной темноте, не считая света от встроенных в мою куртку люменов. Неяркий зеленоватый огонёк выхватывал из темноты разбитые стёкла, защищавшие истёртые плакаты, – как я понимал, это были средства наглядной агитации тех времён, когда внедрять агитки напрямую в мозг ещё не умели.

– А здесь приятно, – сказал Марсианин, глаза по сторонам. Круть – туда, круть – сюда. Как только голова от шеи не открутилась?

– Мне тоже нравится. Раньше здесь была станция метро. Когда еще метро существовало.

– Метро? Как я понимаю, речь идёт о части земной транспортной сети?

– Ага, – я подошёл к краю платформы, свесил ноги вниз, кивнул в темноту. Видишь туннель. Там раньше поезд ходил, людей возил – на работу, погулять или ещё куда. Раньше люди любили погулять...

Я плюнул вниз, на рельсы, прибавил освещения – чтоб лучше было видно огромный зал, длиннущую платформу...

Как-то раз Призрак Оперы притащил уникальнейший артефакт – подборку старых фильмов на допотопных дисковых носителях. После того как Кэш нашёл нам переходник для извлечения информации, мы почти неделю на улицу не вылезали. Сидели всей компанией и смотрели старое кино – совсем не такое, как современные «сериалы подключения». Во время киносеанса глаза у нас были квадратные, рты – открытые, а из них слюна капала. И нервным хохотом то и дело заходились. Потому что нормально воспринимать это невозможно. В той жизни, которую нам показывали, всё было не так, всё наизнанку. Так, как просто не бывает и быть не может! Больше всего меня впечатлила сцена в одном из фильмов: забитая людьми станция метро. Герой пробирался сквозь толпу, а она всё толпела и толпела. Люди входили в поезд и выходили из поезда, поднимались по движущимся лестницам, стояли в очереди у турникетов... Столько людей в одном месте я никогда уже не видел, даже на общих собраниях в воспиталке. А герой фильма бежал и бежал – между людей, касаясь их, расталкивая их локтями. Это было по-настоящему жутко, настолько, что у Пончика даже рвота началась. Да и мне не по себе стало, хотя это было то самое прошлое, о котором я думал так часто и бурно, что оба мозга чудом в один не сплавлялись. И каждый раз, оказываясь здесь, в больших подземных залах с высокими потолками, я вспоминал тот фильм. И представлял себе перрон, народом утыканный... От таких представлений даже дрожь пробивает!

Я поёжился. Поскольку дрожь меня пробила в самом прямом смысле. Это на поверхности – всё ещё под сто градусов, а тут... Словно в холодильную камеру залез. Апчхи!

– Ты замёрз? – участливо спросил Марсианин.

– Ещё чего! – Я поплотнее закутался в куртку.

– А мне прохладно... Система кондиционирования воздуха здесь не работает?

– Ну ты скажешь тоже! Кто станет заниматься обогревом заброшенного объекта? Люди уже лет тридцать как подземными поездами не пользуются. На фига они кому сдались? Сейчас большинство работает по Каналу, не вставая с дивана. А для тех, кто куда-то ещё таскается, наземного транспорта более чем достаточно. Невыгодно такую махину содержать... Вот и забросили, как всё остальное. А у вас на Марсе есть метро?

– Если учитывать, что мы проживаем в подземных тоннелях, то у нас весь транспорт можно назвать «подземкой», – отчеканил Марсианин. Будь у него чувство юмора, подобную фразу можно было бы счесть попыткой пошутить. – Только у нас в тоннелях светлее. И теплее намного.

– Не бойся, я тебя тут до смерти морозить не собираюсь. Там дальше служебные помещения – мы одно из них под запасной штаб оборудовали. Там у нас тепло, светло и даже кофеварка есть. Айда!

Я уверенно пошёл вперёд, ёжась от холода. Впрочем, метро – это такое блюдо, которое можно подавать и холодным. И пусть здесь раньше толпы толпились, сейчас было пусто и загадочно. Отовсюду тянуло стариной, романтикой древности.

Еще в младшей школе мы с Зубастиком и Пончиком все городские подземелья облазили... И плевать на то, что обвалы туннелей случались всё чаще и чаще. Это только придавало остроту нашим приключениям. Может, именно тогда я полюбил «игры со смертью». Когда реальная опасность на каждом шагу паслась. А уж после истории с колодцем...

До сих пор не могу это забыть. Два дня крошечной темноты, пробирающий до костей холод, голод, жажда, боль в сломанной ноге... И одиночество – такое завораживающе жуткое, что хуже всего остального вместе взятого, и в то же время – такое желанное. К Каналу подключиться нельзя – сигнал в подземелье не проходил. Тогда я впервые осознал, что возможна она – жизнь без Канала, без постоянного зудения внутри кибер-мозга. Тогда я впервые почувствовал себя собой. Свои собственные мысли делать научился. Своими собственными ни к чему не подключёнными мозгами. Словно нежить какая-то! Или человек из того самого прошлого, которое для меня как сказка волшебная.

Потом мой тогдашний опекун долго глотку драл на тему: «Вот теперь ты понимаешь, что значит лезть куда ни попадя! Это будет хорошим уроком!» Уж не знаю, чего он в виду имел, но с тех пор меня из метро и вовсе стало не выманить. Что я там искал – а фиг его знает. Воспоминания о своей сказке-мечте? Свидетельства того, что наш мир скоро откинет копыта? Возможность быть самим собой? Да какая разница! Это был мой мир – не внедрённый Каналом внутрь моего кибер-мозга, а тот, который я сам для себя нашёл. И сейчас я, как король, шагал по своим владениям – к теплу, свету и кофеварке.

В камерке было уютно. А уж когда заработал обогреватель и кофе закипел, стало совсем хорошо. Словно мы не в глубоком подземелье, а в чистенькой Кисонькиной гостиной. Тьфу-тьфу, не к ночи будь помянута.

– Итак, – я развалился в кресле и в упор посмотрел на Марсианина, – теперь поговорим о делах наших скорбных. Мы закончили на том, что тебя хотят поймать злые Клерки. И кто же они такие?

– Агенты Конторы.

– Той самой Конторы, которая из шоу-подключения «Отважные герои»?

– Почти. Видишь ли, всё, что показывают на Канале, является отражением существующей реальности в сильно искажённом или упрощённом виде. И Контора – яркий тому пример.

– Ты хочешь сказать, на самом деле есть секретная организация, которая охотится за пришельцами, разоблачает заговоры и управляет миром?

– А ты хочешь сказать, что на Земле миром никто не управляет?

Тут я и сел бы, если бы уже не сидел.

Про управление миром я кое-что знал – в качестве «новой смены управляющего персонала». Хотя мне казалось, что эта работа – фигня полнейшая. В нашем мире все настолько социализированы и информатизированы, что сами по себе управляют. Впрочем, для особых случаев у руководства Канала наверняка спецотдел есть. Почему бы им не назваться Клерками?

– И зачем же Конторе понадобился маленький невинный марсианин? Или ты сюда с поработительскими целями прилетел и угрожаешь земной безопасности?

– Ты всё ещё считаешь это шуткой? – спросил он с какой-то тоскливой безнадёжностью в голосе. О, у нас намечился прогресс! Тоскующий Марсианин – это нечто! И я решил сбавить обороты. Сказал честно, глядя ему в глаза:

– Знаешь, если бы я был уверен в том, что это шутка, я бы тебя сюда не притащил. Так что ты давай, рассказывай, а я уж как-нибудь разберусь с этим простым вопросом – верить тебе или нет.

Он немного помолчал, мысли в кучку собрал, а потом выдал:

– Видишь ли, дело в том, что я – не просто Марсианин. Я – вдвойне Марсианин.

– Это как?

– Понимаешь, до того как люди колонизировали Марс, там была другая, нечеловеческая цивилизация.

Я быстренько подобрал отпавшую челюсть. Ну да, конечно! Финт ушами в духе «Отважных героев», разве что дружного фонового возгласа «Вау!» не хватает.

– Ага, и в лучших традициях подростковых шоу земные поселенцы начали истреблять ни в чём не повинных зелёных человечков!

– Нет, нас не люди истребили. Наша цивилизация уже несколько тысяч лет не существует в материальном облике. Всё, что осталось от истинных марсиан, – это базы данных. Информационные копии. Я, точнее, мой мозг, является местом последнего сохранения одной такой копии уже четыре марсианских года. Таких, как я, называют Сохранёнными.

– То есть восемь с лишним земных лет назад ты – был не ты?

– Это утверждение достаточно точно отражает истину.

– А где тогда тот ты, которым был раньше? Паразитируешь на чужом мозге, тварь марсианская? – ухмыльнулся я.

– Тот я, который не я, существует внутри меня. Это не паразитизм, это симбиоз. Хотя вначале, во время первых контактов, нас воспринимали как агрессоров, и многие данные были стёрты из-за человеческого страха перед потерей личности. Но потом люди поняли всю выгоду сотрудничества с нами. Был достигнут компромисс, в результате которого появились Сохранённые. Нас немного – не больше десятка осталось. Мы являемся хранителями новой цивилизации, возникшей на стыке двух культур. После того как данные истинных марсиан объединились с опытом поселенцев, была разработана базовая модель общества, в основу которой был положен античный период Земли, конечно, если говорить о его лучшей стороне. Наивысшей ценностью у нас считается Разум, а прообразом современного марсианина стала личность Сократа...

Я зевнул так, что челюсть свело.

– Бегунок на шкале «пафос» перемести вниз, ага? А то уже зашкаливает. Бр-р-р! Целая планета Сократов – рехнуться можно! Для Земли и одного много оказалось... Или Земли для него – слишком мало. Как вы только там уживаетесь?

– Уживаемся. Хотя, я понимаю, трудно поверить в мир, где во главу угла ставится гармоничная и всесторонне развитая личность, а не отлаженная система, как было во все времена

на Земле. Мы вообще не уверены, что такой мир можно построить. Пока наша цивилизация искусственная, она существует только благодаря Сохранённым. Мы относительно бессмертны – после гибели физического тела мы переписываем данные на другой носитель. И мы можем веками служить хранителями общественных ценностей, и не даём обществу скатиться в стагнацию или саморазрушение. Но это не выход. Наша цель – саморегулируемое общество. Именно такую модель мы хотим получить в результате эксперимента.

Марсианин вещал с всё более возрастающим энтузиазмом, а я уши развешивал – и одно, и другое. Так и слушал в оба уха, как в далёком детстве сказки про жизнь до Третьей Мировой. И злился всё больше, может, потому, что и верить во всё это больше начинал.

– И отчего же вы тогда подходили, если вы были такие разумные?

– Я не знаю... Первичная цивилизационная матрица, в которой хранилась вся информация о нашем прошлом, была повреждена. Мы пока не нашли способа разархивировать данные. А потом матрица и вовсе была утеряна... И я не могу дать точный ответ на этот вопрос... Наверное, мы просто себя исчерпали... Я знаю, что мы пытались реорганизовать нашу систему, развивать колонии на Венере, Земле, спутниках Юпитера, но...

Я поперхнулся. Бог с ними с Венерой и Юпитером, но Земля-матушка...

– Ты хочешь сказать, ваши зелёные человечки и на нашей планете были?

– Да. Мы колонизировали Землю около пяти тысяч земных лет назад. Но даже в новых условиях нам не удалось остановить деградацию...

Я перетряхнул базу данных по истории в своём мозгу и уставился на Марсианина.

– То есть ваша марсианская житуха накрылась медным тазом уже тогда, когда на Земле людишки начали активно копошиться?

– Да, некоторое время две цивилизации сосуществовали вместе: наша – умирающая и ваша – зарождающаяся. Но, учитывая, что истинные марсиане к тому времени утратили свой физический облик, они могли существовать только в том же виде, как я сейчас – записывая свои данные на подходящий носитель.

– Подходящий носитель? Ха! Только не говори мне, что пять тысяч лет назад у людей уже существовал кибер-мозг! – сказал я, отхлебнув кофе и ещё поудобнее развесил уши.

– Естественный человеческий мозг гораздо лучше приспособлен к симбиозу с информационной копией. Конечно, я не знаю, как всё было на самом деле, но думаю, что те, кого древние люди называли «богами», как раз и являлись такими Сохранёнными, как я.

От этой новости я чуть не подавился. То Сократы, то боги... Я бы всё это счёл шуткой, если бы мог поверить в то, что Марсианин умеет шутить.

– И куда же делись добрые марсианские боженьки?

– Не знаю. Скорее всего, их данные были утеряны по неизвестным нам причинам. В настоящее время мы не имеем сведений ни о земных Сохранённых, ни об информационных копиях.

– Ну и хорошо! Нам на Земле только таких сволочей не хватало!

– Почему ты так агрессивен? – искренне удивился он. Удивление было вполне человеческим, но сейчас мне было на это наплевать.

– Да потому, что люди – не кролики подопытные, чтоб на них модели идеальных обществ строить! Свою цивилизацию угробили, теперь новую башенку из человеческих кубиков собираете?

– Ваша цивилизация тоже скоро выродится, причём без всякой нашей помощи. Мы не хотим, чтоб вы повторили наши ошибки... А ты всё меряешь земными мерками.

– Других не имею! Скажи, что за компромисс такой вы нашли, благодаря которому у сформировавшуюся личность восьмилетнего ребёнка подсаживают чужеродного монстра? Я помню себя, каким я в младшей школе был. Я был – человек! И даже целый человечиче!

Да, можешь считать меня собственником, но совсем не хочу делить своё сознание с какой-то тварью, даже во благо общества!

– Но ты и сейчас делишь! У тебя есть кибер-мозг, это не просто удобный имплантат, а полноправный сожитель человеческого сознания...

– Хватит оправдываться! – Я шлёпнул чашку об стол так, что она чуть не треснула, навис всей тушей над приютившим Марсианина диванчиком, рывкнул во всю глотку: – Эй, ты! Ты, человек! Я к тебе обращаюсь, а не к твоей вторичной прошивке! Тебе это нравится, да? Таскать в себе чужое сознание? Что, никогда освободиться от благодетеля не хотелось, а?

– Не кричи, пожалуйста, – сказал Марсианин настолько же тихо, насколько громко я орал. И от этой тишины у меня самого громкость чуть не до нуля упала. – Он тебя не услышит. Потому что его сознание давно стало частью меня. И потом... Ты не знаешь всего, а я не хочу об этом говорить. Это слишком личное.

– Ах, личное, да?!

– Ого, какие вопли! Спешите видеть, Джокер разбушевался! – раздался ехидный голос за моей спиной. – Чего делаешь?! Больно!

Конечно, больно! Моя охранка среагировала мгновенно, прежде чем я обернуться успел, силовым лучом по двери шарахнуло. От испуга. Ладно, всё-таки в последний момент я узнал голос и сдержался, а то было бы гораздо больнее.

– Сам виноват, – сказал я, отключая систему. – Какого хрена ты сюда припёрся, Дракула?

Глава вампиров ухмыльнулся, отлепился от стены, поднял опрокинутую кофеварку, демонстративно пыль со штанишек отряхнул, волосёнки разлохматившиеся поправил. У, хлыщ манерный, чтоб тебя отформатило! Упс, о чём это я? Он же – нежить, им форматирование не страшно.

– Если я помешал вашей интимной беседе, то могу удалиться. Но... мне казалось, или тут кто-то прячется? Если так – вам лучше поискать другое место для воркования. Здесь скоро будет слишком людно.

– О чём ты?

– Джокер, ты тупишь. Включи кибер-мозг, если обычным соображать разучился! Вас, ребята, выследили. И скоро поймают, как мышек в мышеловке. Ну что, за мной пойдёте или тут сидеть будете?

Я посмотрел на Дракулу, потом – на Марсианина. Потом – снова на Дракулу. И почему мне так везёт на подозрительных личностей? И опять приходится решать один простой до одури вопрос: верить или не верить.

– Ладно, пошли отсюда, – сказал я и шагнул за дверь.

Луч прожектора резанул по глазам.

– Стоять, не двигаться, руки за голову! Стреляем без предупреждения! – гулко разлетелось по огромному залу подземной станции.

Глава третья

Команда Джокера

Реальность откровенно подтормаживала. Не лента бытия, а слайд-шоу. Как иначе объяснить, что столько событий могло в считанные секунды уместиться? Я успевал: а) честить Дракулу на чём свет стоит своим основным мозгом; б) сканировать зал, прощупывая точки нахождения скрывающихся в темноте бойцов своим кибер-мозгом; в) генерировать силовое поле в полутора метрах вокруг себя своей охранной системой; г) кричать Марсианину, чтоб держался как можно ближе и не отставал; д) двигаться вперёд, на прорыв, с достаточно высокой скоростью, да ещё и удары силовым лучом раздавать.

Марсианину надо отдать должное – хорошо шёл, вплотную ко мне, не высовываясь. И Дракула тут же пристроился, на халяву. Впрочем, от него и польза была – он свой нейро-шунт как хлыст мог использовать, а в деле прорыва это вещь весьма не лишняя.

Первая мысль была – прорываться по туннелю. Там всё знакомо. Немного вперёд, потом отворот – на закрытую коммуникационную линию. А оттуда можно хоть на поверхность выбраться – в районе заброшенного сталелитейного завода, хоть перебраться на другую ветку, а потом, в обход завала, выбраться в канализацию. А уж в канализации меня никто не поймает.

Мысль хорошая, но... только я хотел на полотно дороги прыгнуть, как почувствовал – на путях засада. И с той, и с другой стороны станции. Поэтому рванул вверх, к эскалатору. Сделал вид, что в город хочу прорваться. А на самом деле – прыг-препрыг – и на другую, кольцевую ветку. А там – на пути. А там – впереди провал. А там – старое бомбоубежище. А там – вентиляционная шахта. А дальше – спасение. Только бы сил хватило... Только бы олухи эти не отстали... Только бы силовое поле не отключилось... Успеть бы, успеть...

А в глазах уже темнело.

Ресницы не разлипались, словно мёдом обмазанные. В голове гудело. Кибер-мозг завис, приходилось своим родным начинать соображать... Ой, как туго процесс-то идёт...

– Эй, спящий красавец, ты уже проснулся? Или тебе поцелуй принца нужен? – Дракула склонился надо мной. И тут же получил хорошего тычка.

– Сволочь, ты какого хрена меня прямо под пули выставил, а?

– Во-первых, нужно было меньше копать, – невозмутимо ответил он, потирая ушибленное плечо. – Во-вторых, на открытом пространстве шансов у тебя было больше, чем в том уютном гнёздышке, разве не так?

– А предупредить о том, что меня за дверью ждёт – никак, да?

– Ну, тогда бы это было не так интересно.

Логика в этой фразе была несокрушимая, и мне ничего не оставалось, как констатировать:

– Ладно, оправдание засчитано. Кто следующий на очереди? Где эта наглая марсианская морда?

– Не уверен, что эпитет «наглый» является точной характеристикой моей личности... – раздался серьёзный голос Марсианина у меня из-за спины. Я крутанул головой. В голове зашумело. Это кибер-мозг начал процесс перезагрузки. Оу, хреново-то как!

Минут пять спустя, вытерев с подбородка остатки переваренной прото-пастилы, я, наконец, смог как следует осмотреться.

Мы были там, куда я и собирался вывести нашу маленькую команду, – в научно-исследовательском комплексе «Андромеда». То есть в том месте, которое во время Третьей Мировой называлось «Комплексом «Андромеда»». Военная подземная лаборатория. Заброшенная и ненужная, как всё остальное. Часть базы основательно разрушена, часть – и вовсе погребена

под обвалом. Но административные помещения и часть лабораторий оказались нетронутыми, даже система жизнеобеспечения работала – умели всё-таки в прошлом веке военные лаборатории строить! Вентиляция, обогрев, освещение – всё начинало функционировать, когда в комплексе появлялись люди. Мы. Других людей «Андромеда» уже сто лет не видела.

Нашли мы это чудо чуть больше двух лет назад – когда очередной обвал открыл выход в вентиляционную систему замурованного под землёй комплекса. Вот это была всем находкам находка! Правда, повоевать с базой вначале пришлось по-настоящему – система безопасности там вполне себе была. Небезопасная для пришельцев из вентиляции. Но мы, совместными с вампирами усилиями, её месяца в два уладили, настроили, перенастроили и выстроили. И сейчас я мог с полной уверенностью именовать себя тутошним главнокомандующим. А Дракуле – так и быть – милостиво разрешал считаться моим замом. Что по этому поводу думал Дракула, меня интересовало меньше всего на свете.

Комната, где мы находились сейчас, раньше была чем-то вроде конференц-зала – стол, стулья с кибер-шлемами (в те времена приходилось пользоваться этим старьём для подсоединения – кибер-мозг ещё не изобрели), проектоэкран на стене... Хорошее помещение, удобное. Сколько раз мы тут с ребятами играли!

Но сейчас мне было не до игр.

– Вопрос первый, – сказал я, поворачиваясь к Дракуле, – как ты узнал, что мы в метро? И как ты узнал, что нас ловят?

– Это два вопроса, Джокер. На какой же из них мне ответить? – Он приставил палец ко лбу, изобразив глубокую задумчивость.

– На какой хочешь, только не выделяйся! У меня и так после перезагрузки голова трещит!

– Видишь ли, тут дело какое... – начал Дракула, намеренно растягивая слова во-о-о-о-от в такую растягушку, – после вчерашнего знакомства с твоим новым приятелем я всерьёз озабочен вопросом: есть ли жизнь на Марсе? Долго ли, коротко ли думал – того не ведаю. Скорее долго, чем коротко, – сам понимаешь, мозг-то у меня один, а ему за двоих работать приходится.

– Слушай, нежить, давай уже короче! А то я тебе твой единственный мозг вышибу.

– Как прикажете, мон дженераль, короче, так короче. Кто же спорит. Буду настолько краток, насколько могу. На чём я там остановился?

Я скрежетнул зубами, просверкал глазами, чуть разряд молний между бровей не проскочил. И Дракула сдался.

– В общем, какнул я социальную сеть опеки, – сообщил он попросту. – И такую интересную информацию оттуда выудил, что захотелось мне до дома Марсианина прогуляться. А там суeta суeta. Все бегают, кричат, руками машут. Тут меня и вовсе любопытство разобрало. Присосался нейрошунтом к одному из бегающих и машущих, да мозг у него весь и выпотрошил. Так и узнал – и про метро, и про оцепление. А пробраться к вам – это раз плюнуть. Нам, вампирам, подземелья – дом родной. Вот и весь мой сказ.

Вот тебе и нежить, ругнулся я про себя. Вот тебе и один мозг... Мне, в мои два, даже мысль об опекунской сети не пришла! Ни в тот, ни в другой! По всему Каналу искал ссылки на «Марс», а о личности своего знакомого Марсианина и не задумался.

– Ну и что ты об этом типчике узнал? – спросил я зло.

– Прошу прощения, – вмешался Марсианин. – Но обсуждение чужой личной жизни, да ещё в присутствии самого обсуждаемого – действие не совсем этичное...

– Уж кто-кто, а ты бы об этике помалкивал, детоубийца.

И тут я первый раз увидел вышедшего из себя Марсианина. Он даже на ноги вскочил. И глазёнками не хуже меня засверкал. Ха, справочный автомат разбушевался! Впрочем, «ха» тут лишнее. Поскольку его злость была такой настоящей, что аж страшно стало.

– Ты... Ты не имеешь права! Ты ничего не знаешь! Ни обо мне... Ни о нём... Ты даже представить не можешь, что значит так жить! Ты...

– О-о, кажется, кого-то по больному месту стукнуло, – мрачно прокомментировал Дракула. А потом поочерёдно бросил на меня и Марсианина внушительно-воспитательный взгляд. – Хватит уже, а? Есть более насущные вопросы, чем тренировка голосовых связок. Я предлагаю начистоту играть. Сам расскажу, что выяснил. Остальным советую следовать моему примеру. Согласны?

Марсианин шмыгнул носом и кивнул, сел на своё кресло, отвернулся от меня, взгляд в угол комнаты засунул. Словно обиженный ребёнок. Сейчас, как и при первой встрече, он напомнил мне моего щенка, и мне даже немного стыдно стало. Поэтому я изобразил головой кивок и уткнул глаза в другой угол.

А Дракула начал говорить.

– Итак, как я уже имел честь вам сообщить, я взломал опекунскую сеть. Ввёл все известные мне данные вон на то инопланетное существо, которое сейчас скромно засело в уголочке. И вскоре выяснил: всё, что в его школьном личном деле написано – родился, воспитывался, учился, – ложь полнейшая. До прошлого года его вообще не существовало в сети опеки. Никаких данных. А потом он всплыл неожиданно в Бронерском воспитательном центре – типа переведен туда из Кривской колонии. Но в Кривской колонии о нём никто слыхом не слыхивал, хотя данные о его пребывании там действительно прописаны – заплатачкой поверх всего остального. И сразу же после отметки в воспиталке был отправлен в Центральный Госпиталь с диагнозом «утрата чувства реальности». Для психокоррекции и установки патчей на проблемные зоны кибер-мозга. Но! В Госпитале о нём тоже никто слыхом не слыхивал и в глаза не видывал. Когда я поглубже больничные базы копнул, то наткнулся на такой блок, который явно не врачи ставили. А месяц назад его выписали, вернули в воспиталку, опекуна подобрали, в школу отправили. И оказался перед нами мальчик-одуванчик с гладеньким личным делом. Вот такие дела получаются...

– Ну, – я повернулся-таки к Марсианину, – что ты на это скажешь?

– Боюсь, мне нечего добавить, – буркнул тот в ответ. Он, проигнорировав кресла, сидел в углу прямо на полу, обхватив руками колени, голову вниз опустил, глаза чёлкой занавесил. – Я уже говорил, что почти ничего не помню. Жил на Марсе, а потом оказался в Центральном Госпитале с частично отформатированной памятью и пропатченным мозгом. Мне сказали, что у меня «потеря чувства реальности». Что я, якобы, безосновательно считаю себя пришельцем с другой планеты, в то время как являюсь воспитанником Бронерского центра. Показывали мне мою биографию, приводили людей, которые знают меня с рождения. Они говорили, что у меня «ложная память» из-за эмоционального стресса. Иногда я даже сам сомневался – вдруг это всё так и есть. Но... Я не могу оперировать понятиями «верю» и «не верю». Я собирал доказательства, ловил противоречия. А потом тоже догадался взломать опекунскую сеть. И узнал, что меня раньше на Земле не существовало. Поэтому я знаю: то, что я помню о Марсе, – это мои истинные воспоминания. Я – Марсианин. И у меня сейчас две задачи – выяснить, как и зачем я оказался на Земле, и вернуться обратно. А пока я старался адаптироваться к имеющимся обстоятельствам. Но... вчера, когда я пришёл домой, то... – Он запнулся, подбирая слова, – очевидно пытаюсь найти те, которые могли быть достойны наших ушей, не иначе. – Я стал свидетелем разговора моего опекуна и другого человека. Из этого разговора я кое-что понял. А потом кое-что вспомнил. И решил, что мне лучше покинуть на время дом моего опекуна. Остальное вы знаете. Я прошу прощения, что по моей вине вы оказались в подобной ситуации, но я и сам не думал, что всё будет настолько серьёзно. Я бы никогда к тебе не пришёл, если бы знал, к чему это приведёт.

Его голос был виноватым-превиноватым. И куда только делась невозмутимая справочная система?

– Из-за этого можешь не страдать, – ухмыльнулся Дракула. – Готов поспорить, что Джокер сейчас на седьмом небе от счастья – такое приключение ему выпало.

Ага, приключение знатное, но... Не нравилось мне многое в этой истории. Слишком много в ней было недоговорок и уклонялочек. Я только хотел рот открыть и спросить Марсианина напрямую, как в разговор опять вмешался Дракула.

– Ну, Джокер, теперь твоя очередь. Готов к исповеди? – Он весело мне подмигнул.

– К какой ещё исповеди? – огрызнулся я. – Жил себе, никого не трогал, ничего не делал. И вдруг на мою голову это чудо-юдо марсианское свалилось.

– Просто так и свалилось? – Дракула подмигнул другим глазом – ещё веселее.

– Слушай, ты, нежить, хватит уже намеки размазывать! Хочешь что-то сказать – говори, а нет – так звук выключи!

– Молчу-молчу! – Дракула в улыбке от уха до уха лицо растянул. – Просто я подумал, что вдруг ваша встреча была предначертана самой судьбой...

– Да пошёл ты... – сказал я вяло. Ругаться не хотелось. Да и вопросы задавать – уже тоже. А хотелось просто спать. Я зевнул во всю глотку и отдал приказ:

– Ввод, слушай мою команду. Всем отбой – кроме Дракулы. Ты сегодня в караул пойдёшь, нежити по ночам бдеть положено. Через три часа меня разбудишь, поменяемся. Под утро – Марсианин дежурит. Вопросов нет? Значит – на боковую.

Я положил голову на соседнее кресло и уснул так крепко, как только мог.

Проснулся я от того, что слышал явное и громкое:

– Ты чем кроешь! Вини винями, сказано же было! Во дурья марсианская башка!

– Тише, тише, командира разбудишь, на месте убьёт раньше, чем глаза протрёт.

– Нервный у вас командир, однако. Может, в мою банду подадитесь, а? Я вот ещё ни одного своего вампирчика и пальцем не тронул... Станете нежитью, это не сложно: хрясь, хрясь – и нет кибер-мозга.

– Вот ещё, нас и здесь неплохо кормят... Кстати, о еде... Пончик, забавай чего-нибудь, а? У меня сейчас живот слипнется...

– Джокер проснётся, тогда и позавтракаем...

– Какое «позавтракаем»! Обедать давно пора! Эй, ты опять что делаешь? Это, по-твоему, что? Это дама! Ты на фиги на неё десятку кладёшь?

– Извините, но разве дама – это не три очка? Три – меньше десяти...

– Ты тупой, а? Мы сейчас в дурака, а не в очко играем!

– Эй, тише, тише, командира раз...

– Разбудили! И два – будили! – рявкнул я так, что даже закашлял. – Это какого сбойного тут творится, а? – Я обвёл взглядом всю группу товарищей: и Призрака Оперы, лицо картами прикрывшего; и прижимающего палец к губам Зубастика; и всё ещё не знающего, что со своей десяткой делать, Марсианина; и хихикающего Дракулу; и Пончика, колдующего над кофеваркой... Так... Значит, все в сборе... А я – ни сном ни духом? То есть – как раз сном и одним только духом? – Кто посмел мой приказ о смене караула нарушить?!

– Не кипятись, Джокер, – Дракула собрал карты и принялся тасовать колоду. – Ты вчера слишком много энергии потратил. Так долго держать поле, да ещё такого диаметра, а потом – стихийная перезагрузка... Как ты вообще разговаривать мог после такого – удивляюсь. Твой мозг лучше, чем я думал, но от усталого тебя пользы столько же, сколько от файла битого. Только обузой на нас повиснешь.

– Ладно, допустим... А эти что здесь делают?

– Э т и, если я не ошибаюсь, называются «Командой Джокера». А где быть команде, как ни со своим командиром?

– А откуда они узнали, где я?

– Я Зубастик сообщение кинул.

– Что ж ты ещё свою кладбищенскую ораву не позвал? Чтоб до кучи было?

– Надо будет – позову.

Я вздохнул, снова обвёл взглядом свою команду. Призрак Оперы был невозмутим и от ощущения собственной невозмутимости чуть не лопался. Пончик сиял – довольнешенький – очевидно тем, что скоро завтракать будем... или обедать? Зубастик разве что хвостом не вилял и глазами спрашивал: «Ты же не сердишься, что мы пришли? Не сердишься?» Ну и Марсианин в уголок примостился – всё ещё несчастную десятку в руке тискает. Команда, блин...

– Вот что, Дракула, давай-ка в коридорчик выйдем – на два слова, ага?

– Как вам угодно, мон дженераль, в коридорчик так в коридорчик.

И шутовской поклон мне отвесил. Ох, он точно сегодня наскребёт...

– Слушай сюда, нежить, – заявил я сразу, как только мы за дверью оказались. – Я заботу о моей персоне ценю и всё такое... Но у тебя своя банда – там и выделяйся. А здесь – я хозяин. И моё слово – закон! Каким бы оно ни было. И решения принимаю только я. Поэтому давай без самоуправства. Либо ты прикидываешься плесенью, либо валишь отсюда к своим вампирам. Мы и без тебя справимся.

– Ни сколько в этом не сомневаюсь, – Дракула лучезарно улыбнулся. – Но разве я могу пропустить такое шоу! Здесь гораздо интереснее, чем на субботних программах Виски Фью.

– В таком случае, будем считать, что ты временно переходишь под моё командование. Рта без моего приказа не раскрывать, самостоятельность не устраивать.

– Слушаюсь, мон дженераль! – Дракула отсалютовал мне своим нейрошунтом. – Моё оружие будет верно служить вашему превосходительству.

Я презрительно хмыкнул и пошёл было назад в Конференц-зал. Но в дверях столкнулся с Призраком Оперы.

– Джокер, можно мне тоже с тобой поговорить? В коридорчике? – спросил он, глядя на меня в упор. Так смотреть мог только Призрак – серьёзно, не мигая и ни сколько не сомневаясь, что на его вопрос будет дан утвердительный ответ.

И мне ничего не оставалось, как кивнуть.

Пропустив Дракулу внутрь Конференц-зала, Призрак направился по коридору к холлу, где зияли пустотой шахты лифтов, ведущих на нижние уровни. Самых лифтов не было давно, но это не мешало нам с ребятами спускаться вниз по тросам и обшаривать всё, что годилось для обшаривания.

Призрак дошёл до лифтовой площадки, подождал, пока дверь закроется. А потом спросил резко:

– Ты ему доверяешь?

– Это ты про Дракулу?

– Чёрт с ним с Дракулой! Нежить – он и есть нежить, ему доверять по определению нельзя. Но мы его всё-таки сто лет знаем. А вот этот псевдомарсианин...

– Значит, ты в его сказочку про Марс не веришь?

– Ещё чего! Джокер, только не говори, что ты в эту фигню поверил! Впрочем, с тебя станет... Ты иногда бываешь до смешного наивным! Просто дитя малое...

Тут я чуть и не сел. Это кто наивный?! Это я – наивный?! Это я – дитя малое?! Я, знающий о настоящей жизни почти всё, что можно узнать?! Да я со своей детской наивностью распрощался ещё в младшей группе воспиталки! Сказани такое Зубастик или Пончик... Ох! Один точно без зубов бы остался, а другому пришлось бы изрядно похудеть. Но Призрак Оперы – это дело другое. Если ту парочку мне пришлось тащить на себе и воспитывать нещадно ещё с ползуче-грызучего возраста, то с Призраком мы познакомились всего года три назад. До этого он был совсем сам по себе. Я ещё никогда не встречал таких «самопосебешных» личностей. Всю жизнь я видел только один тип отношений: либо ты за кем-то идёшь, либо ты кого-то ведёшь.

Обычно вести приходилось мне – или волочь на своём горбу. Защищать, утешать, вытирать сопли, раздавать оплеухи, пинками вперёд погонять... Из всей нашей воспитательной группы только Зубастик и Пончик были хоть чуть-чуть на людей похожи, остальные – адекватно-социализированные, самостоятельно даже пукнуть не могут. В школе ребята побойчее немного – всё-таки будущее бла-бла-бла. Но тоже готовы идти туда, куда их тащат. Скучно это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.